

ВЕРА КАТТША

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отблески Этерны (Сериал Этерна)

Вера Камша

**Синий взгляд смерти.
Рассвет. Часть вторая**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Синий взгляд смерти. Рассвет. Часть вторая / В. В. Камша —
«Автор», 2017 — (Отблески Этерны (Сериял Этерна))

ISBN 978-5-699-97920-2

Осенние дожди притушили большие войны, но тем сильнее кипят страсти, тем сильнее истончается граница между жизнью и смертью. Алое становится черным, сходят с ума фрески, не верят своим глазам люди. Смотрит кошмарный сон четвертый раз сменившая имя столица, уходит в туман избранник Славы Руперт фок Фельсенбург, Скалы обретают Повелителя, Проэмперадор Савиньяк — шестую часть сердца, а казар Баата — истину. Капитан Арамона встает грудью за родную кровиночку, адмирал Вальдес рассылает манифесты, дукс Жан-Поль Салиг не знает всего в своем доме, а маршал Капрас — в себе самом. До начала нового Круга остается четыре с половиной месяца, до конца цикла «Отблески Этерны» — две книги. Больше интересных фактов об одном из лучших циклов российского фэнтези и его будущей экранизации читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97920-2

© Камша В. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

V. «Повешенный»[1]	7
Глава 1	9
1	9
3	12
4	13
Глава 2	16
1	16
2	18
3	19
4	21
Глава 3	23
1	23
2	24
3	26
Глава 4	30
1	30
2	32
3	33
Глава 5	36
1	36
2	38
3	42
Глава 6	44
1	44
2	45
3	47
4	48
Глава 7	51
1	51
2	53
3	54
4	56
Глава 8	59
1	59
2	59
3	61
4	62
Глава 9	64
1	64
2	65
3	66
4	68
5	69
VI. «Колесо Фортуны»[2]	72
Глава 1	74
1	74

2	75
3	77
4	80
Глава 2	83
1	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Вера Викторовна Камша

Синий взгляд Смерти.

Рассвет. Часть вторая

© Камша В. В., 2017

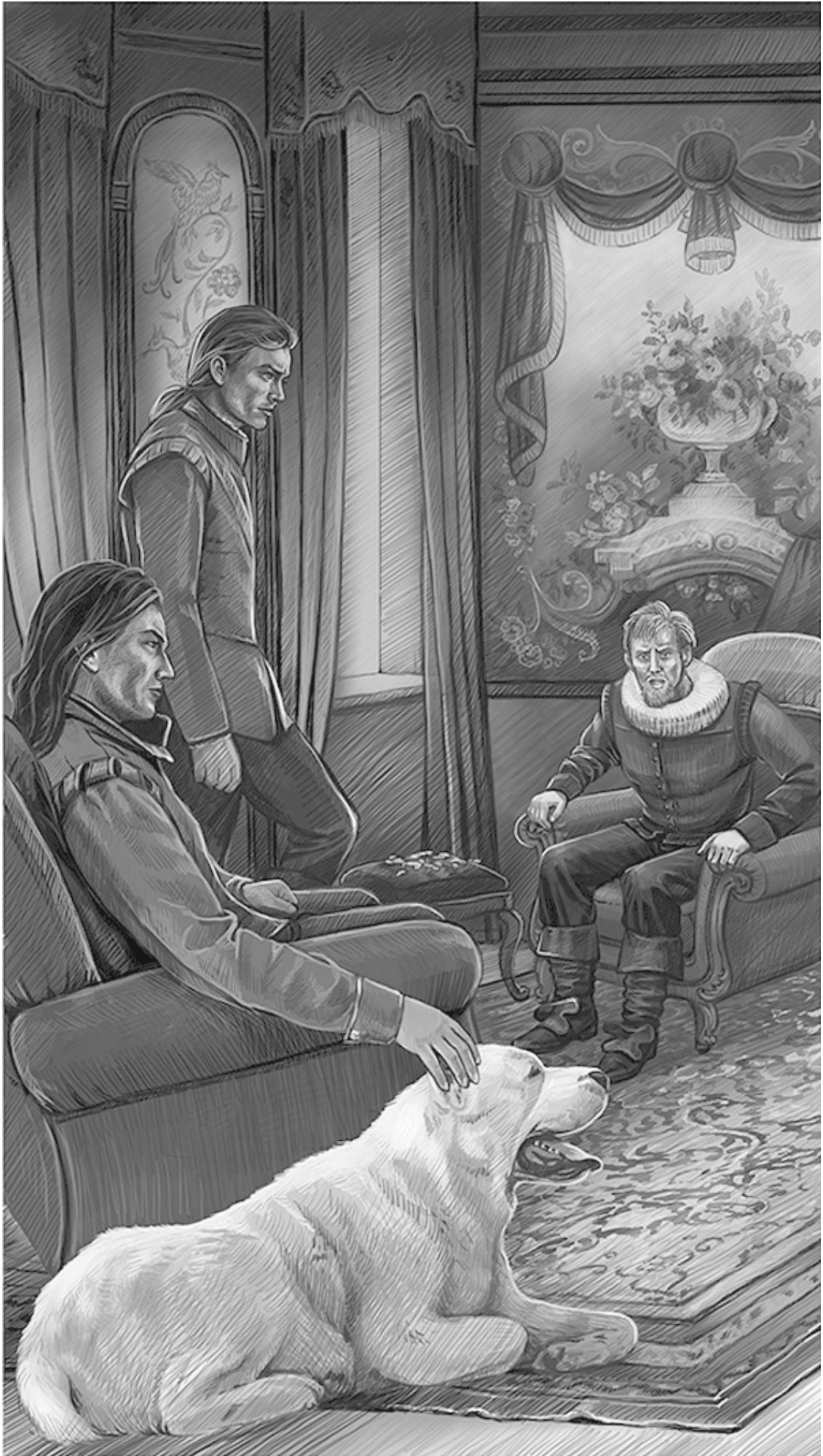
© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

«Когда император покинет импершу, – пугали древние, – Золотые Земли канут в пучину бедствий». «Шар судеб сорвется с места, – предупреждали гоганские мудрецы, – и горе тем, кто окажется на его пути. О том, что будет, если тот, кто по всем признакам и есть император, вернется, предсказания умалчивали, а он вернулся и потребовал сперва гитару, а затем – доклад. Заканчивая оный, виконт Валме понял, что все предыдущие его поручения были не такими уж и особенными, ведь „Дрянь Судеб“ где-то катается и полагает себя неотвратимой. Это она вообще-то зря».

V. «Повешенный»¹

*Я – человек, который не принадлежит никому и кто принадлежит
всем.*
Шарль де Голль

¹ «Повешенный» (**Man Le Pendu**) – высший аркан Таро. Карта говорит о необходимости самопожертвования во имя достижения цели. Возможно, надо отрешиться от мирских ценностей, пренебречь материальной выгодой. Иногда карта указывает на необходимость осознания того, что жизнь не ограничивается одной лишь материальной стороной и на существующие проблемы следует посмотреть под другим углом зрения. **ПК:** неуверенность в себе, иногда – страх, вмешательство в вашу жизнь посторонних. Карта может означать, что ваши планы обречены на неудачу, так как вы пугаетесь трудностей.

Глава 1

Бакрия. Хандава. Талиг. Акона

400 год К.С. 7-й день Осенних Волн

1

Похолодало, и Валме немного проснулся. Вставать виконт не собирался, но его принялись лизать. Это было странно: после бдений и возлияний Марсель предусмотрительно оставил пса на улице, а выпили вчера изрядно.

Виконт приоткрыл правый глаз: перед ним в самом деле был Котик. Волкодав бестактно улыбался, а Марсель по утрам радовался жизни лишь в исключительных обстоятельствах.

– Откуда ты взялся? – простонал виконт, отпихивая настырную морду. – И почему сквозняк? Окно открыл? Ты теперь летаешь?.. Кошмар!

– Готти привел я, – сообщил сквозняк. – Если будит кто-то истинно любимый, пробуждение становится менее ужасным.

Пробужденный повернулся на голос и узрел Алву. Соберано был свеж, выбрит и явно готов сесть в седло, увы, жаворонки Марселя бесили с детства.

– Если это сон, – отрезал виконт, – то, несмотря на Котика, отвратительный. И почему в нем нет хоть какого-нибудь Герарда?

Наследник Валмонов врал. Отвратительным предполагаемый сон стал бы, окажись он в самом деле таковым. Проснуться и понять, что Рокэ по-прежнему в дыре, а ты выискиваешь себе особые поручения и врешь дамам, высокопреосвященствам и бакранам... Только не это! Марсель торопливо сел и отбросил одеяло из пятнистых шкур Барсовых, надо полагать.

Интересно, почему бог Барс не запрещает охотиться на хвостатую родню? Хотя позволяет же великий Бакра одним своим чадам доить, стричь и есть других. Пусть с уважением и благодарностью, сути это не меняет.

Брякнуло. Умный Котик приволок перевязь со шпагой и теперь ждал заслуженного пряника.

– Сейчас, – заверил пса виконт. – Герцог, какая вы все-таки скотина. Да, я заявляю протест и, как и предупреждал во сне... то есть вчера, перехожу на «вы». С офицерами по особым поручениям так себя не ведут!

– Брудершафт обратного хода не имеет, – рассеянно откликнулся Ворон. То, как он выглядел, вызывало желание немедленно затолкать в дыру дражайшего папеньку. Если, конечно, дыра действует на всех, а не только на Алву, и если она еще не заросла.

– Брудершафт не более чем формальность, – Валме широко, по-собачьи, зевнул. – Я не выспался, а ты все равно скотина.

– Первой, кого я поднял среди ночи, – задумчиво произнес Рокэ, – оказалась моя мать, и было сие тридцать восемь лет назад. Затем не давать людям спать вошло у меня в привычку. Во время какой мистерии мы расстались?

– Что? – не понял Марсель. На столе печенья не нашлось, пришлось сгрести в кучу одежды и заняться карманами.

– Ты сказал, что мы расстались во время мистерии, – напомнил Рокэ. Он издевался, что убеждало в его подлинности не хуже тени, на сей раз солнечной.

– Я вынужден повторять вновь и вновь, – с достоинством произнес наследник Валмонов. – Ты – скотина.

– Не спорю, хотя те, кому я досаждаю, обычно выбирают другие слова. Так что это была за мистерия?

– Это была дыра! – взорвался Марсель. Котик озадаченно гавкнул, Рокэ только поднял бровь.

– Какая именно? – Этот перевыходец униматься явно не собирался. Ну что ж, про дыру так про дыру!

– Надорская. Круглая такая, без дна. У меня, между, прочим, был гвоздь в сапоге!

– Это в самом деле раздражает. – Рокэ поманил Котика, и негодяй тут же полез целоваться. – Последнее, что помню я, это вечер у Матильды, после которого со мной что-то произошло. Вчера я застал почти тех же людей за тем же самым занятием, но прошло несколько месяцев. Меня это озадачило, однако звезды ясно указывают на начало Осенних Волн. Кто родился у Этери?

– Девочка... Пстой, но ты же вышел от нее!

– Этери слишком хорошо воспитана, чтобы, едва поздоровавшись, заводить разговор о детях, а у меня было не в порядке с головой. И так, я провалился в надорскую дыру. Как и когда?

– Пятнадцатого Летних Волн, – не стал темнить Валме. – Так ты не издеваешься?

– Я вспоминаю, вчера это было неуместно. Как мы очутились в Надоре?

– Зоя... Капитан Зоя Гастаки. У нее к тебе было дело, но она стала выходцем...

– Пстой, – Алва поморщился, но ладони к глазам почему-то не поднес. – У тебя есть вино? Говорить о капитане Гастаки на трезвую голову я не готов.

– Руку ей, между прочим, первым поцеловал ты!

– Значит, я наконец сошел с ума.

– Для поцелуя имелись основания, – Марсель твердо решил быть справедливым. – Знаешь, я как-то не хочу вина, то есть не хочу вина без ничего... Ты завтракал?

Цирюльник пожелал доброго утра и взялся за дело. Молодчика наверняка подмывало сообщить монсеньору, что тот бледен, однако хороший цирюльник знает, когда лучше промолчать. Бестактность – привилегия набивающейся в друзья ровни, а ставить таковую на место Лионель выучился в Ариго, куда мать в свое время часто ездила. Переносились эти визиты с трудом, хотя дали они немало... Именно в Гайярэ будущий граф Савиньяк узнал, что люди бывают неприятными, и выучился с ними обращаться. Эмиль дерзил и пытался удирать, Лионель вежливо и подробно отвечал. Так вежливо и так подробно, что хозяйка начала предлагать «дорогому Ли» поиграть в парке или посмотреть книги. Ли играл и смотрел; один том, в алом переплете с золотым тиснением, ему так приглянулся, что матери пришлось выменять книгу на какую-то любезную графине Ариго дрянь. Какую именно, Лионель запомнил, подзабылись и вожделенные «Жизни шестнадцати „Львов“», а ведь в истории магнуса Руция имелась на первый взгляд мелочь, отлично лежащая на одну из «оговорок» Рокэ...

– Я закончил, монсеньор, – доложил цирюльник. – Сегодня очень сильный ветер. Это из-за заката...

– Пожалуй, – согласился едва не ускользнувший в упомянутый закат Проэмперадор, и мастер убрался. Оставшись один, Савиньяк взгляделся в свое отражение – бледность впечатляла, а ввалившиеся глаза так и норовили закрыться. При этом Лионель пребывал в отменном настроении, поскольку одним вопросом теперь стало меньше. Кровью клялись не зря – она могла самое малое слушать и слышать! Правда, и вытекло ее вчера немало... Больше, чем в Торке, когда капрал-бергер в два счета перетянул растерявшемуся теньенту плечо. Любопытно, станет ли Райнштайнер объяснять, откуда в его обиталище взялась кровавая лужа? Лионель попытался поставить себя на место барона – по всему выходило, что пол и стену Ойген мыл лично. И, само собой, оттер дочиста.

Окна были закрыты и замазаны, но колокольный зов доносился и сквозь двойные рамы. Пора. На это утро совсем уж неотложных дел Проэмперадор не оставил, но отлежаться не

получалось. Если промешкать с выходом, уже наверняка болтающийся под дверью Эмиль оную высадит, подав очередной повод для слухов, которых и так, спасибо беженцам, хватает. Ли, уподобившись Марианне, пару раз куснул губы, вынуждая их покраснеть, и решил слегка подшутить.

Ход для прислуги позволял зайти в тыл тем, кто толкался в приемной. Оказалось, кроме Эмиля с Райнштайнером явился еще и Арно. Братцы, стоя плечом к плечу, наблюдали, как Ойген допрашивает несчастного брадобрея. Не подкрасться при таком раскладе было невозможно, и Ли подкрался.

– Хочешь сменить мастера? – осведомился он. – Не советую. Тебя отлично бреют.

– Доброе утро, Лионель. – Стань Проэмперадор конем, Райнштайнер немедленно осмотрел бы ему ноги и десны. – Как ты спал?

– Мало. Но лучше встать самому, чем быть поднятым, как выразилась бы Мелхен, заботливыми и встревоженными.

– Сегодня тебе следует лежать, – вынес вердикт барон. – Утренние доклады приму я как комендант Аконы.

– Принимай, – согласился Лионель, заметив на адъютантском столе футляр с бегущими борзыми. – Эстафета от Проэмперадора Юга?

– Да, Монсеньор. – Сэц-Алан глянул на часы. – Прибыла три четверти часа назад.

– Что-то срочное есть?

– Только письмо графа Валмона.

Это не «только», это очень много. Бертрам писал и прежде, но матери, ведь мать на то и мать, чтобы забрасывать сыновей письмами. Это не ущемляло регентского достоинства, а недельная задержка ничего не решала. И вот доверенный курьер от Проэмперадора Юга к Проэмперадору Северо-Запада и Надора. Скверно.

– Ойген, – предложил Лионель, уводя готовую раскудахтаться троицу подальше от адъютантских ушей, – раз уж ты взялся меня замещать, оставайся на завтрак. Арно, где твой рапорт?

– Ка... кой?

– О том, что тебе надоело болтаться в Аконе при братьях-маршалах.

– Я...

– Несомненно, ты. «Воронье» или «спруты»?

– Господин Проэмперадор, я с радостью несу службу при штабе Южной армии!

– «Воронье», «спруты» или Старая Придда?

Паршивец хлопал глазами – мыслил. В ушах шумело, было зябко и страшно хотелось сесть. Просто сесть... А Эмиль сегодня – вылитый Арно, или это Арно – вылитый Эмиль? Забавно... Их трое, и все воют, а ближе других к смерти подходила мать. Малыш со своим ураганом оказался вторым, а они с Эмилем идут голова в голову. В Гаунау было горячее, чем в Фельпе, зато по Фельпу шлялись убийцы.

– «Спруты», – решил наконец братец. Он собирался болтаться в Аконе и спасти, он был предсказуем.

– Предписание получишь завтра после обеда. Все, господа.

Все. Повернуться, затворить дверь, рухнуть наконец в кресло, прикрыть глаза. Ненадолго, чтобы просчитать до четырехсот и взяться за дело! Валмон не склонен зря бить тревогу, и он пока еще всерьез не ошибался. Единственный из всех – старых, молодых, военных, штатских, южных, северных... Не ошибался и не волновался, а может, и волновался, только виду не подавал. Стукнуло, заскрипело... Отсидишься тут, как же!

– Ли!.. Ли, ты в порядке?

– Я-то в порядке, а вот у тебя отрастают крылья. Куриные.

– Обморок – это, по-твоему, порядок?

– Будь я в обмороке, я не мешал бы тебе квохтать, и вообще, господин командующий, шел бы ты командовать. Станет неспособен, заходи убедиться, что я жив, только, пожалуйста, не раньше вечера.

3

Маменька со тщанием собирала и хранила все обиды, нанесенные ей папенькой – неправильный подарок на третью годовщину свадьбы и еще более неправильный – на восьмую, непохваленный десерт, незамеченные слезы или замеченный покрасневший нос...

– Я пошел в мать, – твердо сказал Марсель, – я не забываю ничего, и я обижен. Крайне. Там была каменюка с бронзовыми кольцами, а у меня в сапоге – гвоздь.

– Про гвоздь я уже затвердил, – уверил Алва. – Навеки. Что со мной случилось дальше?

– Дальше ты выскочил в Хандаве, – издокладывавшийся Марсель успел охрипнуть и потому тяготел к краткости. – Из спальни Этери.

– Из гостиной, – поправил Ворон. – Занятно, что Матильда приняла меня за жеребца, о чем и сообщила Этери. К счастью, дамы выпили достаточно, чтобы не удивляться.

– А с чего им удивляться? – Валме осчастливил Котика куском холодной баранины. – Дыру видел только я, зато Матильда видела Зою, а Бонифаций о ней слышал. У тебя хороший аппетит – лучше, чем прежде.

– Предпоследний раз я, судя по всему, ел четырнадцатого Летних Волн. Вечером.

– Потом мы еще завтракали. Я оказался прав: мясо, несмотря на Зою, не протухло... Должен тебе сказать, что выходцы ходят особенными дорогами, когда смотришь с них, все кажется шиворот-навыворот.

– В любом случае я успел проголодаться. – Ворон вытер руки и быстро снял, почти сорвал сперва куртку, а затем и рубашку, после чего повернулся к виконту спиной. Марсель по-контнеровски присвистнул. Вызывавшие у пантерок визг и стоны шрамы пропали, будто Котик слизал. Предъявленная спина была гладкой, разве что ниже плеча и под лопаткой темнела пара родинок.

– Нету, – объявил все еще краткий Марсель. Шрамы были жуткими, но их мало кто видел, а если и видел, то почти наверняка выпив, так что не слишком уж они и мешали. Вот без них стало как-то неправильно, почти как без тени.

– Значит, я переоценил тактичность Этери, – сделал вывод Ворон и принялся одеваться. За подобное спокойствие хочется врезать, а маменька однажды швырнула в папеньку вазочкой. Тот увернулся и выписал из Ургота первую рассаду, это были еще не астры и уже не семья.

– Если ты предоставил Этери возможность быть тактичной, то мог заметить, что она успела родить.

– Вначале я как-то упустил из виду, что даме следует быть в деликатном положении; потом я, само собой, вспомнил, но это был уже второй визит. Вот о чем я забыл спросить, так это о муже; он жив, надеюсь?

– Напекаешь на то, что жениться на вдове не собираешься?

– Посмотрим. Так где Барха, или его опять переназвали?

– До рождения второго сына его высочество останется Бархой, – Валме по-посольски развел руками. – В настоящее время он со своей гвардией патрулирует пока еще гайифскую границу, а Бакна их инспектирует. Его величеству это дело очень нравится. Как ты думаешь, для бакрана рога – позор или наоборот?

– Все зависит от рогов. Кто знает про дыру?

– Папенька и Зоя с Арамоной. То есть выходцы знают, что ты там, где хотел быть.

– Забавно, – Рокэ знакомо посмотрел сквозь бокал. Нет, это положительно был он, пусть и без шрамов! – Стоит мне оказаться там, где я хочу, как приходится возвращаться. Если знает Бертрам, знает и графиня Савиньяк.

– Графиня на севере. О несвоевременных вещах папенька никогда не напишет, а ты провалился очень некстати.

– Главное, о том, что я умирал, известно только вам с отцом.

– Ничего нам не известно! Трупа я не видел, только дыру. – Марсель поднял бокал. – Твое здоровье!

Бокалы столкнулись, раздался мелодичный, не желающий стихать звон. Алва провел ладонью по лицу.

– Надеюсь, хоть эта голова болеть какое-то время не будет, – заметил он с некоторой рассеянностью. – Докладывай.

– Опять?!

– Ты еще и не начинал, – Рокэ подцепил последний кусок мяса и отдал только этого и ждавшему Котику. – Моя смерть к делу не относится, к тому же Валмоны решили, что ее не было, я склонен с этим согласиться.

4

«...Не возьмусь сказать, когда тебя стало поздно учить, – хмыкал из своего далека Прозэмперадор Юга, – так что получай наши новости и распорядись ими по своему нетривиальному усмотрению...»

Пожелание было достойно Бертрама, известия... Ничего сопоставимого с Мельниковым лугом или Олларией не случилось. Пока.

В Гайифе по-прежнему странно и непривлекательно, корсары продолжают трепать побережье, новоявленный «Сервиллий» собирает силы, мориски тоже. В Алате некоторые горячие и при этом корыстные головы желают округлить владения за счет Агарии и Гайифы. Просто горячие головы, кто не попал в корпус Карои, рвутся подраться хоть где-то, к тому же им почему-то не нравится новый павлин. Альберт выжидает, но к Талигу лоялен, в этом нет ни малейших сомнений.

Ургот, Фельп и Бордон тихи и спокойны, вскипевшая было Агария угомонилась, однако есть сведения, что часть разогнанных «львами» крыс прошмыгнула в Талиг, и среди этих крыс затесался красивый фельпский генерал, о котором хорошо бы расспросить Эмиля.

Во вверенной Бертраму провинции все идет как положено, даже война, хотя господа данарии и пытались прорвать блокаду сразу по трем направлениям. Дрались яростно и где-то даже умело: надо думать, разжились толковыми офицерами. Мерзавцев подвела нехватка кавалерии, слабая выучка добровольцев и то, что пытались атаковать сразу в нескольких местах. Кэналлийцы при помощи ополченцев и людей Эпинэ успешно отбились, причем сам Эпинэ показал себя очень прилично. Графиня Савиньяк может быть довольна: в сыне старой приятельницы она не ошиблась – новобранцев готовит с умом, с кэналлийцами ладит, бывшим мятежникам мозги вправляет. Думать самому бывшему Прозэмперадору Олларии сейчас некогда, но зимой он наверняка попробует и это.

Сам Бертрам думает уже сейчас. О том, нет ли связи между агарийскими гостями и одной, уже талигойской, странностью, пока же полагает правильным сообщить, что

«в четырнадцатый день Осенних Ветров Кадельская армия покинула свой лагерь на агарийской границе и двинулась на север. В качестве объяснения, которого никто не требовал, услужливый Заль прислал собственноручно снятую им копию секретного регентского приказа: мол, на севере тяжело,

поспешите на помощь. При этом армия отчего-то двинулась в обход защитников Кольца. Подобное плохо согласуется со спешкой, но, главное, я не могу представить, чтобы ты, пусть даже от имени находящегося на весьма своевременном лечении регента, не поставил меня в известность о подобном решении. К тому же складывается впечатление, что составитель приказа либо не знает о заключенном перемирии, тогда это не ты и не больной Ноймаринен, либо свое знание скрывает. Последнее абсурдно, поскольку новости неминуемо достигнут армию на марше и вызовут законное удивление хотя бы у высших офицеров. В этом году абсурдно слишком многое, однако свешивающийся с дикой сикоморы пояс от бархатного халата тоже абсурден. Если только он не является хвостом леопарда...»

Будь Проэмперадором Юга кто попроще, он бы упирал на то, что Кадельская армия нужна в Эпинэ. Бертрам не упирал, а сомневался, Лионелю же и сомневаться было не в чем – он собирался не отзывать Заля, а менять. На Фажетти. Начатое письмо Рудольфу лежало в бюро, самым простым было бы его закончить и, не дожидаясь ответа – отстранение Заля возражений не вызовет, – погнать нового командующего навстречу кадельцам. С должным эскортом, ну и с рэем Кальперадо, поскольку девица Арамона нужна в Аконе.

Савиньяк подошел к бюро и даже его отпер, но этим и ограничился. Маршал водил пальцами по светлому резному дереву и перебирал в уме всех известных ему Залей. Семейство было пакостным, неглупым и очень-очень осторожным. Решиться на что-либо без обвешанной печатями бумаги его представитель не мог, и уж тем более он не стал бы спешить навстречу дриksam. Будь у Лионеля уверенность, что Заль все еще Заль, маршал бы счел, что тот под благовидным предлогом удирает туда, где стало мирно, только бесятся не обязательно псы, с зайцами и ежами это тоже случается. Прежний Марге многого бы не сделал. И прежний Орест. И прежний командир «китовников», перетянувший к себе пехоту Рейфера и отправившийся захватывать Марагону...

Примерять шкурку бешеного зайца помешал стук – тактичный Райнштайнер давал обескровленному Проэмперадору время принять позу пободрей. Ли использовал баронскую любезность, чтобы развалиться в кресле.

– Ничего заслуживающего внимания, – доложил барон, – во время докладов не прозвучало. Мне пришлось отдать ряд распоряжений, я готов их обосновать.

– У тебя были сомнения?

– Нет.

– У меня их тем более не будет. Ойген, мне следует извиниться за пролитую на твой сундук кровь. Тебе удалось привести комнату в должный вид?

– Да. Пока кровь не свернулась, она смывается холодной водой без особых усилий. Извинения излишни, поскольку то, что ты сделал, сделано для нашего общего блага. Мы поняли очень важную вещь, но она порождает больше вопросов, чем ответов.

Когда я убирал кровь, я много думал. Проще всего объяснить поведение родных братьев, особенно близнецов. Я и Герман провели старый бергерский ритуал и являемся побратимами, можно предположить, что герцог Придд и виконт Сэ, перешедшие на «ты» во время сражения на Мельниковом Лугу, тоже стали таковыми. Это объясняет восприимчивость Придда: он почувствовал тревогу Арно и сумел ее соотнести с тобой, но что в таком случае означают мои ощущения? Было бы проще, если б Герман являлся близким родственником Савиньяков, но это не так. Ты улыбнулся, я сказал что-то смешное?

– Нет, – полусоврал Лионель, – но, слушая тебя, я начинаю чувствовать себя унаром.

– Подобные вещи мне говорят довольно часто, – с удовлетворением сообщил бергер. – Дело в том, что я переехал в Талиг довольно поздно, а до этого изучал язык по книгам. Моя речь правильнее вашей, что будит память о менторах. Полагаю, через двадцать лет точно так

же начнут воспринимать герцога Придда, но пока он слишком молод. Так что ты думаешь о моем предположении?

– Оно не объясняет поведения моих братьев. Эмиль допекал меня с самого заката, но за ужином успокоился и заскучал. Ни его, ни Арно сдержанными не назовешь. В отличие от Придда, а не смог себя сдержать именно он. И, раз уж ты помянул Мельников луг... Вас там было четверо, попытайся вспомнить свои ощущения.

– Я уже говорил об этом с Германом. Мы чувствовали себя неуютно, но это легко объяснить приближающимся ураганом и поражением, которое мы терпели. Я хотел бы вернуться к нашему вчерашнему поступку. Оказывается, потребность скакать в закат у Германа уже возникла. Это было в дороге, причем ему и его людям удалось увидеть знаменитую блуждающую башню. Лионель, я очень хочу продолжения этого разговора, но в связи с делом фок Дахе велел собрать видных аконских граждан и полагаю неправильным опаздывать.

– Так не опаздывай, – согласился Савиньяк. – Ойген, очень возможно, мне скоро понадобится не менее двух полков, готовых выполнить любой приказ. Когда я говорю *любой*, я имею в виду тот, который талигойцы могут не выполнить или выполнить не до конца.

– Постараюсь ответить не как ментор из Лаик, – бергер улыбнулся, будто айсберг перед носом корабля блеснул. – Тебе нужно некоторое количество палачей? Они будут, но мы должны быть уверены, что убиваем тех, кого следует.

– Это мы скоро узнаем. Известный тебе Заль, наврав Валмону, пошел на запад, якобы на соединение с армией моего брата. Вопрос в том, бежит ли он от возможной схватки с данариями, желает к ним присоединиться или намерен им уподобиться? Я высылаю разведчиков, но готовиться начнем прямо сегодня. Если Заль струсил, его сменит Фажетти, нет – двинем армию. Не дожидаться же, пока зараза накроет весь запад.

Глава 2

Бакрия. Хандава. Талиг. Акона

400 год К.С. 7-й день Осенних Волн

1

Неизбежного не случилось. Вчерашние мансай с касерой не только не приковали Матильду к постели, они вообще не давали о себе знать. Ее высочество проснулась раньше своего супруга, причем с ясной головой и в каком-то девическом настроении. В Сакаци Матишке порой снилось что-то веселое, лихое, ускользящее; в такие дни она, всегда любившая понежиться в постели, вскакивала и неслась на башню Балинта встречать солнце. В Агарисе сны стали четче, бесстыдней и потеряли часть крыльев, а сегодня – опять... Матильда уселась в постели, обхватив колени, представила, на что она похожа, особенно если рядом усадить обожающую такую позу Мэллицу, и рассмеялась. Супруг в ответ хрюкнул, повернулся и попытался натянуть на себя придавленное одеяло.

– Сурок сонливый, – нежно шепнула алатка и совсем уж собралась разыскать тергачинное перо и пощекотать в сопящем мужнином носу, но передумала. Бонифаций вчера пил меньше и только касеру, но выпасться ему не мешало, а ей... Ей не помешало бы полюбоваться горами!

Принцесса внушительной птицей перепорхнула через дрыхнувшую половину и принялась одеваться, благословляя платье без шнуровки и отсутствие камеристок, однако прогулка сорвалась: караулившая под дверью Мухр'ука сообщила, что Этери «ждот и хочэт выдэт быстра». Алатка никогда не удирала, если ее звали на помощь, каким бы противным ни был зовущий, лисонька же Матильде вчера понравилась окончательно. Другое дело, что впервые напившаяся кагетка не представляла, что ее ждет утром. Как назло, ясноголовая высокопреосвященства выскочила из своих покоев без фляги, пришлось возвращаться. Бонифаций по-прежнему сопел, обнимая подушку, и принцесса все же тронула его за нос: муж дернулся, но не проснулся. Странно, что Этери продрала глаза, хотя ее могло просто затощнить.

– Госпожа здорова? – спросила Матильда, когда они со служанкой и скромно держащимися позади адуанами лезли по очередной лестнице.

– Савсэм здравая, – заверила старуха и уточнила, – но трэвожная, как горлица у гнезда, когда в нэбэ арол.

– Странный у вас мансай...

– Гаспажа гаварыт нэ панятно.

Госпожа фыркнула и замолчала. Свалившийся им вчера на головы «арол» переполошил не только Этери. Обалдели все, хотя удивляться по большому счету было нечему – как ушел, так и вернулся. Сделал что хотел, узнал про богоданца и получивших в зубы морисков и решил заняться Гайифой лично. Значит, более важных дел у Ворона нет! Были бы, регент сейчас или дриксенцев колотил, или Олларию мозги вправлял, а он ночь напролет пел, смеялся и пил. Пил, пока собутыльники могли поднимать стаканы. Первым сдался Дуглас, Матильда оказалась второй, но она и начала раньше...

– *Светит рыжая луна, —*

замурлыкала под нос алатка, – *гейя-гей,*

За тебя, мой свет, до дна, гейя-гей!

Лестница кончалась у самого садика Этери. Узенькая калитка явно предназначалась слугам, так что ведьму с рогами они благополучно обошли. Если ведьма все еще отвращала зло, хотя какое зло в такое утро? Розовое, ясное, холодное – как молодость, которая взяла да и вернулась под звон чужих струн и родных песен.

*– Ты не пьян, а я пьяна, гейя-гей,
Ты свободен, я – жена, гейя-гей!..*

– Гыйя-гый! – откликнулся все забывший и ничему не научившийся крылатый зеленоштанец, что означало: «Есть давай! Хочу! Много! Всегда!»

– Кыш! – велела алатка. Место вчерашнего пиршества пряталось за домиком, а здесь были усыпавшие куст ягоды и множество птиц, пичуг и пичужек, правда, зеленоштанец среди них был лишь один.

– Хвост вырву, – пригрозила принцесса не желающему отлетать наглему и юркнула в распахнутую служанкой дверцу. Этери уже ждала, выглядела она озабоченной, но отнюдь не бледной и не зеленой. А ведь дочка Лиса могла в мансай что-то и подсыпать! Потому и сама бокал за бокалом пила, и гостье подливала. Покойный Адгемар, по слухам, только резал чужими руками, а травил сам, те же, кто на «ты» с отравой, на короткой ноге и с противоядиями.

– Я не ждала вас так рано, – быстро проговорила кагетка. – Надеюсь, Мухр’ука вас не разбудила?

– Могла бы и разбудить, раз уж нужно. Что было в мансае?

– В мансае?

– Будь он сам по себе, мы бы обе еще спали.

– Разве? – мысли лисоньки занимало что-то другое. – Вы хорошо помните мою картину?

– Такое, пожалуй, забудешь!

– Тогда идемте.

Кто-то... надо думать, верная Мухр’ука, постарался – следы вчерашнего разгула исчезли, пахло и то не разлитым вином, а чем-то вроде полыни. С комнатой было все в порядке, за одним-единственным исключением. Роспись в нише уродовала нескладная долговязая фигура. Где-то едва намеченная, а где-то прорисованная до мельчайших подробностей, она, попирая все понятия о перспективе и прочих художественностях, вознеслась облезлой башкой выше не только дальних гор, но и занимавшего передний план рогатого Бакры. Вглядевшись, Матильда поняла, что непонятный урод сразу находится и перед козлом, и за ним. Четче всего вышли запястье, ноги – одна по отворот сапога, а другая по бедро, и шея, зато туловище с трудом проступало сквозь пропоровшего его рогача.

– Я не знаю, что с этим делать, – посетовала хозяйка. – Бакраны решат, что это Зло, и все начнется заново, а зарисовывать долго. Он слишком большой, и я не понимаю, откуда он взялся.

Матильда вгляделась, пытаясь припомнить стену, в которую летом ушли Алва с Валме. Фреска там была, но другая, к тому же испакостившая горы и небо фигура явно принадлежала не кагету.

– Мужчина, – начала с самого очевидного алатка. – Одет не по-кагетски и не по-горски, точнее не скажешь.

– Нога нарисована очень хорошо.

– Я бы сказала, слишком, – поморщилась Матильда: уходящая в никуда нога напоминала о Рыбке с ее презентами. – Лучше б голову нарисовали!

– Не могу вспомнить никого с такой осанкой. Писать по нему можно, краски ложатся... Видите птицу? Там было ухо, оно мне особенно не понравилось... Не само ухо, а то, что оно

одно. У нас прежде был неприятный обычай, некоторые казароны его придерживаются до сих пор...

– Уши врагам рубили? Так и мы тоже.

– Не просто рубили – засаливали и хранили на льду, а это... Оно оказалось на облаке и было совсем как живое.

Птица – черный ворон – была не из лучших творений Этери, но какой спрос с художницы, обнаружившей на своей картине непонятное чучело? Принцесса поскребла ногтем сперва сапог, затем – козла. Козел соскребался, сапог – нет. Как подобный казус истолкует Премудрая, Матильда не представляла, но знамение выходило не из приятных. Этери думала так же.

– Если б только я нарисовала что-то другое, – вдохнула кагетка. – Скоро приедет тесть и с ним первая из Премудрых. Она везде видит Зло, которое по воле Бакры прогнал герцог Алва, а Зло всегда хочет вернуться... Этот черный выше гор и больше Бакры и регента, его обязательно истолкуют.

– Кстати, – буркнула Матильда, – ты опять ройю сняла! Надень, а то решат, что поганец из-за этого намалевался!

– Я не снимала, – запротестовала Этери, поднося руку к расписному шелковому платку. – Она там. Мне... шею надуло.

– Бывает, – кивнула Матильда, которой в прежние годы частенько «надувало» то шею, то грудь, то плечи. Кошки б подрали этих любовничков, отцелуют свое – и в окно, а ты замазывай да прикрывай! – Ну и глупы же мы с тобой! Повесь ковер, и вся недолга. По приказу Ворона повесь, и пусть он запретит к нему прикасаться всем, кроме тебя, а ты потихоньку этого болвана закрасишь.

– Закрашу, – вздохнула кагетка. – Я слышала о нерукотворных иконах, они тоже сами появляются, но ведь это не святой.

– Да уж! – Матильда вновь воззрилась на застящую горы фигуру. – Вообще-то это не он большой, а козел мелкий, но на святого – да, не тянет. Поза не благостная.

2

Коннер пред Алвой благоговел, но это было благоговение волкодава, подразумевающее прыжки и счастливый лай. Нет, тело генерал-адюана не скакало и не гавкало, зато душа... Рокэ это понимал и не забывал о пряниках, тоже духовных.

– Больше мне послать некого, – объяснил он варастицу, и Марселю почудилось, что тот сейчас высунет язык и шумно задышит. – Здесь вас заменить все-таки можно.

– Это точно, Монсеньор, дураков не держим. Что делать-то?

– Лететь к Дьегаррону, а от него – в Эпинэ. В Тронко не заезжать, не заезжать вообще никуда. Дорога на ваш выбор, но через три недели чтобы были у Валмона; он в своих владениях сидит вряд ли, так что придется искать.

– Найдем.

– Начнете с того, что передадите письмо от сына, потом вручите мое и потребуете совместной прогулки. Когда убедитесь, что вокруг даже мухи не вьются, скажете, что я буду ждать его людей в Лаик где-то в десятый-пятнадцатый день Осенних Молний. Марсель, есть что добавить?

– Бакранский козий сыр, – бездумно сообщил язык виконта. – Если, конечно, он доедет.

– А чего б не доехать? – удивился Коннер. – Осень, авось не стухнет. Еще что?

– Все, – залихватски подмигнул отчаянно не желавший тащиться в Лаик Валме. – Вперед!

– Через часок двинем. Монсеньор, вы никак напрямки через Кольцо наладились?

– Да.

– А оно точно нужно?

Марсель считал, что нет, только Алва никогда не был горбат, вот дыра его и не исправила. Встревоженный Коннер удалился с песьим вздохом, а Марсель так ему и не объяснил, что посланец держит в руках их с Рокэ жизни.

– Я думал, ты больше доверяешь Савиньякам, – двинулся в обход Валме. – Они могут обидеться. Только начали воевать, и вдруг – ты.

Алву чувства братьев-маршалов не волновали, он с мечтательным видом глядел в окно, пейзаж и впрямь открывался прелестный.

– Ты, несомненно, стал лиричней, – заметил Марсель, – а вот мы от войн огрубели. Не будешь ли ты столь любезен, что оставишь прекрасное в покое?

– Буду. Хочешь стать Проэмперадором Сагранны?

– Нет!

– Отчего-то я так и подумал.

Виконт обреченно сунул за пояс три пальца, они влезли спокойно, но только они.

– Я больше не хую, так что всему есть предел. Лошадей загонять станешь?

– Нет.

– Меня ты тем более не загонишь, но Котика Бонифацию я не оставлю. Эпинэ Марианну оставил, а она взяла и умерла.

– Я оставил Моро, – прекращать созерцание гор Алва не собирался. – Войдите!

– Так что письмо, – доложил дежурный адуан. – От кардинальши. Вроде срочно.

Рокэ читал, а Валме чистил ногти и не хотел за Кольцо. Если б не дыра, они бы давно были в Ноймаринен. К Мельникову Лугу, конечно, не успели бы, но Рокэ всяко нашел бы, чем заняться. И Бруно бы разбили, и скакать через кишаси придурками графства бы не пришлось.

– Странный тон. – Алва бросил распечатанное послание на стол. – Матильда требует, чтобы я немедленно шел к Этери. Будь одна мамашей, а вторая – девицей, я бы решил, что меня начнут женить. Как честного человека.

– Я тебя провожу. Как бесчестного... Почему Лаик?

– Мы ее знаем, и сейчас там, по твоим собственным словам, должно быть тихо.

В последнем Марсель успел усомниться. Графиня Савиньяк написала папеньке полную ерунду! На самом деле Лаик кишела бесноватыми, а на подъездах к ней болтались орды мародеров. Это было не менее очевидно, чем намерения гнавшегося за лодкой бревна, только офицер для особых поручений состоит при особе, куда бы кошки эту особу ни заносили.

– Готти, – сказал Валме задремавшему волкодаву, – пошли не жениться. Нас ждут.

3

Алва приволок Валме, а Валме – пса. Мужчины, не желая вспоминать, что было ночью, ведут себя как последние трусы. Даже те, кто почитаются храбрецами. Можно подумать, кэналлийца позвали бы, не появившись на стенке непонятная гадость!

– Спасибо, что нашли время, – прошипела алатка и, чтобы не протягивать руку, схватила с подноса грушу. – Боюсь, вы поняли меня неправильно.

– Скорей, это вы написали не совсем то, что собирались. У графа Рафиано, которого вы еще узнаете, есть притча о лисе, писавшей пасечнику, а думавшей о птичнике. Чем могу служить?

– Хорошо, что вас двое, – принцесса тяпнула грушу, та от обиды плюнула соком. – Нужно повесить ковер.

– Где? – невозмутимо уточнил Ворон и галантно, вот ведь дрянь, поднес к губам руку Этери.

– В моей гостиной, – лисонька, умница такая, и бровкой не повела. – Там испорчена стена, и я бы не хотела, чтобы ее увидели мои подданные. Бакраны придают подобным вещам слишком большое значение.

– Лучше искать смысл в случайностях, чем случайность в закономерности. Ковер будет с птицами?

– Не имеет значения. Я вряд ли скоро войду в ту комнату.

Так-то вот, господин-красавец! Небось, думал, тебя здесь примутся за ноги хватать, заливать слезами и зацеловывать? Нет уж! Ты пришлешь адуанов приколотить тряпку и уберешься восвояси. Есть женщины, которые говорят «приди» только раз. Не удержал, струсил, недопонял – конец один, кто был всем, становится никем. Навсегда.

– С вашего разрешения, мы с виконтом все-таки взглянем.

– Я пойду с вами, – негромко сказала кагетка. – Это мои покои, и это моя картина.

Матильда тоже пошла и тоже стояла и созерцала испакощенную стену. Долговязая фигура, вломившаяся в синюю безмятежность, тревожила – слишком уж она была чужда цветам, небу и... ожиданию любви. Только глядя на огромную ногу без туловища, Матильда поняла, что Этери рисовала свое несбывшееся. Вчера оно наполовину сбылось и сдохло, оставив стыдную горечь, так чему удивляться? Вот такими сапогами по душам и топчутся.

– Алисианская мода, – подал голос Валме. – Не лучший образец.

– Что за бред? – как могла вежливо спросила алатка. Виконт охотно указал на рога, словно бы пропоровившие безголовую шею.

– Такие воротники носили только во время регентства Алисы и только в Талиге, но я не вижу шитья.

– Я много чего не вижу, – буркнула Матильда, – например, башки.

– Было ухо, – напонила Этери. – Теперь на этом месте ворон. Герцог, это никоим случаем не намек на вас.

– Сударыня, я не имею обыкновения полагать, что все говорят и думают исключительно обо мне. Вы правы, ковер, несомненно, нужен. Бакранов я предупрежу.

– Буду вам очень признательна, – Этери отвернулась от изгаженной мечты. – Давайте перейдем в сад, и я прикажу подать фруктов. Или вы торопитесь?

– Не сегодня, – Алва с Валме упорно продолжали разглядывать проклятую ногу. – Чтобы опознать человека по старым сапогам, нужно быть камердинером, но я готов поклясться, что однажды стаскивал если не этот позор сапожника, то очень похожий. Ты бы спел «это было нелепо».

– О! – оживился виконт. – Я кое-кого уже просил, но мы уезжаем, а Котика не уговоришь. Ты бы не мог отучить меня начинать романы с «Это было»? Разумеется, если мы не будем в бою.

– Мы уже в бою, – обрадовал Ворон. – Поскольку есть мнение, что жизнь и есть бой, причем вечный, а покой является сном. Ваше высочество, вы ведь приняли меня за кого-то, кто выходил из стены и с кем вы раньше встречались?

– Чушь, – отдельно произнесла принцесса. – Я видела жеребцов, а на стенке – мул! Облезлый.

– Просто он не на своем месте, – Алва царапнул штукатурку, как часом раньше сама Матильда, и женщина не удержалась.

– Поганец не отскребается, – злорадно сообщила она. – У вас много дел. Пришлите пару адуанов и...

– И убирайтесь? – весело подсказал кэналлиец. – Ваше высочество, вызвали меня вы, но принимает нас Этери. Звучит фамильярно, но я не могу обращаться к двум дамам одинаково.

– Можете звать меня высокопреосвященства, – рыкнула Матильда. – А вчера я была пьяна.

– Я уже просила называть меня по имени, – вмешалась кагетка. – Имя – почти все, что от меня осталось. Языки так быстро забываются, а вновь рисовать я начну не скоро. Вы торопитесь?

– Несомненно, но, виконт Валме не даст соврать, перед дальней дорогой я обычно наношу визиты дамам. Иногда в окна, но сегодня все будет благопристойно. С вашего разрешения мы вернемся вечером взглянуть на ковер.

– И только? – Гордость Этери таяла, как сосулька. – К фруктам можно подать вино, а к коврику – гитару. О многом я не прошу, но одну песню вы мне оставите?

– Разумеется.

– Но я прошу прямо сейчас.

Хочет поговорить, вернее, высказать! Имело бы смысл, не приволоки Алва своего прыгуна. Кэналлиец не желает объяснений и вряд ли расположен щадить. Может, услышь он то, что вчера слышала Матильда, до него бы доперло, только влюбленные дуры перед лицом предмета своих чувств немеют. И глупеют.

– Я тоже прошу, – решительно объявила алатка. – Валме, кэналлийские песни вы поете скверно.

– Не только кэналлийские, – поклонился виконт, распахивая садовую дверь. – Но я пою тогда, когда являюсь меньшим из зол. Кстати, ваше высочество, вы ведь вчера тоже пели.

– Не помню.

– «Разбивается бокал, – подсказал паршивец, – полночь!»

– А... Это из-за жеребцов, – Матильда не то чтоб смутилась, просто лучше бы этот проход запоминал поменьше. – Они с герба Эпинэ, а про бокал как-то Робер пел.

– Даже так? – усмехнулся Алва, отшагивая, чтобы пропустить дам. – Вчера, похоже, здесь пели все.

– Мой брат не поет никогда, – Этери скользнула взглядом по псу и паре надоед, при которых о главном не поговоришь. – Герцог, я хотела сказать... показать вам одну вещь. Ее тоже надо объяснять бакранам. Ее высочество Матильда передала мне алую ройю, по ее словам, это было ваше поручение.

– Да! – отрезала алатка, буравя герцога взглядом. – Регент был вынужден уехать ночью и не хотел тебя в твоём положении будить. Мы с супругом его провожали, и он меня попросил об услуге. Не так ли, сударь?

– Пожалуй, – Ворон повернулся к Матильде и нахально ей подмигнул. – Я припоминаю нечто в этом роде... Надеюсь, этот пустячок вам понравился?

– Герцог, – Этери поднесла руку к прикрывающему шею платку, – камень стал черным. Смотрите.

Никаких предосудительных пятен на изящной шейке не имелось, только цепочка с осколком ночи. Матильда не представляла, что тьма может быть столь крошечной и при этом светиться, но она светилась. Сверкала. Мерцала, как мерцают настоящие звезды, и еще не родилась женщина, способная это чудо даже не подарить – выпустить из рук.

– А вы знаете, – лениво одобрил Алва, – так мне нравится гораздо больше.

4

Дамы выглядели ошарашенными, и Валме поспешил поддержать разговор.

– Рокэ, – вполголоса осведомился виконт. – Это и есть черная ройя?

– Несомненно. Этери, в Кагете имеется что-то вроде академии или ваш батюшка не успел?

– Успел Баата. Он объявил об учреждении академии, когда узнал о морисках. Человек, которого здесь убили, должен был приглашать в Кагету перепуганных ученых. Они вам нужны?

– Нет, но вы могли бы получить мантию, объяснив причину редкости черных ройес даже в сравнении с алыми. Как мы только что установили, первые при соблюдении некоторых условий получаются из вторых.

– Но я не знаю этих условий, – в голосе принцессы звучало что-то похожее на отчаяние, и вряд ли из-за недостижимости высокоученой тряпки.

– Это и не нужно. Академики никогда не объясняют всего и сразу, как кот не вылавливает в подвале всех мышей. Ваше дело намекнуть на ряд условий, и каждое из этих условий, мнимое ли, настоящее, удостоится диссертации, а возможно, и не одной. Ваше высочество, вам нравится Эпинэ?

– Да!

– Мне тоже. Двое из четверых не так уж плохо...

– Я вам не академик! – обычно добродушная кардинальша сегодня держалась почти воинственно. – И я не собираюсь ломать мозги о намеки. Что не так уж плохо?

– Все! – Алва удивленно поднял бровь. – Мы, вы, собака, погода, горы, груша в ваших руках. Или она являет собой печальное исключение, и поэтому вы ее не доедаете?

Ответом стал хруст, сделавший бы честь самому Котику. Этери улыбнулась, Рокэ – тоже. Если б не алатка, Марсель свистнул бы пса и отправился глянуть, что творится по ту сторону дома, но раз нельзя оставить вдвоем, лучше остаться впятером, тогда злость двоих делится натрое. Задумавшийся над сим арифметическим казусом виконт не сразу обратил внимание на лай, в котором, впрочем, не было и намека на злость или тревогу. Котик зачем-то сунулся к дому, унюхал слугу и давал понять, что уединению конец.

– Мухр'ука хочет знать, не надо ли нам чего, – объяснила Этери. – Я велю ей принести гитару.

– Гитара от несведущих рук гложет, скажите мне, куда идти... Или проводите.

– Я провожу.

– А мы с Готти развлечем ее высочество, – вызвался Валме. – Котик!

Котик откликнулся, но не подбежал – был занят. У Мухр'уки, несомненно, имелось что-то притягательное, но то ли старуха не спешила с подношением, то ли волкодав не желал угощаться из чужих рук. В любом случае, он призывал хозяина.

– Простите, – извинился виконт, – мы сейчас.

Матильда все еще сражалась с грушей, а Рокэ с Этери смотрели друг на друга. Валме очертил вокруг сердца что-то бакранское и отправился улаживать котиковы дела. Волкодав продолжал солидно облаивать невидимую за кустами служанку, виконт велел ему замолчать, и тут раздалось сдавленное:

– Кто здесь?

Говорил мужчина, и говорил на талиг. Без малейшего акцента! Валме припустил вперед, ему и оставалось-то несколько шагов. Дверь в обиталище Этери была распахнута и за нее держался кто-то высокий и потрепанный. Сверху он был совершенно незнаком, но сапоги... сапоги были те самые!

– Прощу прощения, сударь, – владелец сапог был явно взволнован, – не могли бы вы сказать, где я и... Здесь лето?!

– Осень, – охотно объяснил Марсель. – Это Хандава. Бывшая резиденция кагетских казавров, сейчас она принадлежит бакрийской короне. Вы, видимо, только что из стены? То есть, я хотел сказать, из Талига?

– Я... – Высокий пошатнулся и сел, чуть ли не рухнул на порог, умудрившись при этом обхватить голову. Валме хотел спросить, не нужно ли ему чего – не успел. Незнакомец окинул виконта диким взглядом и провыл:

– Надор! Мне нужно в Надор...

Глава 3

Бакрия. Хандава

400 год К.С. 7-й день Осенних Волн

1

В том, что он жив, Иноходец уверился, встретив на дороге безбожно навьюченного осла, которого понукал одетый по-кагетски старик. При виде всадника с заводным конем бедолага рухнул на колени и принялся желать благородному казарону доброй дороги и великих побед. Благородный казарон Эпинэ потряс головой и поежился. Для Рассвета старик был слишком несчастен, а в Закате не мог стоять такой холод, оставалась осенняя Сагранна. Робер торопливо – от чужих унижений ему становилось неловко – махнул рукой, проехал с полсотни шагов и едва не залепил себе за тупость подзатыльник. Сона покорно повернула, вставший было старик вновь бухнулся в рыжую мертвую хвою. Он был похож на своего осла – такой же тощий и забитый.

– Поднимись, хороший человек, – полузабытые слова выговаривались с трудом, но кагет вроде бы понял. – Скажи, замок кого из казаронов ближе других?

Оказалось, Хандава. Бывшая резиденция Адгемара, вроде бы отошедшая к слепленной из ничего Бакрии. Кроме того, неподалеку имелся монастырь, а за рекой лежала большая деревня с винной ярмаркой.

– Там Кагета, – объяснил старик, беря своего осла за узду. – Тут уже нет. Отобрали.

Робер окинул взглядом сторбленную фигуру, потянулся за кошельком и понял, что у него нет ничего. Совсем. Готовясь к скачке и бою, он освободил себя и Дракко от всего лишнего, и заплатил хотя бы за лепешку было нечем. Осталось развести руками и торопливо отъехать.

Мысли разлетались сухими, готовыми вспыхнуть листьями. Робер то беспокоился об Эрвине, который был слишком хорошим всадником, чтоб упасть с лошади живым, то принимался сочинять письмо Валмону, то лихорадочно составлял кагетские фразы, готовясь к объяснению с охраной Хандавы. Не потребовалось. Измотанная Сона всхрипнула и вытянула шею, давая знать о приближении чужих лошадей, еще более измученный и потому расседланный Дракко тоже насторожился. Пистолеты, в отличие от денег, у Робера имелись: две собственных пары и третья, оставшаяся в ольстрах Литенкетте. Заряжены были все, но Иноходец слишком устал, чтобы их вытаскивать; он не собирался ни останавливаться, ни прятаться, ни понукавать несчастных лошадей, и те понуро шагали по мягкой листовничной хвое, а вокруг алела и золотилась горная осень, которую Иноходец однажды уже видел. Тогда он почти разучился чувствовать и просто куда-то ехал, увозя в себе поражение, потерю и вползавшую в тело болезнь; сейчас Робера опять била дрожь, на этот раз от обычного холода и усталости. Гадать, кто появится из-за ближайшего поворота, и то не имелось сил, да и не угадал бы он никогда!

Первым на дороге возник светлый пес, ужасно похожий на окончательно обросшего Готти. Завидев Робера, волкодав остановился и коротко, деловито гавкнул, он явно звал хозяев, и те не замедлили появиться. Дюжины две всадников во главе с широкоплечим здоровяком чувствовали себя в больше не Кагете как дома – ехали свободно, а завидев незнакомца, и не подумали хвататься за оружие. До встречи оставалось шагов пять, когда одетый по-варастийски предводитель осадил гнедого и уставился, нет, не на Эпинэ, на лошадей. Заминка оказалась короткой, варастиец резко выслал коня, и Робер не поверил своим глазам.

– Сударь, – в такую удачу поверить в самом деле трудно! – Вы ведь... Коннер?

– А то нет? – живо откликнулся адуан. – Их жаб... Эпинэ! Вот ведь... А мы тут думали, вы у себя шуруете!

– Я из Старой Барсины, – начал Робер и понял, что говорить надо или все, или ничего.

– Да хоть из новой! – Коннер опять смотрел на Дракко. – Кто ж по Сагранне в одиночку носится?! И коней заморили... Срочное что?

– Да... Вы не знаете, где... виконт Валме?

– С Монсеньером, где ж ему быть-то?

– Алва здесь?!

– Вернулся вчера. Повезло вам, ничего не скажешь! Вы, двое, проводите-ка человека в Хандаву. Тут недалеко совсем, выдюжите.

– Я не устал!

– Оно и видно... По-хорошему вам бына боковую, но Монсеньор уезжать наладился.

Найти еще и Алву! Удача была бы неслыханной, если б не Катари... Рокэ знает, не может не знать о ее смерти и о сыне, но *как именно* все случилось, сказать ему некому.

– Полковник... Вы ведь были полковником?

– Был, теперь в генералах прыгаю. А вы в проэмперадорах, говорят?

– Тоже был, сейчас ополченцев гоняю. Генерал, у вас выпить не найдется? Холодно.

– Найдется, – адуан уже лез за пазуху. – Это ж надо, осенью в горы без козьего плаща лезть!

2

Первым из-за кустов высунулся пес, следом Валме выволок кого-то высокого, худощего и бормочущего, развернул лицом к Ворону и, не сказав ни слова, с пакостной ухмылочкой убрался в сторонку. Покинутый трофей нелепо дернулся и бестолково затоптался на месте.

– Кошмар... Это кошмар... – забубнил он, уставившись на пощипывающего виноградную гроздь Алву, и вдруг возопил: – Создатель, какое счастье!

– Любопытное сочетание, – Ворон обернулся к Этери. – Кошмаром я бываю часто, счастьем меня тоже называли, и вот две крайности, наконец, сошлись.

– Вы что-то понимаете? – тихо спросила кагетка.

– Не все, хотя в одном я уверен: надобность в ковре отпала. Ворона, если он уцелел, с картины лучше убрать, птица портит композицию. Не правда ли, ваше высочество?

– Мул!.. – узнавшая сапоги Матильда чудом не стукнула себя по лбу. – О да, герцог, я с вами полностью согласна. Без птицы намного лучше.

– Я уберу, – пообещала художница, вежливо рассматривая едва не погубившего ее труды «мула». – Добрый день, сударь. Не хотите ли вина?

– Кошмар... – немедленно откликнулся сударь. – Я должен... должен проснуться!

– Сперва вам придется уснуть, – прервал стоны Алва, – а здесь это неуместно. Выпейте в самом деле вина, и мы вас где-нибудь устроим.

– Мне с Кэналлийским Вороном не по дороге!

– Даже в кошмарном сне? – Рокэ поменял местами синюю и золотистую грозди, а сверху водрузил третью, зеленую. – Виноград мне напоминает о новом маршале Запада, а шадди – о покойном кардинале. Думаю, обо мне может напоминать «Черная кровь».

– О вас... – Этери вновь видела лишь Алву. – О вас будет напоминать многое.

– Но вряд ли за обеденным столом. Ваши высочества, я все еще не представил вам графа Ларака. Мы очень давно не виделись, однако надорские сапоги, как, впрочем, и лошади, не забываются.

Граф, в свою очередь сообщая вам, что вы в гостях у супруги наследного принца Бакрии, урожденной принцессы Кагетской. О ее высочестве Матильде Алатской вы, вне всякого сомне-

ния, были наслышаны во времена ваших заговоров, ну а встретили вас виконт Валме и его пес. Пса зовут Гогти. Кажется, теперь соблюдены все формальности.

– Создатель, нет...

– Я что-то упустил?

– Этот кошмар должен кончиться! – оказавшийся графом и заговорщиком «мул» со страдальческим лицом ущипнул себя за запястье. Он страшно, неистово хотел проснуться, и Матильде стало беднягу жаль, пусть он и не отвечал на письма.

– Мы не сон, – как могла мягко сказала алатка. – Вы в самом деле в Кагете.

– Кагета... – покорно повторил несчастный. – Лето...

– Осень, – впервые подал голос странно молчаливый Валме. – Я сразу же указал вам на это обстоятельство.

Граф затравленно оглянулся, осенил себя знаком, и с его губ вновь сорвался «кошмар!».

– Сударь, – Алва склонил голову к плечу, – попытайтесь проснуться еще несколько раз. Вы себя щипали уже дважды, теперь попробуйте обжечься, свечу я сейчас зажгу. Когда вам и это не поможет, примите происходящее как данность. Назвал же какой-то дурак нашу жизнь сном, что не мешало ему в этом самом сне есть, спать и сочинять глупости. И вам не помешает. Забавно, но мы с виконтом только что обсуждали противоположную точку зрения.

– О том, что снится не жизнь в целом, а только покой, – уточнил Марсель. – В последнее время мне это как-то ближе.

– Вы... – теперь Ларак тарасился исключительно на Алву, – вы убили Эгмонта... И нашу надежду.

– Не только вашу. Так зажечь свечу?

– О нет!

– Как хотите.

Старому дурню надо отдышаться и привыкнуть к Кагете. К Кагете, Ворону, Валме с собакой, хотя к этим, пожалуй, привыкнешь! Матильда решительно и как могла громко уселась.

– Мы скоро разъедемся, – объявила она, – а я так и не узнала, откуда взялись тергачи. Господа, Этери трижды начинала эту легенду и всякий раз нам что-то мешало.

– Три раза еще могут быть совпадениями, – Валме прищелкнул пальцами, отдавая какой-то приказ собаке. – Четвертый позволит говорить о законе тергача, но мы, увы, не знаем начала.

– Так даже занимательней, – поддержал светскую беседу Ворон. – Лучше идти к истоку, чем плыть по течению и рассуждать о море.

– Моя речка не из длинных, – улынулась кагетка. – Красавица сказала, что не станет торговать тенью счастья. Услышав это, вторая царевна потребовала себе и второе желание. Она считала это справедливым, ведь судьба обделила ее тем, что сестра имела в избытке. Увы, царевна спутала ценности с их отражением в чужих глазах и захотела не любви одного, а спора многих, и чтобы спор этот длился столько, сколько она захочет...

– Это... Я не мог... Не могу это слушать! – возопил притихший было граф. – Вы... вы не можете... Это все не может быть правдой! Я в Надоре, я сплю, и Надор цел! Но если... нет?! Я мертв, все мертвы... А это – наказание... Эгмонт убит, я выжил... Лучшие люд... Люди Чести погибали в Ренкване... Я не разделил их судьбу, я соблазнил лучшую из...

– Хватит! – прервал поток Алва. – Успокойтесь и призовите логику. Вы безбожник, абвеният или чтите и ожидаете?

Успокоится он, как же! Водой бы его окатить, только не из чего. Разве что отволочь к родничку и окунуть. Ну а потом – касеры, сколько влезет.

– Верую, – внезапно сказал Ларак, – в Создателя всего сущего, св...

– Тем проще, – перебил Ворон. – Допустим, вы человек праведный и достойный Рассвета, но я-то его не достоин, а мы здесь оба, следовательно, Рассвет отпадает. Остается Закат, но с нами прекрасные женщины и собака, существо изначально праведное, в Закате же, по

мнению агарисских богословов, нет места красоте и непорочности. Существование чего-то третьего эсператизм напрочь отвергает, значит, вы живы в не меньшей степени, чем я. Через пару недель вы в этом убедитесь окончательно, поскольку сны, даже самые кошмарные, заканчиваются гораздо быстрее.

– Но... В таком случае... Какой сегодня день?

– Седьмое Осенних Волн.

– Это... невозможно! Но... что... Что с Надором?!

– Озеро, насколько я понимаю.

Ларак вскочил, сжимая кулаки. Бедняга дышал, как выброшенный на берег сазан, и соображал ровно так же. Раскрыв и закрыв рот, он с голыми руками бросился на Алву и мгновенно оказался у ног даже не вставшего кэналлийца.

– Прошу прощения, – Ворон ловко держал графа, но смотрел отнюдь не на него. – Кажется, ничего не разбилось... Ваше высочество, вы, надеюсь, с касерой?

– Твою кавалер... Да, с касерой.

– Очень удачно. Марсель, примите у ее высочества флягу. Идемте, Ларак.

– Вы!..

– Идемте.

Кэналлийцу пришло в голову то же, что и Матильде! Зрелище было не для кардинальской супруги, но алатка не выдержала, увязалась следом. Хватка Алвы была железной, а у Валме хорошо получалось не только врать и скакать на козлах. Мокрый и от того еще более облезлый Ларак пару раз дернулся, притих и обнаружил под носом горлышко фляги.

– Пейте, – Ворон держал долговязого надорца вроде бы и небрежно, но шевельнуться тот не мог. – Это меньшее из зол, которые я могу вам предложить.

– Ы-ы-ы...

– За Великую Талигойю! – велел мрачным тоном Валме, наклоня флягу. – От Неванты до Ноймара. И за ее верных паладинов Эгмонта Окделла, Анри-Гийо...

Виконт болтал, граф глотал – сперва угрюмо, потом начал входить во вкус. Позади дружелюбно залаял, встречая явно знакомого, Готти, увлеченная зрелищем алатка не обернулась, но Ворон мог делать одновременно несколько дел.

– Входите, Эпинэ, – пригласил он, – ее высочество Матильда о вас не так давно вспоминала.

3

Матильда, то ли хохотнув, то ли всхлипнув, чмокнула его в переносицу, и Робер осознал, что сжимает алатку в объятиях. Женщина отыскалась именно тогда, когда Иноходец напрочь о ней забыл, потому все и вышло само собой. И правильно!

– Не знал, что ты здесь...

– На тебе! – фыркнула принцесса. Она посвежела и похорошела, но это несомненно была она! Великолепная Матильда, не так давно единственный родной человек. – Чего ж ты сюда полез, если не за мной? Алва на голову нам только вчера свалился... Ты что, этого прощельгу Валме искал?

– Н-нет... Так получилось...

– Сколько тебя знаю, столько у тебя «так получается». – Знакомые глаза на мгновение затуманились. – Хорошо, что живой! Хватит с нас смертей и прочей дряни.

– Хватит... – кивнул Робер, чувствуя, как перехватывает горло. Удо, Катари, Левий, Никола... Воистину хватит! Только бы Эрвин всего лишь перелетел через голову споткнувшейся Соны, а Дювье его отыскал!

– Эпинэ, – тоже помолодевший Алва держал кого-то мокрого и пытающегося извиваться. – Вас не затруднит выспаться?

– Выспаться?

– Вы уже слегка спите, но лучше это делать в постели.

– Мы с Готти о нем позаботимся, – заверил Валме, и волкодав немедленно гавкнул. Словно в самом деле понял.

– Вот и отлично, – одобрил Ворон. – Вечером заходите, выпьем по бокалу.

– Рокэ...

– Да? – Происходящее все больше напоминало сон, и Алва с дергающимся утопленником – больше всего. Но тогда сном были и крысиные исходы, и рассыпающиеся то желтыми листьями, то хвоей кони...

– Рокэ, вы можете мне не верить...

– Не верить *вам*? Это невозможно. Секунду... – Ворон кивком подозвал провожавшего Эпинэ адуана. – Жак, убери-ка этого господина. Он мокр и взволнован, а сейчас к тому же будет мертвецки пьян.

– Не-е-ет! – Жертва Алвы изо всех сил трепыхнулась. – Что... что вы себе позволяете...

– Все, – шепнул Ворон, толкая несчастного в адуанские объятия. – Эпинэ, у нас с вами будет уйма времени, но в нынешнем виде вы доводите меня до светлой грусти.

– А ну-ка пошли! – подкрававшаяся Матильда ухватила Робера под руку. – Этери, мы еще увидимся.

– Я буду очень ждать, – совсем еще молодая женщина в странном платье грустно улыбнулась. Неужели дочка Адгемара? Та самая?! Хандавские арки и лестницы тащат в прошлое не хуже, чем Дракко – в закат, но как все же Сона потеряла всадника? Почему не остановилась, не вернулась? Ну не может лошадь с конюшни Алвы ускакать от упавшего седока!

– Рокэ, со мной ваша кобыла... – И еще у меня ваш сын, но об этом в самом деле не сейчас. Не при всех. – Она в порядке.

– Кобыла? Помнится, я отдал вам жеребца.

– Дракко тоже тут. И Сона, она осталась у меня.

– Ей повезло. – Алва склонил голову к плечу и, видимо, улыбнулся. Странная у них с сестрой была любовь, странная и горькая, но закончиться могло и счастливо. Если б Дикону меньше твердили про Алана, а Дженнифер положила глаз на кого-нибудь другого. Гадина!

– Да идем же, наконец! – Матильда потянула его прочь, и упираться Эпинэ не стал. Белокурая кагетка делала разговор о Катари невозможным, а глаза в самом деле норовили закрыться.

– Так у тебя к Алве дело?

Нет, не дело – что-то другое, вроде долга и при этом не долг. Надо, чтобы Ворон хотя бы сейчас понял Катари, а значит, придется найти слова для последних маков, дур, которых сестра взяла к себе и не смогла прогнать, розовых комнат, где ей было не так страшно, как в прошлом. Она боялась прошлого, она вообще боялась и упрямо шла вперед. На суд, на трон, на объяснение с мерзавцем... И еще она не хотела войны, и дриксенский посол стал союзником, почти другом. За королеву были готовы умереть сотни, тысячи людей, а она молилась за всех и просила счастья тем, кого любила, а они умирали. За других и из-за других.

– Матильда, – тихо начал Робер, – я должен рассказать Алве... очень многое.

– Выспишься и расскажешь, если его кошкин сын раньше не успел. Я про виконта этого.

– Валме ничего не видел. – Кого он потерял, Алва знает, как это было – вряд ли. Заходите вечером, выпьем по бокалу, поговорим о смерти... По бокалу! Да тут не по бокалу, тут напиток до полусмерти, и то либо всего не скажешь, либо скажешь не то. В чужую душу не залезть, тем паче в такую, здесь даже Левий отступился, а ведь тогда Фердинанд, Моро, Катари еще жили...

– Что-что? – переспросила принцесса, хотя он ничего не говорил. Вроде бы.

– Сказка, – пробормотал Иноходец. – Про короля и смерть, только вестники разные. А свидетель один – я.

Бред, но Матильда как-то поняла и дальше волокла его мимо пестрых кустов молча. Пока что-то не захлопало и не бросилось в лицо.

– Кыш, – рывкнула женщина, – Карлион кошачий!

– Карлион? – Робер затряс головой. – В Хандаве? Какой?

– Птица здешняя! – алатка замахала свободной рукой, отгоняя что-то вроде лысого, черного с прозеленью удода. – Жрать требует... Вылитый Карлион! Был бы умнее, на Хогберда б потянул...

– Матильда, – Робер сжал пальцы спутницы. – Матильда...

– Тебе спать велели, – буркнула женщина с какой-то злой нежностью, – а не с ума сходить. Я тоже сходила, чуть на стенки не кидалась, ну да мне простительно. Дел никаких, толку тоже никакого! Лаци шуганула, Альдо... Ты ведь был с ним, когда...

– Был. Матильда, я опоздал! Не успел...

Не успел предать еще и делом, но она поняла иначе:

– Не ты, а я. – Опять этот полусмешок-полувсхлип! – С тебя какой спрос? Не научил дурня лошадей понимать? Так в двадцать поздно уже... Умер-то хоть прилично?

– Тебя вспоминал, просил найти.

– Ой ли!

– Альдо хотел, чтоб я увез тебя в Алат, только я не мог бросить Олларию.

– Умница!

– Матильда, он в самом деле хотел.

– Именно что «хотел»... Он только и умел, что хотеть, брать и то не выучился, все меж пальцев утекло. Прощенья хоть попросил?

– У меня?!

– У кого же еще? Только ты с ним и остался. Остальные кто сбежал, кого он, как Удо...

– Дикон был верен до конца!

– Дуралей несчастный. Он-то где?

– Не знаю... Уехал. – Катари Матильде никто, Дикон... Пусть помнит ясноглазого мальчишку, готового броситься за Альдо в Закат. И бросившегося.

– Темнишь ты что-то, ну да твое дело. Бонифация узнаешь?

– Варастийского епископа? Узнаю, наверное. Помнится, у него такие брови...

– У него и нос *такой!* Я за этого хряка замуж выскочила. Думала – сдуру, оказалось, так мне и надо! А вообще мы все тут – я, Дуглас, Бочка, только Лаци уехал, да я тебе говорила... Пусть ему хорошо будет! Ну, удивила я тебя?

– Ну что ты...

– Твою кавалерию! Не умеешь врать – не берись. Был еще один такой, горе мое уважал... Доуважался, пока поздно не стало. Сейчас гляжу на тебя и вижу, вы с этим умником два сапога пара. Будете дур своих беречь да кругами ходить, а надо хватать за шкуру...

– Я больше не хожу, – вдруг выпалил Робер, – я тоже нашел! Только не спрашивай пока ничего.

– Не буду, но она тебя любит?

– Любит.

Салиган вот-вот получит письмо. Неряха-маркиз умеет быть смелым и искать тоже умеет. Он найдет Марианну, а Коко даст развод, никуда не денется, только до Оллари из Хандавы дальше, чем до Паоны. В то, что Робер Эпинэ ускакал прямехонько в Закат, Салиган, может, и поверит, но не в то, что пропащий герцог вернется... Проклятье, Коннер же говорил, что едет к Валмону! Можно было хотя бы на словах передать, что он здесь, а так, если Проэмперадор

не спросит – а с чего бы ему спрашивать, – адуан не скажет. Надо возвращаться, и чем скорей, тем лучше.

– Эй, – внезапно окликнула принцесса, – сейчас лестница будет. Шею свернешь и не заметишь, тут тебе не Сакаци!

– Я знаю, как строят кагеты. – А еще он знает, как они кричат, угощают, машут саблями... И как предают и обманывают, и как остаются рядом до конца. Где-то сейчас Бурраз, поладил ли с Баатой, или оказался ненужным, а то и опасным? Если так, надо исхитриться и забрать казарона в Талиг...

– Матильда, ты не знаешь, где сейчас Бурраз... Бывший кагетский посол в Оллари?

– Дома, наверное, есть же у него дом. Хочешь найти?

– Хочу, но я должен ехать. У меня – ополчение и...

– А то ты про это не знал! Клемента на кого оставил?

– Клемент ушел. Со своими... Помнишь, как из Агариса уходили крысы?

– Ты бы еще спросил, не забыла ли я, когда умер Адриан...

– Так ведь они тогда и... Лэйе Астрапэ!

– Что такое?!

Навстречу вдоль тронутых инеем зубцов шел... Мильжа! Эпинэ кинулся вперед и тут же понял, что обознался. «Барс» резко остановился, наклонил голову и сжал два кулака перед грудью, приветствуя старшего. Наверняка был при Дараме, где гость казара принял командование над увязнувшими в талигойском каре «багряными». Хорошо, что выжил, что здесь...

Эпинэ на бири пожелал воину добра и многих сыновей, тот ответил, и каждый пошел своей дорогой. Погибшие не возвращаются, это живые могут очутиться где угодно. Иноходец не думал, что вновь увидит сложенные из разноцветных глыб стены, оранжевые розы, белых ласточек в не по-талигойски и не по-агарисски синем небе.

Две осени назад под этим небом он собирался умирать и в каком-то смысле умер. В Агарис вернулся кто-то другой, тот, кто еще не мог оставить друзей, но уже не считал Альдо и деда правыми. Потом умер и этот, уступив не переставшее дышать тело заговорщику, лжецу, Проэмперадору и, наконец, маршалу Талига, которому до приличного генерала, как Мупе до Готти. И пусть – за Талиг, именно за Талиг, герцог Эпинэ готов не только умереть, но и убивать. Осознанно, яростно, не так, как за безликую Талигойю, которая вряд ли была столь хороша, как мерещилось деду, Альдо, Ричарду... Но скольких же этот морок сожрал! Спасибо, хоть Матильда вырвалась и выжила, то есть ожила. И Придд вырвался.

– Твою кавалерию, просыпайся! Мне тебя на руках не доволочь.

– Я дойду, не волнуйся... – Когда есть куда идти, всегда дойдешь. – Ты от Придда ничего не получала?

– От Спрута?! С чего бы вдруг?

– С ним была Мэллиг...

Глава 4

Талиг. Акона Талиг. Старая Придда 400 год К.С. 8-й день Осенних Волн

1

Мелхен стала еще невероятней. Когда Давенпорту было лет шестнадцать, он умудрился задремать в буковой роще, а проснувшись, увидел пронизанную солнцем листву. Глаза девушки светились той же медовой осенью, и Чарльз понял – сегодня он вновь попытает счастья, и все будет иначе. Прошлый раз приемная дочь Вейзелей думала о смерти и оставшейся у Приддов вдове, но теперь, спасибо девице Арамона, начала оживать.

– Сударыня, – негромко попросил Давенпорт, – вы не удостоите меня разговором наедине? Селина нас извинит, ведь извините?

– Только если захочет Мелхен, – тут же откликнулась дочка Свина. – Я всегда могу поискать кота и поговорить с «фульгатами». Зря они нас охраняют, убийц больше нет, а солдаты должны заниматься делом.

– Вас нельзя не охранять, – голубоглазая Селина была чудо как хороша, но Чарльз хотел смотреть лишь на Мелхен. – Я был бы счастлив остаться у ваших дверей навеки, но мы будем в Аконе всего несколько дней. Я не могу пока всего сказать...

– Вы переходите под начало Хейла, – засмеялась дочь Арамона, – мы знаем, Герард рассказал. Мелхен, так мне уйти?

– Я готова слушать, – золотоглазая мечта вскочила и улыбнулась, – но сперва я должна проверить смесь трех капуст и добавить трав. Я ищу необходимое и достаточное, а это трудно, меня может не быть долго.

– Я не тороплюсь, – быстро сказал Чарльз. Времени и вправду хватало, но капитан Давенпорт ждал бы, даже призывай его дюжина Проэмперадоров. – Селина, если вы заняты...

– Ничего важного, – откликнулась девушка. – Мама говорила, гостей оставлять одних нельзя.

– Я ничего не украду, – попытался пошутить капитан, глядя на скрывающую Мелхен портьеру. – Даже вашего кота.

– Маршала украсть нельзя, – сообщила хозяйка и пересела поближе к гостю. – Разве что вы ему понравитесь больше нас, но пока это вышло только у Фельсенбурга. Он – дриксенский офицер, но не враг, и кошки его очень любят.

– Без кошачьей любви я обойдусь. – Кому она нужна, глупая болтовня! – Селина, я... Меня не нужно развлекать, а у вас много дел.

– У вас их должно быть больше. У хорошего офицера всегда много дел, а ваша рота еще в другой полк переходит. Уилер, когда забегает к нам, часто даже от жаркого отказывается. Конечно, он пока не хочет жениться, а жалко, с ним будет очень хорошо, только страшно, ведь он всегда лезет в самую кашу. Это не слишком красивое выражение, но так говорят солдаты, а им виднее.

– Я знаком с капитаном Уилером, – Чарльз смирился и решил поддержать разговор, – он в самом деле хороший офицер.

– Конечно, раз «фульгаты» его любят, а Монсеньор дает самые важные поручения. Господин Давенпорт, вы, наверное, на меня обидитесь, но Мелхен вам совсем не подходит.

– Сударыня, – на месте Чарльз как-то все-таки усидел, – сударыня... Если я лишний, пусть мне скажет она сама! Она, а не вы и не эта... вспоминающая вдова! Или... Вы имеете

в виду, что Мелхен... Что я унаследовал титул и должен жениться на какой-нибудь козе с гербом?!

– Вы женитесь на той, кто за вас пойдет, – объявила красotka, и Чарльз почти понял тех, кто хотел ее прикончить. – Есть девушки, которые очень хотят замуж, а вы жених завидный. Если ваша невеста будет воображать, как злятся те, на ком вы не женитесь, она не заметит, что вы всегда думаете о себе.

– Я? – опешил Чарльз, – я думаю о себе?! Сударыня, да будь так, меня бы здесь не было! То есть не было в этой армии! Я бы... Я водил дружбу с Рокслеями, король отрекся...

– Мама говорила, – Селина поднялась и пододвинула какую-то тарелку. – Берите орехи. Я могу налить вам вина и принести яблок, а потом уйду.

– Сударыня, сперва нам придется объясниться.

– Зачем? Вы не поймете, обидитесь и все равно останетесь сидеть, пока не вернется Мелхен, а потом станете думать, как все плохо. Пожалуйста, когда будете спускаться, не наступите на Маршала, он часто лежит на лестнице.

– Я не давлю котов, и я должен знать, кто и что обо мне говорит.

– Нарочно вы не станете давить, а нечаянно вы уже это делали, только забыли, потому что расстроились. Ничего, господин Гутенброд тоже наступил, а он добрее и в самом деле любит маму. Кушайте орехи, я сейчас вернусь.

Вышла и даже прикрыла дверь, мало ли почему девица может выйти. И не девица тоже, только гадостей негодяйка набралась не от Савиньяка! Может, Проэмператору и стукнуло в голову позабавиться, но обсуждать с любовницей своих офицеров он не станет. Савиньяк вообще не станет ничего обсуждать, как и Придд. Бертольда в Аконе не было, и этого чудища Понси тоже. Остается Уилер. «Фульгата» здесь привечают, а с закатной твари станется что-нибудь брякнуть. Если уж злобной репой в глаза назвал...

– Я его разбудила, – Селина втащила в комнату своего зверя. – Можете больше о нем не беспокоиться.

– Вам обо мне говорил Уилер, – бросил Давенпорт, – он шутит довольно... своеобразно.

– Уилер? – широко раскрытые глаза были бы прекрасны, догадайся их обладательница замолчать. – Зачем кого-то слушать, если вы у нас бываете?

– Так объяснитесь!

– Попробую, – пообещала кошачья нянька. – У меня до Мелхен была подруга Айрис, она погибла в Надоре.

– Я знаю.

– Ее брат повел себя гадко, и Айри его побила. Понимаете, этот Ричард, его звали Ричард, думал, что ему все всегда рады – и Монсеньор... не граф Савиньяк, а герцог Алва, и сестра, и ее величество, и солдаты, и горожане. Ричард ужасно удивлялся, когда его не любили, а любить его было не за что, ну а вы – наоборот. Вас есть за что любить, а вам кажется, что вас не уважают и хотят обидеть. Это тоже плохо, может быть, даже хуже. Ричарду редко говорили, что он надоел и не нужен, он всегда был собой доволен, а вы никем не довольны, потому что вам не говорят все время, как вы нужны. И не догадываются, что из-за этого вы можете надуться, а вы надуваетесь и становитесь несчастным, хотя вы красивый, богатый и знаменитый.

– Что за чушь!

– Вот видите, вы уже надулись и теперь будете это помнить и жевать. Вы ведь видели коров?

– Сударыня!

– Они все время жуют, и вы тоже жуете. Обиды. Сперва ищете и находите, а потом начинаете их помнить.

– «Над памятью своею мы не властны». – Дурацкий разговор, нечего было его заводить! – Мне не верите, поверьте хотя бы великому Веннену, если про такого слышали.

– Веннена очень любила ее величество, – голос Селины слегка дрогнул. – Ее... Она умерла, когда читала Веннена, но он ошибся. Вы же служили у Монсеньора! Вот он помнит только то, что нужно, и ничего не жует, поэтому с ним всегда так легко, а ведь граф Савиньяк почти регент. Монсеньору можно сказать все, и он поймет, а с вами лучше вообще не говорить, потому что вы не поймете ничего, решите, что вас обижают, приметесь думать о плохом, и оно сбудется. Из-за вас, но вы скажете, что виновата судьба или еще кто-нибудь. Сегодня на Уилера подумали, а он никогда вас не вспоминает, ему неинтересно. Вот про Монсеньора он говорит. Что столько ни одна лошадь не вытащит. Я пойду, а вы берите орехи, они очень удачные...

2

Госпожа Арамона была встревожена и этого не скрывала. Семейные традиции требовали этого не замечать и безмятежно ждать откровений, но тянуть из своей единственной дамы жилы графиня Савиньяк не собиралась.

– Садитесь, – распорядилась она, – и рассказывайте.

Вдова выходца с готовностью уселась и с готовностью же согласилась на шадди; она, как и сама Арлетта, не терпела сладкого, уже одно это отлично сближало.

– Приезжает герцогиня Ноймаринен, – не стала юлить капитанша. – Мне очень не хочется с ней встречаться, но, боюсь, без этого не обойтись.

Двор есть двор: чтобы сохранить тайну, нужно очень много старания и еще больше везения, хотя Рудольфу скрывать приезд Георгии без надобности, да он и не думал скрывать. Когда накануне вечером к Рудольфу вошел курьер из Ноймара, Арлетта как раз ругалась, то есть, простите, ужинала с герцогом и видела, как тот удивлен. Был ли он обрадован, женщина не поняла: чета Ноймаринен по праву считалась дружной, но жила ли там любовь? Вот чего не имелось точно, так это любовников; ни у мужа, ни у жены.

– Герцогиня Ноймаринен прибудет только через неделю, – графиня внимательно посмотрела на Луизу, – и она вряд ли захочет вас видеть прежде, чем меня, а меня раньше, чем мужа.

– Неделя ничего не изменит. Герцогиня пригласила меня и Селину ко двору по просьбе сына, а тот хотел нам помочь в память ее величества. Это потом мы оказались в Бергмарк и...

– Лионель мне объяснил, – и как изящно объяснил! – почему вы решили уклониться от приглашения. Вы совершенно правы, но ваше появление в Ноймаре было бы нежелательным, даже не страдай маркграфиня, скажем так, бессонницей.

Вы с дочерью находились в Оллари в очень непростое время и успели много увидеть. Слишком много... Ваши воспоминания в неминуемой грызне над оставшимися без хозяев мисками становятся опасным оружием. Лучше их придержать.

– Мне заболеть? – деловито уточнила госпожа Арамона. – Если да, то чем?

– Добротой и состраданием. Я, именно я, прошу вас помочь баронессе Вейзель, так как полагаю хозяйку Альт-Вельдера неопытной в определенных вещах и не слишком чуткой. Согласитесь, выйти замуж через месяц с небольшим после смерти графа Гирке несколько странно.

– Графиня могла влюбиться, особенно если первый брак был по сговору.

– Она, несомненно, влюбилась, – подтвердила Арлетта, – причем в прекрасного человека, но почему бы мне не осудить чужую скоропалительность? Мой сын говорил, вы собираетесь очень быстро?

– Я уже собралась, – обрадовала умная мать умненькой дочери. – Сударыня... Наверное, это ерунда... Я надеюсь, что ерунда, и служанка пустила письмо Сэль на растопку, но оно пропало.

– Когда? – не поддержала надежду Арлетта, – и что в нем было? Вы успели прочесть?

– Я не успела сжечь, хотя Сэль и просила. Ей был нужен совет в очень... в очень щекотливом деле. Мне хотелось собраться с мыслями и перед тем как отвечать, перечитать письмо, а потом... я зачем-то решила дожидаться ответа.

– Когда обнаружилась пропажа? – похоже, пора заводить гайифские шкатулки или... оставлять в доступных местах недописанные письма. – И почему вы о ней ничего не сказали?

– Заметила я утром. Мне пришлось отвечать графу Креденьи, и я полезла за бумагой. Там еще лежат драгоценности, подарок ее величества, они целы.

– Вы боитесь, что письмо попало к женщинам дома Ноймаринен?

– Кому оно могло понадобиться?

– Вы хотели сказать, «кому еще?», – усмехнулась графиня. – Думается, мне лучше узнать о «необычном» деле, тем более что я сбежать в Альт-Вельдер по ряду причин не могу.

А если бы и могла – все равно бы пришлось остаться, потому что беды вырастают из сущей чепухи. Из интрижки с ментором, из попытки затащить приглянувшегося юнца в постель, из обиды на не пожелавшего влюбляться любовника, и это не говоря про жадность, ревность, зависть...

– Лучше рассказать, – решила Луиза Арамона. – Вы знаете Сэль и читали одно ее письмо, она очень простодушна и, если может что-то сделать, делает.

– Например, отправляется в Багерлее за королевой?

– Это хотя бы нельзя истолковать превратно! Сударыня, Сэль беспокоится о своей новой подруге. Мелхен – приемная дочь Вейзелей, но на самом деле эта девушка...

– Гоганни по имени Мэллит. Ноймаринены об этом узнали раньше вашей дочери и моего сына.

– Но они не знают, что Мелхен любила Таракана и по его милости утратила девственность, причем на редкость мерзко. Сэль спрашивала меня, как это исправить.

Как исправить мерзость? Жуткий вопрос... Мерзавца, даже самого защищенного, можно загнать в угол и схватить за горло. Можно отравить, повесить, сжечь, скормить ызаргам, но как смыть оставленную им грязь? Кровь смывается как-то легче...

– Мне пришел на ум только один способ, – тихо сказала Арлетта, – найти мужчину, способного, во-первых, понять, что была беда, а во-вторых, сперва заслонить Таракана собой, а затем выдавить из памяти. Напрочь. Хорошо, что девочка в Аконе, среди военных таких людей просто не может не оказаться.

3

Дочка Арамона убралась, исхитрившись утащить с собой капитанскую уверенность, и Чарльз, ненавидя сам себя, уже полчаса говорил про Ор-Гаролис. Мелхен слушала, и Давенпорту казалось, что девушка стала внимательней, а ее вопросы перестали быть простой вежливостью. Самое время перейти к единственно важному, только нужные слова не подбирались, хоть тресни, а все эти «сударыня, умоляю вас составить мое счастье» годились для... девушек, которые очень хотят замуж. Кошачья Селина все испортила!

– ...к полудню устали и мы, и дрикссы с гаунау, так что самым разумным казалось остановиться на достигнутом, но Савиньяк приказал наступать и сам возглавил атаку пехоты.

– Зачем? – Мелхен широко раскрыла глаза, она вряд ли думала о старом сражении. Тогда о чем? – Зачем перв... Проземперадор сделал это?

А в самом деле, зачем? Фажетти и сам бы справился, разве что маршалу надоело торчать на холме с трубой.

– Он – Савиньяк, сударыня, порой это сказывается, хотя Проземперадор должен распоряжаться чужими жизнями.

– Хвала тому, кто отдает, что можно отдать, спасая то, что иначе не спасти. – Нет, она сегодня не такая, как всегда! – И четырежды хвала тому, кто находит путь в ночи и воду в пустыне. Проземператор потревожил чужие горы, и их король не тронул Талиг. Селина говорит, Хайнрих из Гаунау умен, добр и не знает зависти. Он прочел в чужих глазах волю Флоха и обрел уже свою дорогу.

– Простите, сударыня, чью волю?

– Это имя чужой памяти. Оно вам не нужно.

– Мне... Мелхен, мне нужно только одно! Я уже просил вас и прошу снова... Что я должен сделать?

– Вы давали присягу, а мы деремся. Вы должны делать то, что велит командующий.

– Конечно, но, сударыня, я о другом. Вы для меня самое главное, я хочу назвать вас... Что мне сделать, чтобы вы согласились? Что?!

– Вы не сможете. Самым главным для мужчины должно быть... дело. У генерала Вейзеля были пушки, а вы тоже военный. Найдите свое дело, как нашли полковник Придд и Проземператор.

– Я помню присягу, сударыня, но я сейчас здесь и я вас люблю!

– Сейчас не время для... браслета.

– Не время?! Вы напомнили о Придде, я напомню про генерала Ариго и графиню Гирке. Это случилось при вас, вы не могли забыть!

– Я помню. Хозяйка озерного замка замерзала, приехавший генерал остановил зиму и разбудил цветы... Их счастье прекрасней прекрасного.

– Эгей! – припершийся Бертольд начал орать еще на лестнице. – Господин капитан, выныривай, тут у нас такое...

– К Леворукому! – Чарльз захлопнул дверь, не дожидаясь, когда в нее вломится неурочная скотина. Ключа в скважине не было, пришлось подпереть ногой. – Сударыня, война не помеха, вы сами говорите...

– Я не спала в озере, и мне не снился сон о змее, которую я стерегу. Пусть маршал Савиньяк сохранит генерала Ариго для его любви.

– Чарльз, укуси тебя Понси! – Бертольд саданул в дверь сапогом. – Выходи, а то как начну стихи читать!

– Капитан Давенпорт помнит свой долг, – громко, не для Чарльза, для Бертольда сказала Мелхен. – Откройте и войдите.

Чарльз не зарычал только потому, что завопил все это время продряхший на пустом подносе кот. Ногу пришлось убрать, а зубы сжать.

– Дочь барона Вейзеля может говорить только так, – Бертольд щелкнул каблуками. – Вот вам веточка, сударыня. Она колется, зато ягодки красные.

Эти веточки Чарльз помнил с детства, они в самом деле кололись, но не вяли, а крестьяне привязывали к ним красные ягоды и засовывали за иконы.

– Шипы этой ветви защитят ее красоту от кота, – Мелхен взяла подарок и улыбнулась. – Вы громко кричали, но глаза ваши смеются, значит, беды нет?

– Беда есть, – хмыкнул все испортивший балбес, – ходячая. Чарльз, хватай шляпу и бегом.

Шляпу принесла неизбежная Селина. На черном фетре белела кошачья шерсть, только счищать было глупо и, видимо, некогда. Из дома выскочили молча, но на улице Чарльз высказал приятелю все.

– Если б я прервал объятия, – огрызнулся Бертольд, – я бы заметил и устыдился, но, судя по словам баронессы, я прервал очередной рассказ о подвигах Савиньяка. С другой стороны, я прервал подвиг, ибо слушать твои баллады – деяние героическое. Это надо уметь, сочетать

тоску рапортов с тоской эпических поэм... Ты – гений, причем явно непонятый! Возможно, именно тебе удастся заменить околешего наконец Барботту.

Глава 5

Бакрия. Хандава. Талиг. Акона

400 год К.С. 8-й день Осенних Волн

1

Марсель как мог тактично отпихнул Котика и поднялся во весь рост.

– Я буду подслушивать, – с достоинством сообщил он. – Ларак не Этери, так что ничего неприличного вы с ним не устроите.

– Пожалуй, – согласился Алва. – Тебе наверняка станет скучно.

– Не думаю. В последнее время у меня было слишком мало камерных зрелищ. Битвы и пиры впечатляют размахом, но подлинного всплеска чувств в них не испытать. Последнее, что меня тронуло, это глаза безнадежно ждавшей тебя Елены, но Ларак подает надежды. Поэтому я...

– Будешь подслушивать, – закончил Алва и погладил отпихнутого Котика, не замедлившего преклонить голову на регентские колени. – Было бы странно, поступи наследник Валмонов иначе, однако предупреждать о подобных намерениях не в семейных традициях.

– Мои обязанности накладывают определенные обязанности, – отрезал Марсель. – И не вздумай упрекать меня в том, что я повторяюсь.

– С тем же успехом можно упрекать Готти. Встанешь за портьерой или полезешь под стол?

– Фи, – Валме поморщился, – это банально!

– Повисни на подоконнике, – предложил Ворон. – С той стороны. Впрочем, тогда нам с Лараком придется орать.

– Встаньте возле окна. Возможно, я буду падать.

– Зрелище не из лучших, а поймать тебя все равно не выйдет.

Валме поморщился – толстые стены и намертво вмурованная решетка позволяли спасти разве что воровья. Правда, для этого следовало стать кошкой.

– Удручающая архитектура, – буркнул виконт. – Рокэ, ты знаешь, кто была дама Ларака?

– Он же ясно сказал – «лучшая из женщин».

Дать соответствующую отповедь Валме не успел, потому что явился «подающий надежды». Граф успел почистить надорские сапоги и привести в порядок бороденку, он был старомоден, как плоеный воротник, и решителен, как Мэгнус.

– Герцог Алва, – когда Ларак не визжал, не хрипел и не рыдал, у него был вполне приятный голос, – я прошу вас о приватной беседе.

– Бесполезно, – Рокэ с изысканной безнадежностью махнул рукой. – Мой офицер для особых поручений подслушает нас в любом случае, но будет испытывать при этом определенное неудобство. Во всех смыслах этого слова.

– Речь идет о чести дамы!

– Сударь, – укорил Ворон, – вы непоследовательны. Согласно представлениям Людей Чести, я – законченный мерзавец, следовательно, все ваши предосторожности смешны.

– Репутация властителей Кэналлоа ужасна, – на лице Ларака заметно прибавилось скорби, – однако герцог Эпинэ, с которым я имел серьезный разговор, полагает вас достойным доверия.

– Если Иноходец прав, честь дамы в надежных руках, разве что рук этих на две больше, но так даже надежнее. Садитесь.

– Я буду говорить стоя.

– Как вам угодно.

– Прежде всего, господин регент, я должен извиниться за свое поведение во время... Я считаю своим долгом извиниться за...

– Ваши извинения приняты. – Алва погладил Котика, и тот, выражая общее мнение, зевнул, издав милый мурлыкающий звук. Ларак вздрогнул.

– Я вел себя недостойно дворянина, – неожиданно связно сказал он.

– Учитесь властвовать собой, – посоветовал Ворон. – Не всякий вас поймет, как понимаем мы с Готти и виконтом, но хватит об этом. Как вы нашли касеру ее высочества? В Варасте крепкие напитки настаивают на нескольких травах, но я уверен только в степной полыни. Горечь – вечный привкус на губах страсти.

– Простите...

– Пустое. Вас не затруднит перейти к делу?

– Я пришел к вам потому, – глаза Ларака затуманились, – что впервые встретил *ее* в вашем доме. Я не настолько наивен, чтобы... Вы знаете, что случилось с Надором, знаете из первых рук... Те подробности, о которых вы... Рассказать вам мог лишь... один человек. Умоляю, ответьте, где она сейчас?!

– Вы же говорили с Эпинэ.

– Он ничего не знает, все с чужих слов! Герцог уверен, что все погибли. До единого человека.

– И вы тоже? А по виду не скажешь. Вы причесаны и влюблены, следовательно – живы.

– Я? – заморгал Ларак, – я жив, но ничего не понимаю... Где я был? Как оказался в Кагете? Все рушилось, но я должен был найти кухню и девочек. Я надеялся, что *она* с ними, всего лишь надеялся... Кухина затворилась в церкви, но другие... Здания становились ловушками! Люди выбегали во дворы, многие потеряли голову, я не мог их не ободрять. Умирать, герцог, тоже нужно достойно, а кухня... Она всегда принадлежала лишь Создателю, только не все молились. Нет, не все!

– Судя по тому, что вы здесь, ваши действия оказались существенно богоугодной молитв. Я дурно знаю Эсператию, но с каким-то вашим святым случилось то же, что и с вами. Это было до Олларов, так что его высокопреосвященство должен знать подробности; спросите, пока есть время.

– Я вел себя не так, как подобает человеку Чести, но всё... Всё так смешалось! – Ларак забыл о своем решении и сел, вернее, плюхнулся в низкое кресло. – Я всегда был добрым эсператистом, но Создатель не мог допустить такого! Не мог! Крики, грохот, тьма... Эти бедные люди, они ничего не понимали. Отовсюду сыпались камни, рушились лестницы, стены покрывали трещины. Люди, собаки, лошади, все они метались и еще курица...

– Курица? – живо заинтересовался Валме. – В Надоре?

– Не знаю, откуда она взялась, но от страха несчастная взлетела. Как настоящая птица, а старый Хью закричал, что настал конец света. Потому что летит курица... и начал бросать в нее камни, и тут обрушилась стена. Прямо на Хью, а Боб, он был славным парнем! Добрым, спокойным... Он сошел с ума и напал с топором на тех, кто был ближе к воротам. Мне пришлось его убить... Мы думали, что за воротами – выход, а за ними были скалы! Черные, блестящие...

– Хватит, граф. – Голос Алвы был негромок и холоден. – Избавьте себя от воспоминаний, а меня от излишних подробностей. Достаточно того, что вы не покинули людей и показали себя достойным господином.

– Я этого не говорил!

– Ваша беда, Ларак, что вы ставите себя ниже тех, кто способен лишь на болтовню и время от времени – на подлость.

– Герцог Алва, я знаю вашу репутацию бойца! – Не успевший согреть места граф попытался вскочить, но в Кагете кресла глубокие и очень мягкие. Алва предложил бедняге руку, однако тот улиткой чести втянулся в злополучное кресло.

– Я старше вас, – простонал он, – я болен, но я никогда... Вы слышите, никогда не позволю в моем присутствии порочить память Эгмонта!

– Кодекс Франциска о подобном ограничении регентских полномочий умалчивает, – Алва приподнял бровь, и Марселю вспомнился дворец и до странности осмелевшие Ариго. – Ларак, а почему вы вступились за честь покойного кузена, когда я упомянул готовых на подлости болтунов?

– Почему?! – Серая бородка гордо вздернулась вверх, но этим и кончилось... – Мне, видимо, показалось... Разумеется, вы никого не имели в виду...

– Имел, – явил варастьскую искренность Ворон, – но вокруг слишком много настоящего, чтобы тратить время на прошлое, так что вернемся к пропавшей даме.

– Я искал ее! Искал и не нашел... Понимаете, я... После гибели Эгмонта я в самом деле отвечал за Надор, хотя кузина... Она сказала, что нам воздалось за грехи, но не возроптавших ждет Рассвет. Она увела девочек в церковь, и что мне оставалось?! В Надоре не было сюзерена, только я... Герцог, я должен вернуться! Если вы любили... Если бы вы потеряли ту, которая... Которую опрометчиво...

– И любил, и терял. И находил. – Алва без видимых усилий выбрался из коварного кресла. – Не далее чем вчера я, спасибо Эпинэ, вновь обрел именно ту, которую... Больше мы не расстанемся, и поэтому я вас возьму с собой.

– О... – Прижми так к груди руки актер, Марсель был бы возмущен подобным неправдоподобием. – Благодарю вас! Я – ваш должник, я...

– Я не даю в долг уроженцам Надора. Мы выезжаем за час до рассвета, вам понадобятся все ваши силы, так что советую отдохнуть.

– Я наслышан о вашей езде. Я готов!

– Вы *не* готовы. Капитан Темплтон знает, что нужно в Варасте, он к вам зайдет.

– Мне ничего не... Кроме лошади. Я никогда не имел долгов, однако сейчас вынужден просить две тысячи таллов.

– Обратитесь к Валме, он, насколько мне известно, при деньгах.

– Вы хотите, чтобы я просил займы у наследника Валмонов?! Конечно... Ваша всегдашняя манера унижать Людей Чести!

– Думайте, что хотите, – отрезал Алва, – но ваши сапоги меня раздражают. Либо они, либо Талиг.

2

У церкви стояла карета, черная с серебром. Так и есть, епископ! Тут же толкалось несколько клириков, поглядывая кто на дорогу, кто на храмовые двери, которые подпирали стражники. На глазах Эмиля, стуча по булыжникам, подсакала, именно подсакала, повозка свечника, и тут же приволокли еще и бумажные цветы.

– Да уж, – буркнул маршал, – нежданное развлечение.

Терять время, объезжая немалый собор, не хотелось, да и не тот случай, чтобы рваться через главный вход. Свечи потащили вправо, но боковых входов всегда два.

– Влево!

Герард, четверо «воронных» и костлявый стражник, десять минут назад осчастлививший собравшегося-таки написать Франческе Эмиля новостью о безобразиях в главном храме Аконы, послушно поворачивают коней; к затылку липнут любопытные взгляды. Святой Фран-

циск обсажен синими торскими елочками и чем-то облетевшим, в которое набились галдящие, как весной, воробьи. Вот и боковая дверь, нищих нет, охраны тоже.

– Проверьте, открыто?

– Сейчас, монсеньор. – Герард спорхнул с полумориска немногим хуже Арно, а ведь летом было всего лишь неплохо. Старательный все же парень, не бросает занятий после первых успехов. Любопытно, где он с лошади прыгает и когда...

Порученец толкает дверь, та не поддается, и получает заслуженный пинок. На севере все открывается внутрь – иначе зимой не выбраться, заносы. Рэй Кальперадо сует голову в щель, машет рукой – путь свободен.

– Вы, двое, со мной! Остальные – ждать.

Петли не скрипят – сборные служки заботятся не только о главном входе, что похвально, а вот о чем заботится епископ? О Создателе или о собственной шкурке?

Неширокий коридор, полумрак, тишину разбивает стук каблуков по каменным плиткам, в торце – вторая дверь. Герард и тут первый, приложил ухо и напряженно прислушивается.

– Похвальное любопытство. Что там?

– Кричали, монсеньор. Совсем рядом, теперь говорят, только тихо.

– Солдат, ты здесь выходил?

– Ну да! – зачастил стражник. – Рядом они... Офицер ваш прямо у Врат стояли, когда меня господин сержант доложить отправили. Тут проход вдоль стены, шагов... шагов двадцать, господин маршал, и это... поворот там эдакий, и... эта...

– Этакое это и такое то... – Эмиль отодвинул порученца и пристроившегося рядом «вороного» и нажал надраенную ручку. Будто по заказу, по ушам саданул надсадный вопль. Такой любую дверь протаранит.

– Мое терпение иссякает, сколько можно возиться?! Великая тень устала ждать! Я потороплю этих святош, Марио, и уйду вслед за тобой, но сперва я заставлю!.. Слышите, вы, наперсники невежества и разврата, я заставлю вас отдать...

Понси! Корнет Понси, чтоб ему! Мало Рокэ в свое время придурка искупал, не помогло. На таких бракованных ничто не действует, но прежде корнет актерствовал один, не затягивая в свою дурь других.

– Презренные, вы глумились над живым гением, вы склонитесь пред мертвым! Где цветы?! Сколько можно возиться! Я не желаю слышать оправданий!.. Жалких оправданий! В Аконе есть зимние гвоздики, я видел! Вы носите цветы пошлым кокеткам, вы бросите их на великую урну...

Выступ стены не позволяет видеть, на кого орет разбушевавшийся корнет, ответного бормотанья не разобрать, но кто-то явно оправдывается. Перед таким чучелом? У Понси, по всей видимости, с головой вовсе худо, у тех, кто его слушает, тем паче.

О представлениях, устроенных страдальцем в Придде и по дороге в Акону, Эмиль слышал, о них нельзя было не слышать, но сегодня дурак превзошел сам себя.

– Прочь! Прочь эту сухую дрянь! Бросьте ее в лицо тем, той... Кто променял любовь поэта на мишуру и тлен, на жалкий звон золота!.. Где гвоздики?! Королевские цветы королю духа! Истинному королю!

*Только тот повелитель, кто вознесся духовно
Выше жалких ничтожеств, одетых в багрец,
Только тот и свободен, чье сердце греховно,
Кто идет по крови, свой предчуя конец...
Кто наполнит затем погребальную чашу,
Кто поднимет ее в память горькой души?
Мне теперь не нужны оправдания ваши,*

*Да иссохнете вы в онемевшей тиши...
Без меня стал пустым этот город презренный,
Вашим жалким душонкам не заполнить его,
Я спасал этот мир словом грозносвященным,
Кто ж решится допить мое злое вино?
Кто осмелится вста...*

Храмы, как и дамы, неповторимы, но в главном одинаковы. Что святой Франциск, что святой Бернар в Сабве. Проход, как и обещал стражник, честно виляет, выводя на исходную позицию, первой из-за угла показывается машущая рука в мундирном рукаве. Мелькает, исчезает за выступом, и вот он, последний поворот. И Понси во всей презрительной красе.

Да он и впрямь угрожает, недоумок! Причем не только шпагой, пистолет достал. И ведь, чего доброго, заряженный!

Топчутся в центральном проходе стражники и с десятков прихожан – все внимание на витийствующего корнета. По сторонам не глядят, появления новых лиц не замечают, тут же суется растерянные служки, рассовывают свечки, тащат бело-черное полотнище. У ступенек на полу рассыпаны иммортели, а вот и сам епископ – из-за машущего пистолетом Понси сразу не разглядишь. Зато услышишь...

Так это его преосвященство бормотал! Слов не разобрать, но все ясно и без них. Такой осанистый пастырь, такой важный, а трясется как обгадившийся щенок. И перед кем?! Тьфу...

Толстый служка с корзинкой белых гвоздичек мчится по проходу, епископ мелко-мелко кивает головой, продолжая бубнить. И так отвратительная сцена становится вовсе непристойной, а то, что все затеял, как ни крути, офицер, делает ее еще гаже.

– Огня! – Понси всю машет лапой, пистолет бестолково шарит по сторонам. – Огня!

Преосвященный опять кивает, служки кидаются зажигать свечи, храм вновь заполняет дурацкое вытье. И это с амвона! Нет уж, хватит.

Говорить незачем и некогда. Просто строевым шагом вперед, к Вратам. Первая из дюжины колонн, вторая... Все больше света, все громче вой. Вздыхает, готовясь к благородному рыданию, орган. «Королевский реквием». Для кого?! Орган замолкает, он готов и ждет приказа, только приказа не будет, а чучело из армии вылетит сегодня же. С визгом, но как быстро пригодился стговор с Райнштайнером. Ли о таких фортелях знать не должен, от шальной пули красный камзол и ухмылочки не спасут, как и Уилер.

Третья колонна. Начинается ковер, четвертая колонна почему-то темней других. Аконский храм славен своей акустикой, слышал бы зодчий это вытье!

*– Первая чаша за боль, я ее завещаю
Тем, кто заставил меня бесконечно и грозно страдать.
О, вы узнаете то, что в пустой своей жизни не знали
Я завещаю вам боль, и ее только сталью унять...*

Уши бы заткнуть... Ничего, сейчас страдалец замолкнет, и пусть скажет спасибо, что не навек, а епископ слушает с умильной рожей, но на дверь косится, и рожа при всей ее умильности бледновата: Создатель далеко, а страшный Понси тут. Как же не подчиниться, не зажечь свечи, не остановить стражников? Слово Божие против пистолета такая мелочь!

Ровно половина пути, пара здоровенных напольных подсвечников до поры до времени скрывают маршала и его спутников. Епископ стоит лицом, сейчас увидит. Заорет? Наверняка.

*– Чаша четвертая – мечь, пред которой любовь столь
презренна,*

Месть окрыляет, рождая ревущий поток...

Леворукий, ну и бред, но пуля не бредит, пуля летит, куда велено.

– Монсеньор! Монсеньор, какое счастье!

– Молчать, когда звучит вели... Что?! Кто?!

Вопль словно давится сам собой, пистолет в длинной руке дергается, отворачивается от посеревшего клирика. Теперь дуло смотрит на статую у ближайшей колонны.

– Монсеньор, – стонет Герард, – монсеньор...

– Кыш!

Появления начальства скандалист не ожидал, тем более сбоку. Соображает, что делать... Сообразил, вновь целит в епископа, но несколько мгновений потеряно.

– Стойте... Стойте, иначе я... Иначе он...

– Монсеньо-о-ор!

Епископом больше, епископом меньше, это Ли один! Пять шагов до невысоких ступенек и узорчатой оградки алтарной части, четыре, три...

– Вы пожалеете... Вы узнаете!.. Вы-и-и...

Ни приказывать, ни тем более уговаривать, Эмиль не собирался, еще чего! Понси опять шевельнулся, разворачиваясь к неумолимо надвигающемуся Савиньяку. Что-то хочет сказать? Выстрелить? Поздно!

Под левой ногой – нижняя из трех ступеней, рука ложится на затейливое наверху резного столбика ограды, как на седельную луку, тело привычным для кавалериста движением взлетает вверх, и подошва маршальского ботфорта, описав дугу, врежется в держащую пистолет руку. Раздается короткий хруст. Кость? Хорошо бы!

Понси изумленным взглядом провожает улетающее оружие, он не понимает, что, а главное – почему, произошло. На физиономии проступает почти детская обида. Офицер, чтоб тебя! Талигойский, чтоб тебя еще четыре раза!

Ухватить дебошира за воротник, швырнуть опомнившимся стражникам.

– Убрать!

– Да, Монсеньор.

Туда же, вниз, и перчатки. Семейная традиция: тронул дрянь – выкини!

– Сын мой...

– Вы что-то сказали, сударь?

– Монсеньор, я вам так обязан...

Епископ, и рядом еще клирик, настоятель храма, надо полагать. Смотрят с нежностью, ну и кошки с ними.

– Не стоит, господа.

– Надеюсь, преступник понесет должное наказание?

– Надейтесь, – разрешил Эмиль. – Прошу извинить, дела.

Залитый свадебным сиянием храм, разинувшие рот служки, сержант. Ну, этот-то ни в чем не виноват. Боковой вход больше не нужен, можно и к центральному пройти, лошадей приведут. Ковер глушит шаги, потихоньку меркнет свет – кто-то рачительный велел гасить отнюдь не дешевые свечки, а кажется, пришел вечер. Написать об этом в Фельп?

Пара драгунских офицеров в дверях, запыхавшихся и, похоже, злых, особенно зол капитан. Тот самый Давенпорт, которому Ли сбаврил присланного регентом придурка.

– Давенпорт, корнет Понси ваш подчиненный?

– Да, господин маршал.

– Вы догадывались, до какой степени он глуп?

– Монсеньор... – у второго в петлице веточка, – корнет Понси сегодня около полудня потерял смысл жизни и выпил четыре миски тинты.

– Миски?

– Корнет Понси не нашел чашу, а стаканы ему не подходят. Непозэтично.

– Мундир ему не подходит!

Тарашит глаза Герард, ухмыляются «воронье», скоро будет ржать вся Акона. А почему бы и не поржать? Обошлось ведь.

– Монсеньор, – стонет какая-то дура в черных лисах, – Монсеньор, вы так рисковали, так рисковали...

– Что мне сделается?

Ничего, *ему* ничего. Излом, Шар или как еще эту дурь назвать, нацелился на другую добычу! На Ли он, гадина такая, нацелился, только брата судьба не получит, пусть хоть лопа-ется, хоть сама под свой шар лезет!

3

Дам Алва всегда любил с блеском, но если б многочисленные красотки видели, как их кумир обнимает мориску, они бы почувствовали себя обокраденными. Марсель, не будучи дамой, чужое счастье созерцал с умилением, а эти двое были именно счастливы. И закрывшая глаза Сона, и Рокэ, на плече которого покоилась лошадиная голова, чей вес Валме не замедлил прикинуть. Выходило где-то четыре Котиковых башки, пусть тихих и умиротворенных, но стояние продолжалось уже четверть часа.

– Если б я застал тебя с женщиной, – прервал идиллию Валме, – я бы не смутился.

– Тогда тебе надо было зайти раньше и к их высокопреосвященствам.

– Когда я говорю с женщиной, я имею в виду с женщиной, а не с человеком в юбке. Впрочем, ее высокопреосвященства предпочитает штаны.

– Глупости, – отмахнулся Алва. – С женщинами без юбок ты меня тоже видел.

– Полтора раза, – уточнил Марсель, понимая, что эта тропка никуда не ведет и надо искать другие. – Эпинэ за время нашей разлуки поправился, а ведь дорога к этому не располагает. В отличие от дыры; ты-то вылез просто красавцем.

– Последнее время мне часто намекали на сходство с покойником. Наконец я умер, и тут же посыпались комплименты... – Алва вывернулся из лошадиного объятия не хуже, чем из лапок Клелии. Сона приоткрыла глаз и вздохнула, Рокэ погладил кобылу под смоляной челкой и быстро вышел из денника, Марсель ринулся следом, поскользнулся на какой-то дряни и, не ухватив его Ворон, врезался бы лбом в дверной косяк.

– Думаешь, Эпинэ тоже провалился? – поинтересовался Ворон, подставляя лицо солнцу, и Марсель с очередным облегчением увидел, что Алва шуруется. Еще парочка милых мелочей, и о смерти в самом деле удастся забыть, забывают же об ошибках, даже о чужих.

– Если Иноходец и провалился, – вернулся к делам Валме, – то потом он где-то устал. А еще он явился без вещей и при этом одвуконь, а ты его вчера выгнал сперва спать, а сегодня к Темплтону. Неужели тебе совсем не интересно?

– Сперва я обдумаю Ларака. Этот провалился без всяких «по-видимому», и тем не менее Матильда находит его облезлым. Впрочем, она не видела графа при жизни.

– А ты?

– Года три назад. Манрик очередной раз заговорил о конфискации Надора. Дескать, Ларак процветает, а земли Окделлов в полном расстройстве, следовательно, опекун ворует, а посему графа, который в любом случае ненадежен, надо отправить в Багерлее, а Надор поручить тессории. Кстати, не умри Сильвестр, кому-то из вас пришлось бы жениться на девице Окделл.

– То есть? – уточнил Марсель. Опасность была позади, и виконту стало интересно.

– Манриков от Надора следовало отвадить. Твой родитель полагал лучшим выходом брак, я пошел другим путем. Результат, надо признать, оказался удручающим.

– Да, – слегка подумав, согласился Валме. – Теперь ни Надора, ни Манриков, то есть Манрики где-то сидят, но жениться из-за них больше не нужно. Мы скажем Лараку, что он умирал?

– Зачем? – Алва откровенно любовался горами. – Разве что ты захочешь взглянуть, как наш влюбленный сойдет с ума. У Иссерциала безумие сопровождалось надеванием венков из сорных трав и песенками.

– А у Дидериха разрыванием одежд. Рокэ, а Эпинэ мы что-нибудь скажем? Он, конечно, не умирал, зато Марианна... Мертвой ее видели графиня Савиньяк и известный тебе Пьетро. Они решили свалить утешение и все такое прочее на Левия, а его убили.

– Эпинэ я при случае объясню... Золото с фиолетовым, синева и опять золото, но уже с пурпуром. Кагетская осень заметно ярче торской. Видимо, оттого и казароны.

– Что позволено природе, людям запрещено, – Марсель с удовольствием выкинул из головы Ларака с Эпинэ и занялся пейзажем. Горы были не просто яркими, они сияли, куда там всяким четырежды радужным! Вырядись кто-нибудь в подобные цвета, вышло бы нечто чудовищное, собственно говоря, оно и выходит, причем не только в Кагете.

– Розовые фламинго хороши, – поделился выводами виконт, – хоть и необычны, но кавалер в розовом всегда будет нелеп, а девица почти всегда глупа. Я тебе еще не говорил, что встретил родственницу птицерыбодуры? Хвост ее не портит, правда, он скорее змеиный...

– Змеи по-своему прелестны. – Рокэ так и глядел на фиолетовую гору, к которой подбирался золотой лес. – Но прелесть того, что может убить, воспринимают не все... Ларак помнит курицу и что ему нужно в Надор. Если я верно разобрал его крики, он ломился сквозь козла, не зная, что спешить некуда. Моя память ушла из хандавского вечера и туда же вернулась, однако у меня есть свидетель, а графу придется довольствоваться рапортами на имя Савиньяка.

– Люди Эпинэ там тоже побывали. Как думаешь, почему вылез именно Ларак и именно сейчас, и где остальные? Не то чтоб я хотел увидеть знаменитую вдову, но ведь должна же быть причина!

– Несомненно! – Алве надоело сидеть, и он улегся на каменном выступе, заложив руки за голову. – Раньше я допускаял, что смерть может быть ярче жизни, но будь так, я бы ее запомнил.

Глава 6

Талиг. Акона Бакрия. Хандава

400 год К.С. 8-й день Осенних Волн

1

Спрута Арно поймал на закате, не менее роскошном, чем позавчерашний, но не будившем желания куда-то немедленно мчаться. Было красиво и слегка тревожно, однако теньент без сожалений променял полыхающие небеса на полутемную, пропахшую пылью прихожую. Валентин только что откуда-то вернулся и как раз выпроваживал сопровождавших его верзил.

– Добрый вечер, – не забыл поздороваться Придд. – Разделишь мой ужин? Я думал позвать Йоганна, но уцелевшие Катершванцы празднуют день рождения старейшей из баронесс. С учетом пятикратного траура это дело сугубо семейное, не будет даже Райнштайнера.

– Бабушка Гретхен! – припомнил Арно. – Близнецы говорили о ней в Лаик.

– Не слышал, впрочем, тогда я мало с кем говорил. Возможно, зря.

– Конечно! Знал бы ты, каким тошнотворным казался.

– Мне это очень хорошо объяснили, – улыбнулся Придд. – Но, как бы гнусно я ни выглядел, хотелось бы верить, что первенство оставалось за Колиньяром.

– Ты был вторым!

– Зато потом мне в твоих глазах удалось стать первым, причем надолго. Как здоровье графа Савиньяка?

– Как у Грато – затопчет любого. Валентин, а я ведь к тебе...

– Правда? Я думал, тебе нужен Тобиас.

– Тобиас?.. Ха, оставь его себе! Вот приказ.

– Пройдем в кабинет.

Как Зараза умудрился превратить в кабинет мещанскую комнату с ее геранями, ковриками и корзинками сушеной травы, Арно не понял, но письменный прибор и карта Северной Придды выглядели здесь вполне уместно. Прошлый раз теньент запомнил только кувшин с рябиной и книги, прошлый раз он мог думать лишь о дурочке, которую взялся спасать, но от Райнштайнера можно спасти разве что вино. Если застаться пивом.

– Садись, – предложил Валентин, – и давай приказ. Ответ требуется немедленно?

– До утра никто не помрет, – хмыкнул Арно, но Спрут не был бы Спрутом, если б не вскрыл пакет и не перечел его содержимое дважды. Очень может быть, что второй раз – задом наперед.

– Я бы не назвал эту мысль удачной. – Бумага отправилась в здоровенную шкатулку. – Кому она принадлежит?

– Мне!

– Я так и подумал... Жаль.

– То есть ты не хочешь?

– Мои желания, равно как и твои, ничего не значат – мы на войне. Другое дело, что более трудного для исполнения приказа я еще не получал.

– Приказы, которые тебе не нравятся, ты, помнится, нарушаешь.

– При определенных обстоятельствах, которых сейчас нет, и если их, я имею в виду приказы, а не обстоятельства, нельзя истолковать устраивающим меня образом. Арно, дело в том, что с недавних пор я считаю тебя своим другом.

– Ну а я – тебя! И что?

– Дружба предполагает откровенность. Мы слишком на многое смотрим разными глазами и не скрываем этого, однако к ссоре и разрыву это не приводит. Твой перевод ставит нас обоих в сложное положение. Ты, как тенъент Сэ, будешь вынужден выполнять приказы полковника Придда, и я отнюдь не уверен, что все они тебе понравятся.

– А, – успокоился Арно, – вот ты о чем! Отлынивать не стану, хорош бы я был... Во Франциск-Вельде ты не промахнулся, и раньше, на Мельниковом, тоже.

– Все равно нашей дружбе предстоит серьезное испытание. Я не могу требовать с тебя меньше, чем с других, и тем более пререкаться с тобой при посторонних. И я не хочу терять наши споры, а поэтому приглашаю переехать ко мне. Немедленно.

Логика Спрута и прежде ставила в тупик, но сегодня Зараза превзошел сам себя.

– Ты сначала реши, чего не хочешь больше, – хмыкнул виконт. – А попросился я к тебе, потому что ты в Аконе, и Ли тоже, а с ним сам знаешь что!

– К сожалению, не знаю. Способ проверить, слышим ли мы друг друга, оказался действенным, но связи с предчувствиями маршала Эмиля я не нахожу. Тем не менее, оставить брата ты сейчас в самом деле не можешь. Нам остается лишь выполнить приказ. Могу предложить тебе место второго офицера в первом эскадроне, после Мельникова Луга оно свободно. Тебе придется выполнять как мои приказы, так и приказы командира эскадрона, но, когда мы будем оставаться наедине, можешь высказывать мне все, что думаешь. Сколь угодно резко. Разумеется, если тебе покажется, что мои действия принесут немедленный вред...

– Я тебя пристрелю, как Алва – Карлиона.

– Если тебе удастся. Ну а вечерами мы попробуем не потерять то, что с таким трудом нашли.

– С трудом?

– За себя я могу поручиться. Возможно, тебе решение не убивать меня на дуэли далось легче.

– Оно мне никак не далось, просто... В бою с тобой все стало ясно, а что ты такой... спрут, я как-нибудь переживу.

– В таком случае надо послать за твоими вещами и за вином. Нам есть что отметить.

– Да уж! – хмыкнул виконт. – А Катершванцы пусть пьют свое пиво.

– Местное. Насколько я успел понять, здешние сорта отличаются от бергерских. По мнению Ульриха-Бертольда, пиво можно варить только на ячменном солоде. Добавление пшеничного есть издевательство над великим напитком, за которое следует пороть на площади, после чего сажать в чан с морской водой. Причем не пивоваров, тех нужно сразу убивать, а святотатцев, вливающих в себя эту коровью мочу. Я не счел уместным сообщить воителю, что барон Райнштайнер предпочитает ячменному пшеничное, к тому же непроцеженное.

– Валентин, – простонал Арно, представляя сцену порки, – ну ты и Зараза!

– Почему? – полюбопытствовал Придд. – Ведь я же не донес!

2

Беседа была оживленной и довольно-таки фривольной. Марселю нравилось, перебивавшему струны Рокэ, кажется, тоже, однако тон задавали Этери с Матильдой. Делить принцессам было нечего, вернее, некого, и они вступили в союз против мужчин. Дамы то ли вновь смешали касеру с мансаем, то ли просто завелись, но выглядело это очаровательно, о чем виконт шепотом и сообщил Бонифацию.

– Вот ведь грешницы! – Кардинал с нежностью покосился на раздумывающуюся супругу. – Так и норовят в одну телегу впрячься и разнести, даром, что лань кобылице не пара! То есть не стоит им вместе пить, но моя-то... Скажи, хороша?

– Несомненно! Ваше высокопреосвященство, надеюсь, вы не в обиде...

– Нет во мне обиды! – Дослушивать уже неплохо причастившийся пастырь не собирався. – Сильвестру и то все вины отпустил, хотя сожалею. Сожалею, что гад покойный не увидит, как вздеваю я знак его наперсный!

– Может, и увидит, – утешил Валме, но Бонифаций утешаться не пожелал.

– Не покажут ему, ибо зло Дорак сей творил из любви не к себе, но к Талигу, так что подержат для порядка в ямине с пиявицами ненасытными, да в Рассветные Сады – нектары вкушать. Из ямины же той меня не разглядеть, вот к краю бы подойти...

– А говорите, обиды нет, – поддел Марсель, пытаясь другим ухом уловить, о чем журчат дамы. – У моих бакранских друзей есть премилое правило: бодать живых врагов, а мертвых – закапывать и уходить, ваши же мечты достойны дуксов. Стыдитесь!

– Да я бы не глумился. – Физиономия его высокопреосвященства стала мечтательной. – Новости рассказал бы, утешил... Покойник боялся, что без него Талиг прахом пойдет, а он стоит себе, хоть и трясется. *И будет стоять!*

Кардинал возвысил голос, а делать этого не следовало. Матильда, что-то страстно объяснявшая всем и никому, свела брови и оскалилась. На мужа.

Бонифацию следовало не заметить, а он взял да и направился к жене, которая тут же двинулась навстречу, напоминая разъяренный галеас.

– Сплетник, – прошипела она. – Нашел, чем и перед кем бахвалиться! И когда...

Виконт был человеком утонченным и семейных ссор не выносил. До абордажа оставалось несколько секунд, и Марсель не хуже «ызарга» вклинился меж супругами.

– Ваше высочество, – произнес он, не без риска завладевая пальцами алатки, – мы говорили о женщинах, я это признаю. Было бы странно, обсуждай мы в этот вечер иной предмет. Тем более что сами вы говорите о мужчинах, и весьма нелицеприятно.

– Правду мы о вас говорим, – грохнул из носового «галеас». – Балбесы вы, и чем лучше, тем хуже! Когда нужно хватать и держать, стенку пальцем ковыряете, когда на вас и через порог смотреть тошно, лезете. И всегда хвастаетесь!

– Сударыня, – наследник Валмонов поднес к губам ручку, которая могла управиться с расшалившимся жеребцом, – иногда нам просто не хочется держать и не отпускать дам, которым хочется держаться и не отпускаться. Согласен, налицо некоторое противоречие, но ведь вы не захотели ездить на линарце, которого нашел Хогберд. Нам же, говоря откровенно, часто приходится иметь дело с дамами, которые, как вы выразились, лезут.

Поверьте, лезущая дама, и тем более девица, ужасна. И чем нежнее чувства, которая она к нам питает, тем трудней не быть съеденным заживо. Женщинам легче, они могут сказать «нет», а если их не поймут, закричать.

– Не всегда. – Этери не поленилась встать и подойти, впрочем, Матильда с Бонифацием сошлись точно за спиной Ворона, который продолжал дразнить ночь струнным звоном. – Наше «нет» что-то значит, лишь когда нас не предают и не продают. И если за нас не прячутся.

– Ну не понимает он, – махнула рукой алатка, – и ладно. Лет через десять поймет...

– Женщин? – деловито уточнил Валме, восхищаясь ловкостью кагетки. Возражала Этери ему и на него же смотрела, но обращалась-то к Рокэ.

– Женщин предавать грех! – поднял палец кардинал. – Женщин. Но ведь встречаются и иные... создания. Побывав в Сагранне, я не унижу сравнением с ними ни козу, ни выдру.

– Я тоже не стану называть кое-кого... козлом, – вскинулась Матильда, – жирно будет!

– Есть еще тергачи, – припомнил Марсель. – То же самое, но громко и без пролития крови.

– Господа, – поднял голову от гитары Алва, – вы друг друга не поймете, пока не определитесь с дамами и созданиями. Итак, вы отмели коз и выдр...

– Может быть, лисица? – предложила Этери.

– Лисица? – повторил Рокэ. – Ум, изящество и хитрость в одной шкурке. Это, вне всякого сомнения, женщина. Более того, это идеал.

3

Мэллит кормила огненного коня; грива и глаза его были пламенем, по золоту тела пробегали багровые сполохи, но гоганни не чувствовала жара, даже когда огнегривый касался ее лица.

Приближалась гроза, однако девушка не боялась, ведь она ждала того, кто повелевает молниями. Ждал и жеребец, они были вместе посреди широкой поляны, за которой золотился бескрайний парк. Клены, буки, каштаны горели на солнце, но головы их упирались в клубящиеся тучи. Золото, бронза и медь вращались в свинец, не так ли сторала ара, и не грозвые ли твари тянули из нее лапы? Теперь гоганни их бы не испугалась, теперь она знала цену и лживым розам, и несущему правду пламени.

Напоминая о себе, фыркнул конь, и Мэллит взяла новый кусок пирога – первого, испеченного ею, темного и сладкого, как ночь наслаждений. Девушка протянула лакомство скакуну, но тот не взял. Громко и коротко заржав, словно пожаловавшись, конь стал гаснуть, потянуло холодом и полным тоски дождем. Мэллит поежилась и поняла, что обнажена и не помнит, ни где оставила одежду, ни дороги к дому, ни самого дома.

Становилось все холоднее, из-за облетевших в одночасье деревьев пополз, припадая к самой земле, туман – он охотился на Мэллит, как змея охотится на птицу. Девушка попятилась к сердцу поляны, чувствуя, как тяжелеют ее ноги. Где-то заплакал младенец, и в голосе его слышался гнев, затем плач перешел в рычание; гоганни вздрогнула и открыла глаза среди знакомой, пропахшей лавандой тьмы. Осень и туман оказались скверным сном, Мэллит вернулась в Акону, в дом, который подруга не захотела оставить. Крик раздался снова, и девушка улыбнулась – детский плач и кошачьи песни так схожи. Черно-белый рвется на улицу, но кто встанет из теплой постели ради одержимого страстью кота?

Мэллит села в кровати, она слушала крики охваченного вожделием зверя и вспоминала другую ночь, которой могло и не быть. Если бы не пришли убивать Селину, подобный Флоху не навестил бы их дом и не остался бы до утра... Утомленная невозможным, гоганни не проснулась, когда он уходил. «Герард уехал с Монсеньором», – сказала позже подруга, она ничего не знала и думала лишь о брате, который хотел забрать их в другой дом.

Селина решила остаться, Мэллит с ней согласилась и, сменив повязки, спустилась на кухню, это пришлось кстати, потому что потянулись гости. Любопытные, они качали головами, много спрашивали и говорили сами. Одни желали помочь, другие искали выгоды, надеясь перешагнуть порог Проземператора. Глупцы, разве можно чеканить монеты из молний?

Плечи начали зябнуть – странно, обычно тепла хватало до утра. Спать Мэллит не хотела, верней, не хотела возвращения тумана. Кот вновь взвыл, и что-то в этом вое было странным. В вое, в холоде, в чем-то еще, чего прежде не ощущалось. Девушка юркнула под одеяло, натянув его на голову, лавандовая тьма была теплой и безопасной, она глушила кошачьи крики и обещала защиту. Только не нужно вставать, касаться ступнями пола, отворять дверь, спускаться... Один раз недостойная уже спасла подругу, сбив до крови ноги, она поступила верно, но сейчас лучше не выходить! Не выходить, не слушать зверя, не мешать...

Нельзя мешать тем, кто забирает свое, так что зря она проснулась. Чем плох туман? Он не сожжет и не задушит, а Мэллит никому ничего не должна! Она не просила лживых цветов и чужой серебряной звезды. И крови Повелевающего Волнами тоже не просила, так зачем вставать? Двери стерегут бергеры, это их дело, ничтожная и так уже сделала больше других...

Искать туфли и юбку гоганни не стала, было не до того. Схватив подсвечник потяжелее, девушка рванула засов, вылетела на лестницу и понеслась по осклизлым ступеням.

– Мелхен! – закричали снизу. – Осторожней! Теперь тут скользко...

Наспех одетая Селина держала кота, его уши были прижаты. Свет лампы падал на кучу тряпья в конце лестницы, пахло гнилой водой и несвежим бельем.

– Я проснулась, – сказала Мэллит. – Что это?

– Половики, – подруга отпустила Маршала, и тот, выгнув спину, медленно двинулся к куче. – Я их собрала. Хорошо, что ты встала, нужно прибраться, пока никто не видит.

– Ничтожная не понимает...

– Это от выходца. Я бы тоже не поняла, но когда папеньку и Циллу забрали, у нас в Кошоне много чего сгнило. Вообще, чтобы выходцы переступили порог, их надо позвать по имени, но на этом самом месте убили бедного господина Густава. Остался холод, а они ходят от холода к холоду.

– Выходцы? – повторила Мэллит.

– Девушка, которую расстреляли, вернулась за мной, но у нее не получилось. Понимаешь, я немного странная, меня нельзя забрать. Давай вынесем половики в сад, там яма есть. Только одеться надо, а то застудимся.

– Но... нареченная Гизе... Гизелли не там?

– Нет, что ты! Ее Маршал прогнал, то есть не только Маршал. Я объяснила, что кошачьи царапины у нее никогда не заживут, а я все равно грязная фульга. Она поняла. Вынесем тряпки, и я лестницу помою, чтоб не пахло, а ты на кухне приберись, там почти все протухло. Хуже всего капуста, ее тоже придется в яму.

– Я уберу, – пообещала Мэллит. – Почему никто не идет?

– Так всегда бывает. Выходцы умеют держать тех, кто им не нужен, во сне. Послушай, как вышло, что ты встала?

– Кричал кот и ничтож... я проснулась и сидела, полная нечистых мыслей. Они были подобны этим половикам, теперь их больше нет.

4

Гостей собралось куда меньше, чем в Агарисе на приснопамятной прощальной пьянке, но и семеро многое могут. Особенно если не ызарги.

– Ызаргинья? – весело, теперь уже весело искала имя для мерзавок Этери. – Или... ызаргинья?

– Не сходится, – протестовал Валме. – Ее высокопреосвященство полагает, что противоположность мужчине, достойному женской любви, есть не гайифцам подобный ызарг, но хряк. Хряк и ызаргинья – не пара, а должны быть парой, значит, должна быть хрякинья. И хрякинья хрякиню видит насквозь, ибо что сделает одна, сделает и другая.

– Хрякинья женщину не поймет никогда, – Бонифаций поднимает не только палец, но и бровь. Как Алва. – Зато разъяснит для себя, приведя к своему пониманию. И обругает.

– Женщина хрякиню не поймет и не захочет понимать, – Этери улыбается и ждет, когда все уйдут. То есть, конечно же, не все... – Женщина поймет, что перед ней хрякинья, и пройдет мимо.

– Это может быть опасно... – Робер вспомнил что-то свое и поморщился.

– Женщина женщину поймет так же, как и мужчину. – Алва смотрит на Эпинэ сквозь бокал с вином. – То есть не всегда, не всякого и не до конца.

– Мужчина всегда поймет женщину и не поймет хрякиню, – теперь супруг машет только пальцем, – но по наивности может принять ее за женщину.

– Зато мужчину мужчина поймет всегда. – Развеселившийся Дуглас чокается с Валме.

– Убивать понимание не мешает, – пожимает плечами Ворон.

– И убивать, и уважать.

– Хряка мужчина тоже поймет. И для хряка это кончится плохо.

– Хряк никогда не поймет мужчину, но поймет, что это мужчина, и постарается или укусить, или удрать...

– И укусить, и удрать. А хряк хряка всегда поймет, все они одинаковы.

Голоса сливаются в веселый гул, не оскверненный надорским сапогом козел смотрит со стены на тех, кто уедет, и ту, что останется. Шестерым пора, но один вернется, этого не понимают разве что Дуглас с Робером, да что они вообще понимают?! Седина – это еще не опыт.

– Так и замыкается круг...

– Но разве не бывает, – Этери широко распахивает глаза, свет розовых свечей превращает их в аметисты, – что мужчина принимает женщину за то, чему мы сейчас ищем название?

– Бывает и такое... – откликается Алва. – И это печальней, чем весь наш разговор, а он, на мой взгляд, удивительно печален.

– Ну так пора его прервать. – Матильда удачно, не чета позавчерашнему, поднялась. – Герцог, вы мне слегка нужны.

– К вашим услугам. – Кэналлиец передал гитару Валме. – Дождитесь меня.

– Разумеется, – заверили мужские губы и женские глаза. Сегодня Этери дождется, а сколько ей ждать потом? Пока он не вернется? Пока она не забудет? Пока не кончатся сперва молодость, потом жизнь?

Звездная ночь обдает холодом, луна и та кутается в бледно-радужную шаль. Черные тени шевелятся и пляшут среди поседевших от инея ступеней, стен, решеток...

– Будет ясно... – Алва смотрит на мерзнущую луну. – Вы опять недовольны, сударыня? Чем?

– Трусостью! – не стала церемониться алатка. – Вашей!

– Такого обо мне не говорил даже покойный кансилльер, а он обладал на редкость живым воображением. Нельзя ли подробней?

Подробней ему?! Чего удивляться, что внука корчи били? Такие, если и ведут себя прилично, то с пленниками, зато, угодив в тюрьму сами, допекут любого.

– Попадись вам Альдо лет в пятнадцать, – выпалила алатка, – может, и не сбесился бы... А меня пороть поздно!

– Его высокопреосвященство никогда не ударит женщину.

– Он и хрякиню не тронул, – похвасталась своей осведомленностью Матильда. – А трусы потому, что Ларака обнадежил. Ну нельзя же так! Доберется бедолага до Надора этого кошачьего, а там – озеро... И куда он денется?

– Никуда. Он заслужил Надор, и он его получит, а в озере можно разводиться выдр. Ваше высочество, не полюбоваться ли нам созвездиями? Беседка на скале для этого просто создана!

– Чтобы родичей сбрасывать она создана.

– О нет! Она построена, чтобы сбрасывать родичей, но создана, чтобы смотреть на небо.

Идемте, я вас удержу.

Что в нее вселилось, она не понимала, но звезд захотелось, как в Агарисе хотелось мансая. Злость на кэналлийца не пропала, просто стала какой-то летящей; они почти бежали к беседке и Матильда на ходу вычитывала регенту Талига за нескладного чудака, который не отвечал на ее агарисские письма.

– Ну, – грозно выдохнула женщина у подножия лестницы, – и что теперь будет?

– Я уже говорил. Ясно будет.

– Опять трусите?

– Что значит «опять»?

– Твою кавалерию! Да вы, как неумеха-лекарь, что жалел больного, пока тот не сдох!

Если нельзя не резать, надо сразу – всем лучше будет. До Робера и то дошло!

– Эпинэ вам, несомненно, доверяет.

– Еще б ему мне не доверять! – Доверяет, хотя ни кошки не помнит, и хорошо! А то пошли бы смущалки, а где двое смущаются, третий ревнует. – Я им всем бабкой была, теперь только двое остались, авось уцелеют... Этот Ларак, как поймет, так и все! Либо в озеро кинется, либо повесится.

– Он эсператист.

– Тю, – Матильда поставила ногу на первую ступеньку, и ее тут же подхватили под локоть. – Кому это мешало? И вешались, и изменяли, и гадов всяческих чтили. Если очень хочется или очень больно, Создатель не указ... Пистолеты, те еще помочь могут.

– О да, с пистолетом получить, что хочется, проще, чем с божьим словом, хотя есть клирики, которым удается совмещать. Вы не устали?

– От лестницы или от вас?

– На ваше усмотрение.

– Устану, начну пыхтеть... Ларак верит не Роберу, а вам.

– И правильно делает. Я очень удивлюсь, если дама, в которую влюблен Ларак, погибла. То, что солдаты Эпинэ не встретили уцелевших, не значит ровным счетом ничего.

– Вы что-то знаете?

– Имя красавицы. Граф признался, что встретил свою любовь в моем доме, но его чувства расцвели уже в Надоре. Очевидно, что беднягу покорила госпожа Арамона, однако дело не в ней. Известная вам дама-выходец за гробом обрела свое счастье с капитаном Арамоной. Тоже выходцем. Вы – алатка, у вас любят истории о посмертной любви... Прошу простить!

Алва мог и не намекать, Матильда и сама поняла, что вместе с ними поднимается кто-то еще. Кэналлиец, стремительно высвободив руку и развернувшись, уже стоял ступенькой ниже. Казарские светильники горели ярко и ровно, окажись на лестнице хотя бы кот, да что там кот, сбежавший Клемент, не заметить его было бы невозможно.

– Никого, – зачем-то шепнула Матильда.

– Да. Вверх или вниз?

– Как хотите.

Мужская рука вновь сжала локоть принцессы. Они поднимались с прежней скоростью, но молча. Ночь наполнилась обычными звуками – вскриками местной маленькой совы, шепотом ветра, дальней приглушенной песней; собственное дыханье Матильда тоже слышала, но тот, кто шел за ними, а он точно шел, был тих, как падающий снег. Прошлый раз алатка успела запыхаться, но Алва вел ее гораздо медленней Бонифация. Легкие справлялись, зато подзабытый страх плеснул за шиворот чего-то липкого и холодного.

– С вами все в порядке? – Ворон был спокоен, но спокойствие таких зверюг не значит ничего. Вот топай рядом непуганый Анэсти, женщина уверилась бы, что ни один хомяк за ними не гонится. Хотя Анэсти не годился, он бы просто не заметил угрозы!

Лестница наконец соизволила кончиться, они были в беседке. Обещанные созвездия цвели, как незабудки на болоте, но любоваться ими не получалось. Незримое присутствие сделалось невыносимым, и Матильда почти прижалась к кэналлийцу. Она знала, что помешает ему драться, но Алва стал стеной между ней и бездной, в которую она чудом не свалилась. И дернуло же вновь лезть ночью в это место... Сколько казарских врагов опиралось здесь на решетку? Скольких под лицемерные вздохи хозяев отскребали с розоватых и серых плит? Кровь и обман, обман и кровь копились и копились, а над ними порхали приносящие счастье бабочки.

– Это они, – быстро шепнула алатка. – Маленькие смерти... До рассвета этот дом – их.

– Хорошо, – Алва шагнул к середине беседки. – Дождемся рассвета, Валме или еще чего-нибудь. Садитесь.

Глава 7

Талиг. Акона Бакрия. Хандава

400 год К. С. Ночь с 8-го на 9-й день Осенних Волн

1

Виконт Сэ проснулся среди ночи и несказанно этому обстоятельству удивился. Нет, при необходимости Арно вскакивал затемно, оставаясь при этом офицером, а не вытряхнутым из зимнего кубла ежом, но это – при необходимости, сейчас же таковой не наблюдалось. Раздосадованный тенъент повернулся на другой бок, однако сон даже не ушел – удрал. Вопреки вчерашней беготне и «Змеиной крови». Когда они с Валентином разошлись по своим комнатам, Арно слабодушно решил, что Кан обойдется без утренней пробежки; прошла от силы пара часов, и виконт воспрянул до полной невозможности оставаться в постели. С чувством потянувшись, молодой человек решил написать в Старую Придду. Вообще-то озаботиться этим следовало по приезду, и Арно даже собирался, но сперва они дрались, а потом бегали за убийцами и поймали. Злодейку с белой ленточкой, но не об этом же писать! А написать нужно, причем быстро. Мать не из тех, кто гонит курьеров, дабы убедиться, что сыночка в дороге не искусили белки, а вот Ли... С брата станет показывать: все в порядке, я такая же змеища, как всегда, хотите – радуйтесь, хотите – терпите. Молча.

Выволочки Арно изрядно надоели, и виконт подумывал – нет, не о мести, о том, как слегка отыграться. Отослав письмо, можно при случае намекнуть, что мать знает о закатных предчувствиях и кровопусканиях. Ябедничать виконт не собирался, его план состоял в том, чтобы кротко вынести неизбежное внушение, а потом посетовать на непонимание. Дескать, господин Проэмперадор всяких фридрихов и хайнрихов видит насквозь, зато родная кровь для него – темный лес.

Младший из Савиньяков довольно хмыкнул, зажег свечу, поежился и принялся одеваться – покинутый дом был ощутимо теплее, хотя вечером так не казалось. Спальню готовили люди Придда, разумеется, о письменном приборе они не забыли, а вот протопить можно было и лучше. Мундир не спасал, пришлось набросить на плечи одеяло, уподобившись алатским пастухам.

Перо бойко скользило по бумаге, трещал фитилек, в окно скреблась не спиленная хозяевами ветка. Герард наверняка успел расписать драку в подробностях, и хитрый Арно начал с

«Несомненно, 2-жа Арамона уже осведомлена о нашем небольшом приключении. Не стану повторять рэя Кальперадо, однако случившееся меня несколько отвлекло, и я не сообщил о своем предельно благополучном прибытии...».

Первая страница далась легко, но потом дурацкая ветка совсем обнаглела. Ветка? Разлапистый вяз рос у дома, где Арно квартировал до вчерашнего дня, а здесь скрестись было нечему, звуки же, однако, и не думали прекращаться. Кошка? Наверняка! Гулена не знает, что окна на зиму уже замазали. Ценивший лошадей, но не котов тенъент попробовал сосредоточиться на письме, но осторожное, настырное шарканье отвлекало все сильнее. Когда с кончика пера сорвалась здоровенная клякса, Арно помянул дриксенского шварцготвотрама... или вотрума и решил нахалку турнуть. Прогнать надоеду, не открывая окна, было делом, достойным Валентина, но не писать же под такой аккомпанемент! Тенъент раздвинул занавески – кошки не было и в помине, в окно скреблась... Гизелла фок Дахе. Живая, всклокоченная и слишком легко одетая для выбеленной инеем ночи.

Смотреть на преступницу и то было холодно. Арно сгреб дурацкие тряпки к середине окна и понял, что с замазкой так быстро не справиться. Рамы можно высадить, пустив в ход тяжеленный резной стул, но на грохот сбегутся не только Придд со слугами, но и уличная стража. Да и открывать окно таким способом, когда на карнизе стоят, нельзя, тут не впустишь, а пришибешь или столкнешь.

– Я сейчас выйду, – медленно, прижавшись губами к стеклу, произнес Арно. – Выйду и отвезу тебя к... в безопасное место. Поняла?

Гизелла смотрела широко раскрытыми глазами, так серьезно смотрят только дети. Тоже мне, убийца! Но кто же ее отпустил, не Райнштайнер же!

– Я. Сейчас. Приду, – повторил виконт. – Спускайся...

В ответ девушка провела ладошкой по окну и что-то сказала. Проклятье, если он не понял ее, как она поймет его?!

– Я! – Арно ткнул себя в грудь. – Иду. К тебе!

Указать на себя, поставить на открытую ладонь два пальца – так няньки по всему Талигу показывают, как зайчик идет за кашкой – указать на стекло, и снова...

– Я. Иду. К тебе. Я. Иду. К тебе.

Поняла, кляча твоя несусветная, поняла и даже улыбнулась! Виконт заговорщицки подмигнул воскресшей злодейке и, стараясь не шуметь, выскочил в узкий коридорчик. Дом спал, Арно и подумать не мог, что «спруты» уподобятся суркам, однако уподобились. Великан Тобиас, и тот клевал носом в жарко натопленной прихожей; конечно, наступил виконт на что-то скрипучее, сторож бы проснулся, но виконт не наступил, а лоскутные здешние коврики просто отлично глушили шаги. Арно ухватил два плаща, успешно проскользнул перед самым носом сони, взялся за засов и тут его осенило. Хорош он будет, если поволочет Гизеллу в Старую Придду, никому не сказавшись, да еще в первый же день пребывания в полку!

Валентин не стал помогать с похищением, но теперь-то все иначе! Акона удовлетворена, а Гизелла жива, причем ее нужно куда-то срочно девать. Расстреливать спасшуюся, верней, кем-то спасенную дурочку никто, разумеется, не станет, но убрать ее из города надо, а возьмется за это не всякий. Тот, кто отправил девицу фок Дахе к виконту Сэ, знал, что делает, так что, видимо, это все-таки Райнштайнер. К Спруту бергер благоволит, а субординацию уважает, с его точки зрения, тенъент Савиньяк не может не поставить в известность своего полковника. И так оно и есть!

Валентин ночевал в комнате, смежной с «кабинетом». Слуги уже успели прибрать, то есть унесли остатки ужина и вернули на прежние места букетики, букеты и букетищи. Узнай об этом вдова, пустившая Придда на постой и перебравшаяся к брату, она бы от умиления прослезилась. Арно хмыкнул и постучал в запертую изнутри – спрут есть спрут – дверь. Валентин откликнулся почти сразу.

– Что-то случилось? – голос был сонным, но осмысленным.

– Ты мне нужен, и срочно! И как ты, и как мой полковник!

Дверь вежливо приоткрылась. Надо же, а в этой спальне тепло, даже жарко...

– В чем дело? – Помятая щека и взлохмаченные волосы делали однокорытника почти уютным.

– В том, что женщину так просто не убьешь, – весело сказал Арно. – Гизеллу кто-то тайно отпустил, но идти преступнице некуда, и она прибежала сюда. Я отвезу ее к матери, но я не дезертир. Считаю это ходатайством об отпуске и, будь другом, уйми как-нибудь Ли. Ты кому хочешь голову заморочишь, устрой, чтобы мы спокойно добрались до Старой Придды.

– Интересная новость. – Валентин быстро взялся за гребень. – Говоришь, девица жива?

– Да, если только не замерзнет, пока ты причесываешься. И не сбежит. Тот, кто ей помог, уже рискнул, но дальше – мое дело!

– Наше, – поправил Валентин. – Я допускаю, что она пришла к тебе, однако хозяин дома сейчас я, и мой долг приветствовать даму. Ты, кстати говоря, одет с удручающей небрежностью. Повернись, я расправлю шейный платок.

– К кошкам этикет, не до того! Она бы вообще в окно влезла, только оно замазано.

– Окна мужчин семейства Савиньяк девиц влекут невероятно, но отпуск я тебе представлю лишь после личного знакомства. Знакомство же состоится, когда ты будешь выглядеть, как пристало офицеру моего полка. Будь добр, повернись.

Арно повернулся.

2

В самой беседке светильников опять не оказалось, но ногу никто не подвернул и нос не расквасил. Матильда тихонько села, Алва остался стоять у нее за спиной.

– Я бы предпочла льва, – проворчала алатка, вслушиваясь в ночь, ставшую чудовищно тихой. Подобная тишина рвется либо криком, либо неотвратимыми тяжелыми шагами.

– Какого льва? – со знанием дела уточнил кэналлиец. – Черного?

– Каменного, – бездумно брякнула принцесса. – Почему так тихо?!

– Вам не нравится? Давайте петь и смеяться.

– Смешного мало, и я, если вы вдруг не заметили, не девочка.

– Ну тогда жить и любить. Возьмите персик, здесь должны быть персики, – черный силуэт заслонил звезды, но это был всего лишь Ворон, вставший у предательской решетки. – Что-то здесь, несомненно, бродит, но подойдет ли?

– Так мы, – осенило Матильду, – приманка?!

– Это прояснится после встречи.

– Я хочу уйти.

– Неужели вам совсем не интересно?

– Нет! – отрезала алатка, уже понимая, что врет. Кладбищенский страх остался на лестнице, зато любопытство вылезло и теперь всюлю приняхивалось. – Оно ушло?

– Скорее, не вышло. Оставайтесь на месте.

– Делать мне нечего, вставать.

Кэналлиец что-то затеял, и пусть его, главное, что с Ларакком Ворон прав. В Черной Алати не зря поют о влюбленных, которые не могут соединиться. Потом один умирает и приходит за другим. Они будут вместе, пока их не разлучит законный супруг, тогда лишний уйдет в полное небытие...

– Сударь, – окликнула Матильда спутника, – а выходцы... не алатские выходцы знают, что будет, если живая жена умрет?

– Скорее всего. Вы не возражаете, если я опущу решетку?

– Зачем? – хрюкнул пережитый в зловредной беседке страх, хотя проще было бы сказать «нет». Старые дуры вправе иметь любые причуды, а уж кардинальские жены...

– В самом деле, зачем? – переспросил Алва, и тут же раздался щелчок. Тот самый. – Ну, скажем, чтоб слегка приблизить вечность.

Ворон не сказал ничего особенного, но Матильда поняла, что сейчас что-нибудь натворит. Или хотя бы ляпнет. Безотчетная, глупая несвоевременная ярость вырвалась откуда-то из юности, и унять ее не вышло.

– Я вас ненавижу! – чуть ли не с радостью объявила алатка. – А вы на краю вечности, могу и толкнуть.

– К вам я стою лицом, так что врасплах меня не застать, а вечность в спину не бьет. Что до ненависти, то вы бы смогли ненавидеть разве что агарийцев, сумей они вернуть Алат.

– Мой внук сумел вернуть Талиг.

– Не вернуть и не Талиг.

– Ах, да! – злое веселье не отпускало и требовало громкой чуши. – Марагонского бастарда признали, так долой прошлое величие!

– Величие не бывает прошлым. Если это величие страны или человека, который что-то сделал. Эсперадор Адриан, как я недавно узнал, был велик, а ваш первый супруг?

– Да! – рявкнула Матильда. – Да, я была душой, а Анэсти – слизняком. Но ваши Оллары – разбойники с большой дороги.

– Не больше, чем Мекчеи или Зильбершванфлоссе, правда, «гуси» начали раньше.

– Раканы правили уже тогда. – Твою кавалерию, ну и бред же она несет! Жила с Анэсти – не несла, а тут прорвало!

– О да, – внезапно согласился Алва. – Раканы на дорогах, насколько мне известно, лично не буянили. Собственно говоря, непонятно, откуда они вообще взялись. Поскольку династия правила не одну тысячу лет, предполагалось нечто красивое и божественное, но бог богу рознь, вспомните наших друзей бакранов. Вдруг Раканов возвел на престол бог-ызарг или бог-ежан? Или боги были приличными, но решили пошутить. Поймали в степи все того ж ызарга, слегка подправили и поставили над четырьмя царствами?

3

Граф Савиньяк не спал, не собирался и не хотел, он никогда не хотел спать, когда искал ответ и чувствовал: до искомого остается шаг или два. Мешало, что ставка на сей раз взлетела запредельно высоко. Дворцовые и военные победы в сравнении с пресловутым Изломом были что вальдшнеп в сравнении с медведем, и с этим медведем, в отличие от Хайнриха, поладить не выходило, только обойти или прикончить. Правда, сперва следовало стать кем-то вроде Кабиоха.

Прикидывая военные кампании, Савиньяк всегда смотрел на карту. Карта лежала перед ним и теперь, пользы от нее было мало, но когда перед глазами что-то осмысленное, думается чуть легче. Маршал взял грифель и заштриховал Багряные Земли, Черную Алата, Кэналлоа и Марикьяру. Этой ночью ему не давали покоя Закат, мориски, огнеглазый Флох, святой Адриан с Леворуким и собственное отражение. Леворукий, как водится, все портил – если он в самом деле был зеленоглаз...

Будь у Ли твердая уверенность, что он проживет еще лет десять, он, как сказочный балбес, отдал бы четверть за немедленный разговор с Бертрамом и Коко. Похоже, два Прозэмперадора с разных концов схватили одну змею, а гадина извивается, норовя то юркнуть в прошлое, то искушать.

Лионель оторвался от созерцания ставшего в самом деле черным Алата и взялся за остывшее вино. Четверка то ли богов, то ли сыновей бога, то ли демонов правила четырьмя землями, а потом куда-то делась – была изгнана, ушла, погибла... Смертные остались. Каждый помнил свое и жил по-своему. Седые и Бирюзовые земли обезлюдели, Золотые потеряли память и только Багряные, хоть и не остались прежними, прошлого не отринули. Мориски смотрят в Закат, которым в Талиге владеет Леворукий... Закат, осень, твари, алатские костры, эсператистские страхи...

Больше всего это походило на материны драгоценности. В детстве Ли любил разбирать огромный сверкающий ком, втиснутый в сундучок, который отказывался закрываться. Наследнику Савиньяков нравились камни, золото и серебро, но интересней всего был выуживать из сверкающего сумбура нужное и собирать из колец, сережек, кулонов, ожерелий гарнитуры. Некоторые мать начинала носить, хотя изначально ей не приходило в голову прибавить к кэналлийскому гребню алатские серьги...

– Ли, Ли, открой!

Младший. Распихал свитских и ломится в дверь. Любопытно, как бы вели себя адъютанты, осуществи Арно свой выдающийся план. Впрочем, при живом Райнштайнере подобные накладки невозможны, и сидящие по приемным офицеры никогда не узнают, что братец Проземператора собирался выкрасть умилившую его убийцу. Разумеется, бескорыстно, в надежде на последующие цветочки для всех и везде.

Арно продолжал ломиться, кажется, он был не на шутку взволнован. Ли поморщился, однако ключ повернул.

– Хочешь к Эмилию в Гёрле? – как мог нежно осведомился Проземператор.

– Не хочу! – Арно завертел головой. – Она к тебе не приходила?

– Она? Теньент, когда вы ревнуете, соизвольте сообщать, кого и к кому.

– Тьфу-ты, кляча твоя несусветная! – Братец, начхав на субординацию, уселся на неразобранную постель. – Эта... Которую вы с бароном расстреляли. Ты только имени вслух не говори, нельзя!

– Оно не из тех, что произносят со сладкой дрожью и при каждом удобном случае. – Савиньяк взгляделся в раскрасневшуюся физиономию, дернул шнур звонка и сообщил: – Ты похож на разбушевавшегося дрозда. Судя по твоим намекам, девица не упокоилась?

– Она ко мне приходила! – На дыбы не вскинулся, похоже, все серьезно. Понять бы еще, Излом это или совпадение. У Иссерциала выходцев нет, у Дидериха и в сказках они ходят стаями. Когда они завелись? Почему?

– Валентин думает, я был средством – чем мог помог Арно, – а целью – ты и Селина, только до тебя трудней добраться. Он, то есть Придд, поскакал к девушкам, а я – сюда! Значит, ее не было?

– Увы. – Вбежавший Сэц-Алан явно готовился куда-то немедленно мчаться. И помчится. Завтра, к Валмону. – Согрейте для теньента вина и распорядитесь оседлать Градо. Арно, в каком состоянии Кан?

– Я его не загнал...

– Это радует. Приличного проэмперадора на севере найти легче, чем хорошего мориска. Теперь можешь докладывать. Казненную девицу называй «особа»; «она» для выходицы слишком поэтично.

– Она... Эта особа пришла к моему окну, только я уже переехал к Придду, а Валентин боится, что явится его сестра. Конечно, ее никто не убивал, и с собой она не кончала, зато пыталась колдовать. Валентин говорит: те, кто поднимал выходцев, пока не случится следующий излом, могут встать. Понимаешь, эта др... дама ненавидела семью, а «спруты» не знали, что она возилась с собачьей кровью, поэтому ее просто похоронили.

Валентин терпеть не может, когда разрывают могилы и все такое, к тому же прошло немало времени, и его сестра... другая, отдала ему адрианову эсперу. Придд взял, потому что у сестры, у живой сестры...

– У графини Ариго.

– Вот-вот! У нее теперь новое имя, выходец его не знает, а значит, не найдет. А еще графиня живет на острове, а ведьму похоронили на берегу, потому что в церкви Альт-Вельдера хоронят только наследников Вальков, а остальных – в форте.

– Очень интересно. Значит, Придды какие-то меры все же приняли. – Габриэла, убивавшая своими руками, в могиле, неужели у Гизеллы фок Дахе больше сил? Вряд ли, тогда в чем причина? Не в том же, что некоторые зовут «любовью»... – Вернись в Акону, братец.

– Иначе ты не поймешь! Валентин везде наткал рябины и полыни, я-то думал, это сено от хозяйки осталось, оказалось, нет. Поэтому Гиз... особа ко мне не вошла, хоть я ее и позвал. Понимаешь, она совсем живая была и как будто замерзшая. Холодина, а она в одном платьице!

– Девушка в одном платьице в самом деле вызывает желание ее согреть. На тень ты, само собой, внимания не обратил?

- Потом, когда Валентин сказал! Я сперва решил отвезти ее к матери, но... Если б я просто ушел, получилось бы форменное дезертирство, вот я и попросил у Валентина отпуск... Повествование прервал Сэц-Алан, за спиной которого высился Тобиас.
- Курьер от полковника Придда, – отрывисто дорожил адъютант. – Со срочным письмом.
- Давайте.

«Монсеньор, – почерк Придда оставался безупречным, но чернила в паре мест размазались. – Полагаю необходимым сообщить, что известная Вам фок Д., прежде чем отправиться к виконту Сэ, посетила девицу Арамона, однако в исполнении своих намерений не преуспела. По моим подсчетам, времени, прошедшего между двумя визитами, хватает лишь на то, чтобы пешком добраться от дома полковника Шерце до моей квартиры. Это доказывает, что, сойдя со своих троп, выходцы передвигаются с той же скоростью, что и обычные люди. Виконт Сэ, будучи верхом, опережает нежелательную гостью самое малое на три четверти часа. Я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы согласились надеть эсперу, которая сейчас находится у виконта. Девица Арамона имела непродолжительную беседу с фок Д. и пришла к выводу, что ее ненависть направлена в первую очередь против Вас.

Так же не могу не известить Вас о крайнем беспокойстве девицы Арамона и баронессы Вейзель. Ваше самое краткое письмо окажет на обеих исключительно благотворное воздействие. В противном случае мне придется сопровождать девицу Арамона к Вам, так как удерживать ее в доме насильно мне по ряду причин представляется нежелательным.

Преданный Вам полковник Придд».

4

- Несчастный, – посочувствовал Анэсти Ракану Ворон. Негодяй так и стоял спиной к прикормленной казарами смерти. – Ужасная судьба, если вдуматься.
- Да ну?! – с готовностью взъярилась подуспокоившаяся было Матильда. – Я из-за этого суслика всю жизнь Закатным Тварям под хвост пустила...
- Одно другому не мешает, – весело заверил Алва. – Пусть рысь и подавилась сусликом, гибели суслика это не отменяет. Кто ловит, тот выбирает за двоих. Вы ловили?
- Убирайся к кошкам! – огрызнулась бывшая Матишка, будто Алва мог убраться. Будто она могла выдернуть из канувшей юности Анэсти и запихать туда Ферека, Адриана, шادا... Бонифация, в конце концов! Брюха у муженька тогда не было, и говорил он, надо думать, по-человечески.
- Ловила, – внезапно призналась алатка. И как ловила! Подкупала, вступила в сговор с камеристкой, переодевалась в агарисскую мешчанку, и все – чтобы сперва отыскать, потом подманить и наконец закогтить белокурого незнакомца. Да уж, поохотилась...
- Сударыня, – пропустил мимо ушей признание Ворон, – раз уж мы кого-то ждем, давайте обсудим один вопрос. Довольно-таки щекотливый. Мой отец с помощью межевых шадов скупал ваши драгоценности. Я, само собой, подтвердил его распоряжение, и в Алвасете лежит около двух третей того, что вы привезли в Агарис.
- Не возьму! – отрезала принцесса. – Продала так продала... Выкупать не на что.
- Я вам и не предлагаю. Вы – высокопреосвященства Талига, а камни – собственность Мекчеи, с которыми моя семья состоит в дружбе. Предполагается, что Альберт – Мекчеи, но здравый смысл этому противится, особенно после знакомства с вами.
- Розамунда одно лицо с Альбертом.
- А вы?

– Вы тоже не в батюшку! – огрызнулась не желавшая обсуждать проданные камни Матильда. – И не в деда.

– Я – выродок, – вежливо объяснил Ворон. – Если не ошибаюсь, по счету четвертый. Соберано Алваро ценил вашего дядюшку Золтана. Ваш отец в самом деле избавился от старшего брата?

– А ваш в самом деле избавился от короля?

– Осмелюсь предположить, что ответ знала только королева. Соберано предпочел бы другой яд, но порой выбирать не приходится. Было двое мужчин и две чашки, выпить из своей было бы опрометчиво.

– Тетка Шара что-то подозревала, но либо не могла доказать, либо не хотела. – Алва не врет, и она тоже не станет! – Так и жила в Сакаци, долго жила...

– Мне довелось охотиться в ваших краях. Тогда я так и не понял, почему вы боитесь Белой Ели.

– Так Аполка же!

– И что?

– Ничего! – отрезала Матильда. – Нашел о чем ночью говорить! Здесь и так какая-то дрянь шляется.

– Вы уверены, что именно дрянь?

– А хоть бы и нет! Хватит с меня вашего аспида!.. Как пристал в Агарисе, так никак и не отцепится.

– Простите, сударыня, вы о чем?

– О чем? – Матильда ошалело затрясла головой. – Я, кажется, бредила?

– Вы вспоминали Агарис и некоего «аспида», – напомнил Ворон. – Вряд ли про змею вы бы сказали «ваш». Это был оллариянец?

– Откуда я знаю! То есть... Ну не помню я ничего! Наверное что-то было!

– Попробуйте встать и подойти ко мне.

– Нет!.. Вы отсюда не падали, а я пыталась.

– Поэтому я вас и прошу.

Она встала, сама не зная почему. Может, из-за ирисов на пепелище, а может, из-за вернувшегося Робера или казарона, которому, чтоб не закричать, требовалась женщина.

Пепелища должны зарастать цветами, пусть ты их и не увидишь.

Алва, всегда такой галантный, стоит и ждет, значит, нужно самой... Сделать шаг, взглянуть в глаза пережитому ужасу, вспомнить... Что? Несмерть тянет к себе нежизнь и возвращает сны. Кружат в диком танце пары, щербатая малявка заносит ножку, топает по блюду, разлетаются брызги, дрожит бумажный цветок в рыбьей пасти.

– *Доброй ночи, фокэа, вы опять там, где вас быть не должно?*

Сладковатый жуткий ветер, свихнувшийся спутник, бегство непонятно от чего, темные аллеи, белые могилы, бред... И горячие мраморные руки на плечах. Эсператор Руций, так похожий на Робера, каким тот был один-единственный раз. Эпинэ забыл, а она помнит.

– *Быстрее, фокэа, быстрее!*

– Стойте, сударыня!

Вышедший из стены белый жеребец, горохом посыпавшиеся звезды, горный ветер, кольцо сильных рук.

– Спасибо, сударыня.

– *Руций... Руций...*

– На гальтарский манер меня еще не называли.

Всего лишь Алва... Каменный Эсператор подарил ей ночь без стыда и без сомнений, Ворон не сможет, да и не захочет. Матильда Алати вздернула подбородок.

– Вы узнали, что нужно?

– Не до конца. Вам ничего не говорит имя Герман?

– Нет.

– А Супре?

– Супре?

– *Благодарю вас, фокэа!*

Здесь не было даже стены, так что он взялся из ниоткуда. Черный олларрианец, который слишком много от нее хотел.

– Ну вот он! – с удовлетворением произнесла женщина. – А с меня хватит!

– Это в самом деле так, – негромко сказал аспид, и Матильда увидела, что затылка у него нет. Только лицо и туман.

– Сударыня, постарайтесь не упасть на лестнице, – герцог Алва уже волок ее к краю площадки. – Если встретите Валме, пусть идет сюда, остальных гоните назад, и Бонифация первым.

– У него же только полголов...

– *Вас* это больше не касается. Не оглядывайтесь. Во всех смыслах этого слова.

– Ну уж не...

– Идите!

Почему она пошла? Уж не потому ли, что с ней заговорили так, как она всю жизнь хотела. Чтобы прогнать. А чего еще делать со вздорной старухой, пусть ее и обнимали памятники?! Эпинэ был болен, а Дьегаррона вообще по голове двинули, хоть и не так, как этого аспиды. Герман... Теперь она запомнит, только кому оно нужно?

На второй площадке Матильда таки обернулась, но увидела лишь уходящие во тьму ступени. На самой нижней валялся малиновый цветок. Бумажный и как будто изжеванный...

Глава 8

Талиг. Акона

400 год К. С. Ночь с 8-го на 9-й день Осенних Волн

1

Им не было и шести, когда дядюшка Рафиано принялся страшить племянников хищным деревом, в ответ Ли с Ми завопили, что такого не бывает. Утром мать открыла толстую книгу на странице с болотной комарянкой, объяснив, что не стоит путать «не бывает», «не может быть» и «я не видел». Деревьев-охотников граф Савиньяк так и не встретил, но если есть хищная трава, где-то может вырасти и дерево. Где-то, но не здесь и не сейчас...

– Девица передумала, – решил Лионель. – Иначе она бы уже явилась, даже если б шла на карачках. Не сказал бы, что эта лучшая ночь моей жизни – ни толку, ни удовольствий.

– Зато все живы, – явил нежданную мудрость Арно. – Наверное, до тебя только через родственников и доберешься! Я ей сдуру брякнул, что отвезу к маме... Ли, эта особа не сможет... ну, явиться в Старую Придду вроде бы от нас?

– Считается... – Лионель от души зевнул и понял, что хочет спать. Зверски, до желания, не снимая сапог, упасть на ковер. – Считается, что выходцы обретают власть над кровной родней, супругами, любовниками и теми, кто подлым образом привел их к смерти. Даже у девицы фок Дахе не хватит воображения обвинить в этом нашу мать, хотя, не роди она меня, я бы не оказался в Аконе, и у Райнштайнера возникли бы трудности с Кодексом Франциска.

– Значит, она пошла к Райнштайнеру!

– Зрелище было бы изумительным. – Выставить разболтавшегося братца и лечь! – Увы, барон запал девице в душу меньше, чем я, а до меня она могла добраться лишь через родную кровь. К несчастью для мстительницы, твое увлечение оказалось недостаточно роковым, иначе ты не стал бы докладывать Придду.

– Чушь! – ожидаемо возопил Арно. – Мне их просто жаль! И ее, и полковника, вот уж бедняга...

– Будь убиенная дева тебе никем, ты бы дрых, как все в доме. Предлагаю вернуться к прерванному занятию, Сэц-Алан тебя устроит.

– А Придд? Я должен...

– Придд способен самостоятельно догадаться, что пора спать. Полковники...

Ли не возопил и по лбу себя не хлопнул, просто, оборвав шуточку на полуслове, схватил многострадальный звонок. Спать было некогда – девица фок Дахе таки могла отомстить, пусть и не Савиньякам, а если подобные душонки могут, они мстят. Всем, до кого в силах дотянуться.

– Господин маршал! – Сэц-Алан рвался в бой и потому казался младше хмурого Арно.

– Уилера с эскортом к подъезду. – Лионель с тоской взглянул на кровать и потянулся за шпагой. – Теньент Савиньяк, вы поступаете в мое распоряжение. Полное.

2

Дверь была приоткрыта, и Уилер распахнул ее, не дожидаясь приказа. В черной прямоугольной дыре царил редкость омерзительная тьма. Лионель еле слышно присвистнул и, остановив «фульгата», шагнул внутрь, Арно сглотнул и без спросу бросился за братом. Мятой в прихожей фок Дахе больше не пахло: выставший дом встречал чужаков подвальной затхлостью.

– Теньент, возьмите у сержанта фонарь, – негромко велел Ли, то есть маршал Савиньяк. – Вы знаете дом?

– Я был здесь... и в гостиной. Я пойду первым! У меня же... Мне же Валентин надел!

– Следуйте за мной. При необходимости повторите то, что сделал полковник Придд.

Ариго спросил бы «сможешь?», Лионель обошелся без этого. Он знал, должен был знать, что делает, но Адрианова звезда болталась на шее Арно, защищая не того, кого нужно.

– Надень...

– Молчать!

Ступеньки зло скрипели, коврики успел покрыть сизый налет, а перильца, которых виконт ненароком коснулся, оказались склизкими. Луч фонаря уперся в сдвинутые портьеры, все в каких-то гадостных пятнах.

– Ли! Особа уже...

– Возможно.

Сдернул перчатку, голой рукой рванул *это!* Ну и кто у нас «не в себе»? Теньент прыгнул через брошенные сгнившие тряпки, будто брезгливый конь через навозную кучу. Гостиная была пуста, холодна и омерзительна. Воняло тухлятиной, на столе тускло поблескивала посуда, стенная обивка, насколько позволял видеть фонарь, пузырилась. Лионель огляделся, поднял высокий табурет и швырнул в окно. Зазвенело, в гнилую затхлость ворвался чистый холод; брат двинулся дальше, под сапогами закрипело стекло. Будто лед.

– Я тоже думал выбить окно, – выдавил из себя теньент. – Чтобы ее впустить...

– Посвети на стол.

Две кружки, кувшин, превратившийся в пушистую серую мерзость хлеб, миска с какой-то жижей. Так вот откуда вонь!

– Вечером это было тушеной капустой.

– Ли... Ли, тут перед домом рябины. Они должны были помочь...

– Фок Дахе не догадался при виде дочери влезть на дерево.

Фок Дахе открыл своей «птиченьке» – замерзшей, притихшей, чудом спасшейся и прибежавшей домой. Он поверил своим глазам, Арно тоже поверил, а потом взявший его под руку Придд осведомился: «Сударыня, где ваша тень?»

– В доме были слуги? – Лионель накрыл бывшую капусту пустой тарелкой.

– Нам тогда открыл... Бывший денщик, похоже.

– Значит, не сбежит. Идем.

Спальня фок Дахе была всего лишь выставшей и очень-очень опрятной. Все вещи знали свое место – от нетронутого ночного колпака до икон и простеньких грифельных портретиков. На одном держался за саблю серьезный молодой офицер, с другого улыбалась девочка с копной непокорных темных кудряшек.

– Знаешь, – почти шепнул теньент, – человек без тени, это жутко. Когда поймешь...

– Жутко, когда одна девица собирается отрезать голову другой. Отсутствие тени смущает меньше, чем отсутствие глаза или ноги. – Ли поднял сложенные особым образом руки, в круге света знакомо взметнулся черный олень. Тоже тень...

– Валентин думал, что если б она увела меня, я бы явился к тебе. Как же она вас с Селиной ненавидит!

– Если человек глуп, он помещает свое несбывшееся в кого-то и принимается ненавидеть.

– Ты же ненавидишь убийц отца... Гизелла ненавидит, потому что любила!

– Отец не сдирал с путников колец и не бросал трупы в придорожные канавы. Есть ненависть и ненависть, как есть вино и моча. Вино можно пить, но зная меру.

– Не изящно, – Арно делано хохотнул.

– Святой Адриан не Веннен, а сказал это именно он. – Брат взял портретик и усмехнулся. – Первому «льву» не давали покоя мерзости, сделанные якобы из любви. Неудиви-

тельно, что Адрианова звезда отпугнула столь любящее создание, впрочем, тебя вряд ли бы удалось увести так просто... А вот еще об одной ненависти вы не подумали. Придду прости-тельно, но ты-то слышал, как она кричала на отца.

3

Кровь Савиньяков говорит с кровью Приддов, Райнштайнеров и Ариго. Возможно, именно она вырвала вдову Арамоны у пожиравшей ее дочери. Замахнувшись на Арно, девица фок Дахе могла нарваться, а могла и получить что хотела. «Спрут» смахнул карты со стола, но теперь Савиньяков двое и у одного адрианова звезда, неплохой шанс проверить.

– Здесь всё. Посмотрим на первом этаже и в погребе.

– Но... Ведь она уже...

– Нужно отыскать слугу, а может, еще и гостя. Стол накрыт на двоих.

Понять, что в миске была капуста, проще, чем представить, что *это* только что ели. Арно к подобному не готов, как и Эмиль с Ариго. Увидеть в гнилой жиже отменное блюдо, в старухе – былую красавицу, в руинах – легендарный дворец, а в суевериях – ключ к разгадке трудней, чем унять Сильвестра. Впрочем, ты и этого не смог.

Чтобы спуститься, пришлось пройти через выгнившую гостиную. Минуло лишь несколько минут, но ветер дул прямо в разбитое окно и к осколкам уже пристал мертвый лист. Иссохнуть лучше, чем сгнить, но лучше всего сгореть, потому маршалы и умирают легче кардиналов. Обычные маршалы.

– Подобное – к подобному, – Ли небрежно бросил портрет девицы на стол с тухлятиной. Если он угадал, они успеют, если ошибся, Уилер поскачет к полковнице с советом не звать по имени мужа и дочь.

– Господин маршал!!!

Вспомнить Уилера за секунду до его вопля... Тоже кровь? Вряд ли... но как же здесь мерзко! В Аконе сотни домов со скрипучими лестницами и пестрыми ковриками, от которых так и веет незамысловатым уютом. Совсем немного холода и гнили – и дом уже не дом, а могила, в которую лучше не возвращаться. Арно кошкой рванул к двери, Лионель вышел спокойно, только у самого порога не выдержал, отшвырнул сапогом некогда красную женскую накидку.

– Я слушаю, капитан.

– Прошу простить, тут такое дело! Мы решили глянуть в подвал...

– Вас короновали? Когда?

– Я решил проверить подвал. На всякий случай. Дверь открыта, вот *мы* с сержантом Аспе и спустились. Внутри ничего не протухло, зато отыскался слуга. Я его прежде видел и сразу узнал, хотя он ничего не говорит. Забился за бочки и скалится.

– Он все еще в подвале?

– В самом низу. Мы без приказа не вытаскивали.

– Идемте. Арно, помни о фонаре.

Значит, за бочками и скалится. Крыса? Скорее всего. Крысами воображали себя в Агарисе, Кошоне и Фельпе, а гниль тянется за выходцами по всем сказкам, хотя ни Джастин, ни Зоя Гастаки ничего не испортили. Гости Мелхен не заходили в дом, Удо Борн тоже...

– Сюда, Монсеньор. С ним осторожно надо.

– Разумеется. Он – крыса, и он в углу.

Супруга фок Дахе была запаслива. Того, что хранилось в подвале, большой семье хватило бы на несколько счастливых зим, но соленые огурцы оказались долговечней счастья. Огурцы, грибы, все та же капуста...

– Виу-и-и-и!

Визг раздался не из-за бочек, а из-за мешков, на которых кто-то аккуратно вывел «горох». Савиньяк отстранил «фульгата» и шагнул вперед. Однорукий старик злобно щерился, глядя снизу вверх и визжал. Он больше не был человеком, и Лионель взвел курок пистолета.

– Ли!!! Он же сумасшед...

Пуля оборвала и визг, и просьбу. Эхо отскочило от чистеньких стен, сделав выстрел чудовищно громким. Ставший крысой солдат упал ничком. Лучше так, чем забиваться в углы и грызть мешки... И все же смерть вышла довольно-таки дурной, любопытно, сможет ли теперь здесь протиснуться Зоя?

– «Пуля легче лихорадки», – пробормотал Уилер. Эту алатскую присказку Ли помнил. Пуля легче многого, особенно на Изломе.

– Сожгите дом со всем содержимым, но так, чтоб огонь не перекинулся к соседям. – «Фульгаты» предпочтительней городской стражи, те вряд ли умеют поджигать. – Утром узнайте, как найти госпожу фок Дахе, она должна получить должное возмещение.

4

– Слугу нужно отдать родным. – Арно старался говорить твердо. – Пусть похоронят.

– Этот человек погиб при пожаре, и вряд ли у него был кто-то, кроме полковника. – Ли спокойно убрал пистолет и теперь расправлял манжеты. – Если я в твоём присутствии сойду с ума, стреляй сразу.

– Я...

– Придд на твоём месте уже осведомился бы, не опоздал ли он с исполнением приказа, так что уточняю: «Если я сойду с ума подобным образом». Двое со мной, один – к Райнштайнеру, один – к Придду, он у известных вам девиц. Остальные на пожаре.

Куда он собрался, господин Проэмперадор сообщить не соизволил – ехали быстро и молча. Арно пытался сперва думать, потом – вспоминать и наконец просто не злиться. Переживать за братца в его присутствии было не проще, чем беспокоиться о волке, когда тот кого-то ест, а ведь, услышав от Валентина, на кого нацелилась Гизелла, Арно чудом не спятил. Виконт гнал Кана ночной Акономой, с ужасом представляя раскрытую дверь и ничего не заметивших фульгатов. Он успел, только торопился не туда: мертвая дуреха, отчаявшись отомстить за любовника, принялась мстить за себя. Отцу, который любил, но не понимал и не...

– Кто идет?

– Проэмперадор Северо-Запада и Надора!

Кавалерийские казармы. Сюда он тоже опоздал, это опоздание стало приговором полковнику и оставшемуся безымянным однорукому ветерану.

– Господин Проэмперадор, – доложил дежурный сержант, – в казармах все благополучно. Господина капитана сейчас позовут.

– Нет. Примите лошадей и накормите моих людей. Теньент Савиньяк, останетесь со мной.

На то, чтоб ни о чем не спрашивать, Арно хватило. Кто-то увел морисков, кто-то – «фульгатов». В караулке было тепло и душно, но ни пивом, ни вином не пахло: Райнштайнер уже объяснил гарнизону Аконы, что такое служба. Виконт не сомневался, что больше всего сержанта гнетет невозможность вызвать «своего» капитана, бедняга косился то на дверь, то на прислонившегося к белой стене Проэмперадора. Могло показаться, что Лионель дремлет, но на самом деле брат ждал, он и в Сэ так делал. В день приезда отца Эмиль забирался на крышу с подозрительной трубой, сам Арно донимал всех своими «када?», а Ли просто сидел в нижней гостиной, закинув голову и прикрыв глаза.

– Арно, – негромко окликнул Лионель, – пора.

Ночь была чудовищно тихой и холодной. Вмерзший во тьму лунный огрызок кутался в опаловый ореол, иней превращал неуклюжие, хоть и мощные ворота в Рассветные врата. Очень хотелось юркнуть назад, в караулку, где остался такой чудесный сержант.

– Господин Проэмперадор, разрешите обратиться.

– Тише, – шикнул братец, подтверждая свое сходство со змеюкой. – Я вызвал Придда, но к началу ему не успеть, а на тебе Адрианова эспера. Не считая крови, но кровь у нас одна на двоих.

– Ли!

– Соберись! – потребовал Проэмперадор. – Тропы выходцев начинаются только в месте дурной смерти, из чего следует, что из дома полковник с дочерью ушли обычным способом. Мы разминувшись минут на двадцать, однако девицы, даже самые шустрые, не скачут кентером, а старик хромает. Где в Аконе должным образом резали и вешались, не знаю, но есть немалый шанс, что твоя протеже направилась к месту собственной смерти. Если так, мы их опередили.

– А... Я нарочно не смотрел, но вроде на улицах никого не было.

– Смотрел я, только выходцев на марше не видели ни в одной из известных мне сказок. Мы могли проскочить мимо и не заметить, они могли пойти другой дорогой, но ворот полковнику не миновать. Если он еще жив.

Глава 9

Талиг. Акона

400 год К. С. Ночь с 8-го на 9-й день Осенних Волн

1

Арно пытался думать, аж морщился! Втягивать его в такую дрянь было не лучшим решением, только лучшего Ли не нашел. Рассказни об опустошенных выходцами городках и селах должны рассказнями и остаться. Варварскими рассказнями, над которыми люди просвещенные смеются.

Желание задушить какого-нибудь академика его собственной мантией было столь же сильным, сколь и невыполнимым – ученых мужей в аконских казармах отродясь не водилось. В них не водилось никого, от кого сейчас был бы прок, а дважды вырывавший у выходцев добычу Придд просто не успевал. Оставалось все сделать самому, но к этому Ли был готов. Чего он боялся, так это того, что Гизелла уйдет другой тропой. Мест дурной смерти, спасибо бесноватым и мародерам, становится все больше, если к изломным красотам прибавится нечисть, удержать поводья будет почти невыполнимо. Страх станет второй «зеленью», а даже лучшая из лошадей с двумя всадниками далеко не ускачет, Прозэмперадор тоже не сможет, он просто не вынесет двойного груза. Значит, малейший шанс удержать фок Дахе в Аконе или хотя бы отправить напрямиком в Рассвет нужно использовать.

– Фок Дахе должен тебя узнать, – небрежно бросил Лионель, выдерживая растерянный жеребчий взгляд. – Попробуй взять его под руку, как тебя взял Придд, и увести к реке. Лучше всего на мост – выходцы не любят текучей воды.

– Хорошо. Но... Ли, она ведь ищет тебя, а Эмиль говорил... Лучше я сам!

– Нет.

Будь здесь Валентин, искушение стало бы серьезным. Прозэмперадор слишком важен, чтобы хватать за шиворот нечисть, рискуя своей драгоценной головой. Маршал идет в бой, когда закончились генералы, а генералы выступают вперед, когда полегли полковники. Так учит Пфейхтайер, а труд его, как бы над ним ни ржали, писался кровью не одну сотню лет; дотошный дрикс просто снял копию. Чернилами. Фельдмаршал ничего не напутал, но пока он скрипел пером, жизнь продолжалась и кровь текла на уже новые страницы.

– Лионель, ты не должен... – Арно шептал и все равно умудрялся кричать. – Ты же Прозэмперадор!

– Спасибо, я помню.

Не хватало, чтоб по Придде разбрелись мертвые полковники и принялись стучаться под окнами и у ворот. Родня родней, но кто из ветеранов не откроет боевому другу и не окликнет его по имени? А наутро – выгнивший дом, забившиеся в подполье уже не люди и слухи, слухи, слухи...

– Ли...

– Молчать!

Серебряные от инея стены, продрогший месяц и крошечная тишина. Слишком крошечная для спящего города. Ждать было бы легче, не ударься позавчера Эмиль в пророчества, хотя вряд ли братец учуял именно Гизеллу. Из них троих он в этом смысле самый непричастный – ни приговора не утверждал, ни спасать не рвался, так что к кошкам предчувствия! Эту ночь ты переживешь, а нет... Если себя не забыл граф Васспард, граф Савиньяк тем более не забудет,

а остальное придется взять на себя Придду. Но не раньше, чем станет ясно, что видно с *той* стороны и как это можно использовать на этой.

Шаги... Вот и дождались, можно себя поздравить с удачной догадкой. Как-никак, первая игра за выходца. Эти твари уводят родню и врагов по одному, Гизелла дважды давала понять, кто ей нужней. Значит, отца она выпустит, а может, и прогонит.

– Ли!

– Слышу. Отойдем.

Одинокий путник хромал. Неровные небыстрые шаги казались частью почти уже зимней ночи. Что ж, будем надеяться, утро они с Арно встретят еще не остывшими.

– Ли, он хромает!

– Несомненно. И кто бы мог подумать, что два часа назад я собирался спать.

2

Вот чего Арно не представлял, так это того, что будет трусить, да еще столь отчаянно. Беситься он при брате бесился, не без того, но чтоб бояться?! Ли махнул рукой, указывая в тень, и Арно послушно попятился, тишину нарушали только шаги фок Дахе, хотя полковник был еще по ту сторону ворот. Теньент попытался вспомнить, бывает ли слышно изнутри, когда кто-то подходит, и не смог, а спрашивать было нельзя: если слышат они, услышат и их. Виконт покосился на караулку – в окне бился теплый мягкий свет. Лионель запретил солдатам выходить, но неужели никто не выглянет? Глупости, разумеется нет! Приказы Проэмперадора в Аконе выполняют не раздумывая, даже самые странные.

Рука привычно легла на эфес, но шпага сейчас не защитница, а желание залезть за пазуху и проверить, на месте ли эспера, Арно подавил. Адрианова звезда деться никуда не могла, она себя уже показала и еще покажет, хотя лучше бы ее надел Ли. Брат стоял в шаге от калитки – высокая темная фигура, только на левом плече и шляпе лежат лунные отблески...

Арно сглотнул, гоня дурацкую мысль, что об этой ночи он никогда не напишет матери, он вообще никому не расскажет, чем бы все ни кончилось! Даже если все будет... Нет, не будет! Уилер говорил, когда они вломились в Гаунау, все понимали – зачем и на возвращение не очень рассчитывали, но Ли вывел армию почти без потерь. Он не полезет в бой, если тот безнадежен, и вообще знает, что делает. Знает! *«Если я в твоём присутствии сойду с ума, стреляй сразу...»*

К кошкам такой приказ! Лионель с ума не сойдет никогда. Кто угодно, только не он... Уже?!

Стук показался громким, будто тараном грохнули. Часовой не мог не услышать и не окликнуть, но часового Ли отправил в караулку. Брат оглянулся, быстро приложил палец к губам и шагнул к калитке.

– Кто идет?

Узнает старик голос или нет? Ночь меняет все, а полковник говорил с Проэмперадором от силы несколько минут.

– Полковник фок Дахе. Срочная надобность.

Срочная... Проклятье! Арно все-таки расстегнул мундир и докопался до эсперы, та была на месте, а из караулки никто не вышел и в окошке не мелькнул. Не слышат? Боятся ослушаться? Или, как Тобиас...

Лязгнул засов, глухо стукнуло о камень железо. Ли открыл и быстро отступил, давая полковнику войти. Старик был один, наученный горьким опытом теньент глянул на землю, тень фок Дахе еще не отеклась от хозяина.

– Итак, полковник, – негромко окликнул Лионель, – что у вас за надобность?

– Ночь. Эта ночь...

– До рассвета еще часа четыре. Так в чем дело?

- Я иду.
- Куда, сударь?
- Я иду, – полковник сделал шаг, – я иду... Иду...
- Полковник фок Дахе! Смирно!

Остановился, кляча твоя несусветная! Щелкнул каблуками, неловко припав на больную ногу, отчеканил:

- Полковник фок Дахе. Срочная надобность. Я иду...

Не узнал маршала и теньента тоже не узнает, так что ни к какой Виборе его не затащить! Решение пришло само, виконт бросился вперед, на ходу стаскивая цепочку. Фок Дахе еще стоял по стойке «смирно» и чеканил свое «Я иду!», когда теньент, сорвав с седой головы шляпу, нацепил на старика защитную звезду, запихнув ее поглубже за воротник. Позади громко, по-детски всхлипнули. Теньент, не выпуская окаменевшей добычи, оглянулся. Гизелла вжималась в заиндевевшую стену, ее губы дрожали...

- Папа!.. Ты... Ты меня тоже бросишь. Как все...
- Птиченька моя!
- Фок Дахе, стоять! Смирно!
- Холодно... Мне так холодно...

Оторвалась от грязной стены, шагнула к отцу, обнимая себя за плечи. Создатель, совсем же девчонка, и больше не злится. Куда ей злиться в такую холодину?!

- Сударыня, я сейчас дам вам свой мундир.
- Вы так добры, – девушка присела в реверансе и вдруг закрыла лицо руками. – Не надо, ничего не надо, ведь меня все предали!..

3

Странная ночь и утомительная – надо бы орать от ужаса, а тянет зевнуть и при этом еще и рассмеяться. Над сказкой, почти показавшейся страшной.

– Создатель, это же казармы... – хрипит полковник, на плечах которого повис Арно. Ничего не скажешь, взял за руку! – Господин маршал, я не знал, что хожу во сне... Птиченька моя!

Не ответили, но ветеран вздрогнул, будто его ударили, и рванулся куда-то вбок. Арно оказался сильнее, а Торка учит не только бить, но и хватать.

- Фок Дахе, стоять, – прикрикнул Савиньяк, – смирно!

Подействовало. Счастье, что началось с вояки, – торговца или мастерового так не удержишь. Полковник стоял, хотя по щеке его ползла слеза. Гизелла, несомненно, была рядом, но Ли ее не слышал и не видел, вот только проталины на стене... Темные пятна складывались в некое подобие девичьего силуэта, однако фок Дахе косился в другую сторону. Отцовская половина его души рвалась к мерзавке-дочери, полковничья исполняла приказ, и долго так продолжаться не могло.

– Монсеньор, – голос фок Дахе был тускл и тверд, будто трактирная тарелка. – Разрешите обратиться. Теньент, отойдите. Прошу вас.

Отошел. Каким же славным он вырос. Везет же некоторым родиться младшими, а полковник смотрит осмысленно и даже не думает бубнить «я иду!». Эспера действует и на расстоянии? Ее действие длится какое-то время? Единожды разбуженный не засыпает? Просвещенные люди! Как же мало мы знаем.

- Говорите, полковник.

Будет просить то, что сам почитает постыдным. Слушать тоже неприятно, но вдруг удастся понять что-то новое. Об Изломе, о крови, о той же Королеве Холода.

– Монсеньор, я поступаю как дезертир, но я... Талиг без меня обойдется! Я всю жизнь жертвовал семьей ради службы. Жена меня понимает, но Гизеллу мы погубили... Как я брошу ее сейчас, когда... Вы еще не отец, откуда вам знать! Дочка перестала звать меня папой, когда ей было десять. Я не понимал, не видел... Выйди я в отставку еще тогда!.. Другие как-то умеют обращаться с полковой казной, у них никто не голодает и лошади в порядке, а деньги водятся. У меня было только жалованье, я этим гордился и терял дочь... Птиченька, – голос фок Дахе внезапно обрел твердость, – подожди. Я должен объясниться. Монсеньор, прошу принять мою отставку!

– Нет, – отрезал Лионель, – вы вернулись на службу, и вы будете служить.

– Монсеньор, я думал, что я потерял дочь.

– Вы ее потеряли, причем дважды. Гизелла фок Дахе, – тварь, я называю тебя по имени, так покажись! – стала убийцей и умерла. Ваша дочь – выходец, последовав за ней, вы станете таким же и погубите все семью.

Для начала – семью, потом круги пойдут дальше. Уведенные – Королева холода не в счет – подчиняются тем, кто их увел, и действуют словно в полусне. Полковник будет скулить под окнами родни и друзей без злого умысла, как пьяный, что прибрел в знакомый дом. И его пустят и пойдут за ним, как он сам брел за дочкой, ничего не соображая... Поэтому фок Дахе уйдет или на Цитадельный мост, или в Рассвет. Сразу и навсегда.

Полковник, словно кого-то отстранив, шагнул вперед:

– Никогда! Я не причиню им ... Я их не трону!

– Причините. – Пусть подойдет ближе. – Вы просто не сможете иначе. Семья пойдет за вами, как вы пошли за своей кровью. Слепо.

– Я... Я шел. Да, я шел... Иначе я бы помнил, что сказал Францу!

– Так звали вашего денщика?

– Да... То есть как «звали»?!

– Возможно, он пытался вас остановить, а возможно, слишком любил, чтобы уснуть и не слышать, как вы уходите в смерть. Вы этого не помните, я – не знаю, однако ваш Франц потерял человеческий разум и обрел крысиный. Это тоже сделала ваша дочь.

– Нет... Она не хотела! Господин маршал, поймите же! Я верю, что она мертва, я вижу, что она мертва, но есть же жизнь вечная! Гизелла все поняла, испугалась, теперь я ей нужен. Монсеньор, ради Создателя... В память вашего отца, он мог меня помнить по Лауссхен. Умоляю, примите мою отставку! Я понимаю, что умру, но я не хочу умереть дезертиром! Клянусь, моя смерть никому не повредит.

– Даже вашей жене? Она уже лишилась двоих сыновей, теперь потеряла и дочь. Вы готовы добавить ей еще одну беду? Вы упомянули моего отца. Что ж! Моя мать, та, которую я помнил с детства, мужа не пережила, нам с братьями в спину смотрит другая женщина. У нее есть все, кроме счастья, у вашей супруги не останется ничего, кроме беды.

– Создатель... Агата. Как я мог забыть о ней?!

– Она не плакала под вашей дверью.

Думает. Нет, не думает, слушает... Такой долгожданный дочерний лепет. Агата далеко, с внуками, со вдовой невесткой, а Гизелла тут. Одинокая, несчастная, испуганная, будто не она осыпала отца бранью и нанимала убийц. Эта... Люцилла? Да, именно так, Люцилла тоже плакала и жаловалась, хотя прежде только пакостила. Госпожа Арамона не устояла – устояли решетки Багерлее, а здесь стоять им с Арно.

– Сударь... – звонко выкрикнул брат. – Гизелла больше не одна. Я ее провожу... Я ее понимаю, вы – нет. Ли, я скоро вернусь, только до церкви дойду.

– С дочерью пойду я. Это мой долг... Моя вина! Гизелла... Не говори так! Я пойду с тобой, чтобы ты... Чтобы ты не вернулась за матерью. Теньент, не смейте!

Ли не вмешивался, спор был бесполезен. Эспера вернула полковнику волю, но он решил уйти с дочерью. Братец воли не терял, но, похоже, все забыл, вывод – одна эспера двоих не защитит, а ты... Ты, если не ошибешься, защитишь провинцию, но не этих двоих. Уступать не собирается никто, отпустить нельзя никого, но полковника – больше.

– Монсеньор, я отказываюсь от звания, – отчеканил фок Дахе. – И от пенсионера!

– Лионель, я скоро!

– Птиченька, я с тобой. Теньент, вы не вернетесь!

– Кляча твоя несусветная, я что, в Эйрехт собрался?! Тут шагов сто, не больше...

Полковник не противник, но он должен остаться в сознании, а малыш до церкви не дойдет. Даже если сам станет хромым полковником, генералом, маршалом... Лет через двадцать. Только б не дернулся, а рука не дрогнет. Пуля – брату, а фок Дахе придется скрутить.

– Да, Монсеньор! – старик увидел пистолет и радостно сверкнул глазами. – Да! Расстреляйте меня, как мою дочь, и мы уйдем вместе. Навсегда. Я – дезертир, я признаю свою вину полностью и согласен с приговором. Прошу разрешения умереть с открытыми глазами. Где встать?

– У стены. – Пусть встанет, тогда удастся свалить Арно и схватить этого... исполненного вины. Придд не промешкает, только бы от него без эсперы был прок. К кошкам! Через пару часов мертвая дрянь всяко уберется и очнутся караульщики.

– Ли, зачем?! Я же за него...

– Отойдите, теньент, так нужно. Птиченька, это быстро! Да ты же знаешь... Монсеньор, я готов.

4

Ли все же свихнулся. На пару с фок Дахе. Ну не хочет старик больше служить, и ладно, свое он давно отдал! Только брата не остановишь и не убедишь, остается полковник.

– Гизелла, – шепнул виконт, – скорей! Скажи отцу, что не хочешь, чтоб он шел с нами.

Кудлатая головка согласно кивнула.

– Ты мне не нужен! – выкрикнула девушка. – Ты уже жалеешь... О своей армии и своей халупе! Ну так оставайся и думай. Я, может быть, вернусь за тобой. Может быть... Мне холодно, надо спешить!

– Накинь мундир, – велел Арно. – Тебе точно нужно именно в эту церковь? По дороге в Старую Придду их полно, куда хочешь, туда и зайдем.

– Нет... Я там тебе все скажу. Только там... Здесь они, здесь холодно. Тебе скажу, ты поймешь... Они – нет, мы им не нужны, у них свои забавы... Твой брат такой жестокий, а мой отец глуп. Твой брат тебя спасти не будет, мой отец меня предал... Идем...

– Ах ты ж мармалюца хренова! Ну, зараза! – Арно не понял, кто его схватил. Уж точно не рысью прыгнувший на фок Дахе Ли. Хватка у чужака была железной, а дикая боль в руке не давала вырваться. Арно мог только смотреть на замершую в шаге от него девчонку. Он так и не успел ее закутать...

– Я вернусь, – губы Гизеллы дрожали. – Если ты меня не забудешь. Не забудешь?! У тебя есть все... У меня ничего... Меня предали, а тут так холодно... Я боюсь... Ты меня забудешь. Я тебя никогда больше...

– Я не забуду!

– Не забуду...

– Заткнись, холера, четыре молнии тебе в сердце!

– Ты грязный... Грязный!

– Сама хороша! – Что-то колючее и холодное тычется в шею, лезет за шиворот, царапает. Не железо, какой-то хворост. Ли держит бьющегося полковника, Гизелла, сжав кулаки, кричит на того, за спиной. Кляча твоя несусветная, зачем так-то уж?!

– Да хоть лопни! – огрызается невидимка. – Дохлятина.

– Ты... Я тебя...

– Ори, ори... Не хочешь рябинки, птиченька?

Боль в руке заставляет согнуться, смотреть на свои сапоги и чужую тень то ли в венке, то ли в плоской лохматой шапке. Кричит, рвется к дочери полковник, визжит и сыплет проклятьями сама Гизелла. Она даже на Валентина так не орала, вот ведь злое место! И ведь знал же, что умерла, точно знал и... забыл!

– Пустите меня к дочери, – молит фок Дахе. – Я заберу ее! Навсегда...

– Нет.

– Ненавижу!.. – отчаянный девичий крик больше не трогает, наоборот... Как же мерзко, когда столько ненависти. И к кому? К старику, готовому для нее на все.

– Больно же, – бросает Арно непонятно кому. – Я этой ...больше не защитник, так что хватит меня держать!

– Рановато, – фыркают из-за спины, но боль отпускает, теперь можно поднять голову, взглянуть перед собой. Полковник уже не бьется, просто плачет как маленький, обмякнув в руках Лионеля. Гизелла все еще что-то орет, лохматая фигурка дергается, будто марионетка, и больше не кажется ни хрупкой, ни трогательной. Грязные слова сливаются в какой-то дурной шум, и в такт ему дышит, на глазах покрываясь пятнами, растерявшая серебро стена.

5

Теперь Ли ее почему-то и видел, и слышал. Кудлатая полуодетая девица выплевывала оскорбления, с ее точки зрения, несомненно, убийственные. Выходило не хуже, чем у торговлишкой, только чем громче визг, тем короче зубы. Молчащая пустота может быть страшной, вопящая – никогда, но как же вовремя объявился Уилер!

– Ведите теньента на мост, там отпустите, не раньше.

– Слушаюсь. – «Фульгат» в венке из рябины и с рябиновой же гирляндой на шее словно выскочил из пасторальной мистерии, только у него не забалуешь. Остается полковник, бедняга вовсе плох, но, к счастью, мелок. Не сможет идти, придется взять на руки, вряд ли он тяжелей Селининой матушки.

– Идемте, фок Дахе. Можете?

– Да, модседьор... – Полковник жалко всхлипнул. Мужчинам заказано плакать потому, что это зрелище вынесет не каждый. На кровь смотреть как-то легче... – А ода... Ода де явится к Агате?

– Сегодня уже нет, – если только по соседству кого-то должным образом не убили, но это было бы слишком. – Счастливо бесноваться, сударыня.

– Ты свое получишь, – зашлась в прощальном вопле девица, – чума белобрысая!.. Я... тебя...

Желающих сотворить с графом Савиньяком что-то скверное хватало, высказывавших свои пожелания вслух было заметно меньше, это могло бы вызвать уважение. Если б дочка полковника нашла подходящие слова. Не обязательно приличные, но подходящие. Увы, брань Гизеллы была еще глупей эпиграмм Понси и колиньяровских обличений. Лионель поволок тчившегося подавить рыдания полковника к воротам, и тут же в них вцепился лунный луч. Что-то ясно блеснуло – не пуговица. Адрианова звезда! Так вот почему фок Дахе очнулся, а братец одурел... Да и ты тоже: не заметишь, не понять, что сделал Арно, надо суметь, хотя уснули же люди Придда. «Спруты»! На посту!

– Гизелла, – выдавил из себя полковник. – Прощай... и прости!

– Никогда! – несется в спину. – А ты скоро сдохнешь, сыч недоделанный!.. Ай-йя...

– Ха! – Нечто темное отваливается от стены, становясь толстяком в ботфортах с белыми отворотами. Арнольдом Арамоной.

– Так вот кто на доченьку мою хвост поднял! – Толстый палец знакомым всем унарам жестом тычет в Гизеллу. – Кровиночка моя, сердечко золотенькое, словечка дурного никому не сказала, цыпленочка-щеночка не обидела! Терпеливица кроткая, только ты ей зла и желала, сучка подколодная, исчадь злокозненное, всякой жалости лишенное!.. Только я деточку свою не оставляю, все брошу, в немилость к Ней попаду, но тебя, убивица, покараю! Смотри на эти звездочки, мерзавица, в последний разочек смотри...

Сгинувший капитан Лаик надвигался на Гизеллу, раскинув, словно для объятия, руки. Тени у него, само собой, не имелось, но в остальном он изменился мало. Ли покосился на стену в надежде увидеть еще и Зою, но Арамона заявился один. На помощь кровиночке.

– Папа! – пролепетала словно приросшая к земле Гизелла. – Папочка!..

Рывок полковника был предсказуемым, отчаянным и несильным. Разумеется, фок Дахе не вырвался, и бред начался с новой силой – бился в руках старик, визжала расстрелянная красотка, бубнил свои угрозы Арамона. Спасибо, хоть братца Уилер уволок, умнику только со Свином сцепиться не хватало! А тот был прекрасен. В черно-белом парадном мундире, лунно-бледный, он надвигался на сжавшуюся в комок Гизеллу.

– Ха! Теперь оправдываться поздно...

– Монсеньор, – стонал полковник, – Монсеньор...

– И не голоси на луну! Она не услышит... Она думает о *нем*, Она тоскует, Она послала меня! Я нарушил приказ из-за тебя, убивица!

– Папочка! Я не хочу... Не отдавай меня!

– Маршал!.. Монсеньор... Сделайте что-нибудь!

– Я делаю. – Савиньяк усилил хватку, вынуждая полковника отвернуться. Лучше было прикрыть глаза и самому, предоставив выходцу покончить с выходцем, но Ли смотрел и запоминал. Не так, как казнь Борна – тогда он ждал, что Занха сделает смерть отца прошлым. Не сделала, но легче стало. То, что творилось сейчас, давало знание, которое могло пригодиться, и Савиньяк отмечал каждую мелочь. Гизелла отчаянно ловила взгляды живых и больше не кричала. Кажется, наконец испугалась. Хорошо, что Арно не видит!

– Спасите...

Это был шепот, отчаянный женский шепот, который мужчине так трудно выдержать, но Ли помнил Занху. Борн не боялся и ничего не просил, он защищал жену, только этого никто не знал. Стойкость мятежника вызвала уважение, несколько дурных стихов и три дуэли. Сам Ли не дрался – при нем убийцей маршала не восхищались. Карл умер, графиня Борн осталась и почти сожрала свою семью. Жаль, за ней никто не явился.

– Ты... – мертвый капитан сделал последний шаг и сграбастал так и не двинувшуюся с места Гизеллу в охапку. Широченная спина не давала толком видеть, что происходит, но жалкий сдавленный писк оборвался почти сразу, и Арамона поволок добычу назад. Гизелла вырывалась, словно была живой, полковник бормотал молитву, но на выходцев молитвы не действуют.

– Ты... ты...

Теперь они были совсем рядом. Лионель думал, что мститель уйдет тем же путем, что и явился, но тот, достигнув некоей черты, остановился.

– Ты был сносным унаром, – сообщил он. – Смотри, как я защищаю доченьку. Смотришь?

– Да.

– Ха! – Арамона поднял извивающуюся девицу над головой, на миг превратившись в пародию на гальтарские изображения борцов, и с силой швырнул в стену, с которой только что сошел.

Не было ни стука, ни крика, просто на старые камни легла фреска – лохматая фигурка в непристойно задранной юбке и с раскинутыми, как лапки лягушки в прыжке, руками и ногами. Потом краски стали меркнуть и темнеть, сперва сквозь них проступила кладка, затем Гизелла фок Дахе стала россыпью исчезающих на глазах пятен, но Арамона все еще был здесь.

– Ты был сносным унаром, – повторил он, – но ты – всего лишь вшивый граф и благословения моего не получишь. Пока. Стань герцогом, обойди *его*, не хочю *ему* служить, пусть сам идет, и кровиночку мою *ему* не отдам. Ты – другое дело, но сперва заслужи! Ты можешь...

– Что именно, господин капитан?

– *Это* можешь, – Свин стоял уже вплотную к стене, – и больше тоже можешь! Добудь кровиночке моей короночку, и будет хорошо. Справедливо будет, а *этот* пусть сам... Ха!

Пятен не было, Арамона ушел в стену сразу, и тут же из караулки выскочил встрепанный сержант.

– Примите полковника фок Дахе, – буднично распорядился Савиньяк, – ему стало плохо.

VI. «Колесо Фортуны»²

Не нужно в последний момент геройски хвататься за невозможное. Достаточно вовремя сделать то, что нужно.

Уинстон Черчилль

² «Колесо Фортуны» (Колесо Судьбы, *La Roue de Fortune*) – высший аркан Таро. Символизирует вечные перемены, постоянное становление и разрушение, непостоянство как счастья, так и невзгод. Карта считается символом прогресса, а он даром не дается: для победы необходимо осознанное желание, дерзость и бесстрашие. Может означать как начало нового цикла, так и неожиданную улыбку судьбы, счастливый случай, неожиданный поворот, но надо помнить, что вращение колеса предполагает круговорот вещей и событий. Без падений не бывает взлетов, и порой необходимо опуститься вниз, чтобы затем вновь подняться вверх. **ПК:** указывает, что жизненная позиция осознана, можно начинать трудиться, а результаты скажутся позднее. Возможны несообразные действия в неожиданных ситуациях, сопротивление неизбежным переменам, невезение, провал, неожиданный удар, несчастный случай.

Глава 1

Талиг. Старая Придда Дриксен. Люценроде *400 год К.С. 15-й день Осенних Волн*

1

Арлетта вспоминала юность. Восьмой день и через силу. Вырвавшись из приторной дворцовой паутины, влюбленная девчонка радостно выковыряла из души все, что мешало, а оно, не прошло и пятидесяти лет, взяло и понадобилось.

Графиня неторопливо пила шадди, бродила по старому Арсеналу, стояла у окна, глядя в серенький день, а видела профиль Мориса Эпинэ в дневничке принцессы Карлы и его же вензель, выведенный на запотевшем стекле принцессой Георгией. Когда мэтр Капотта перевел дриксенскую балладу о разлученных жестокими родителями влюбленных, поженивших уже своих детей и скончавшихся в миг их поцелуя на свадебном пиру, ее величество поднесла к глазам платочек. Всё все поняли и принялись гадать, которой из августейших сестер достанется черноокий Морис. Не угадал никто – наследник Анри-Гийома бросился на колени перед Жозиной Ариго. В дворцовом парке, на середине сонета о всесии любви, который читала королева.

Примеру Мориса немедленно последовали двое его друзей, одним из которых был граф Савиньяк. Загодя предупрежденной о тройственном любовном порыве Арлетте тогда было не до принцесс, но лицо Карлы запомнилось.

Морис женился, однако девицы Оллар не зачали и разлучницу не извели. Сестрам начали подыскивать женихов, когда Арлетта уже уехала в Сэ. Меньше всего молодую графиню заботило, кому королева в конце концов отдаст дочерей, а она не отдала никому. Не успела. Георгию под венец отправлял уже дядюшка-регент, причем невеста отнюдь не казалась несчастной. О том, что герцогиня Ноймаринен еще и дочь Алисы, как-то забылось, а вот Ли, ожегшись с Фридой, вспомнил. Это Марианна была безопасна, а для Урфриды Бергмарк мог стать и тесен. Последний Эрнани не зря записал, что высокородным дамам свойственно путать любовь к короне с влечением к тому, кто может эту корону поднять. Урожденная герцогиня Ноймаринен была достаточно высокородна.

Арлетта сдвинула портьеры и перебралась к письменному столу. Если Георгия ехала к мужу, она еще пару дней просидит с Рудольфом, но если у герцогини собственные дела, жди приглашения на послеобеденный шадди. Вот прямо сейчас и жди, то есть, конечно же, наоборот! Графиня Савиньяк будет застигнута врасплох и слегка растеряется. Она теряется не хуже, чем Росио пьет, а Бертрам зудит о болячках и астрах, хотя исцеленному Валмону придется подагру чем-то заменить. Или не придется. Проэмперадор вправе вышвырнуть докучливых гостей, не прибегая к уловкам, впрочем, ссориться с Ноймариненами, даже начни Георгия мутить воду, нет резона и ему. Значит, в Эпинэ будут трудности с сырами и рассада, а в Старой Придде – сказочка.

Тут же захотелось написать о хорошо воспитанных змеях, но графиня готовилась извиняться, а не сочинять. История о блохах, порицавших собаку, была почти готова, и Арлетта разложила исписанные листки, открыла спасительную чернильницу и сунула туда перо. Если придут, заработавшаяся хозяйка вздрогнет и посадит кляксу.

Пришли. Чуть ли не с боем часов раздался стук. Сдержанный, дворцовый – здешние слуги и порученцы стучат иначе. Клякса упала куда нужно, графиня Савиньяк досадливо ойкнула и разрешила кому-то войти.

– Арлина, дорогая!

– Георгия? – удивление было почти искренним, радость – не совсем.

– Готова побиться об заклад, ты меня не ждала!

– Я ждала приглашения выпить шадди, – Арлетта присыпала кляксу песком и отодвинула лист. – Завтра или послезавтра.

– Это издевательство? – герцогиня Ноймаринен окинула взглядом письменный стол и уселась в ближайшее кресло. – Я о шадди... Рафиано никогда не признают хорошим сваренное северянами. Арлина, я не могла не прийти первой, ведь я – супруга больного регента, а ты – мать Проземператора, бьющего за этого регента волков. Мое приглашение могло показаться попыткой утвердить первенство.

«Арлина»... Как же «маленькая Рафиано» ненавидела изобретенную королевой слюнявую кличку, хоть и держала свои чувства при себе. С падением Алисы исчезли и сочиненные ею прозвища, но принцессы Оллар упорно зовут бывших материнских фрейлин на старый лад. Общее прошлое, о котором не было особой нужды вспоминать. До последнего времени.

– Рафиано никогда ничего не кажется, – Арлетта улыбнулась и тут же сощурилась. – *Геора*, я не стала лучше видеть, а ты села слишком далеко, лучше перейдем в гостиную и в самом деле выпьем шадди. Очень хорошего.

– Бертрам?

– О да, – графиня улыбнулась со всей мечтательностью, на которую была способна. Она ждала разговора и знала, что легким он не станет.

– Арлина, – Георгия без усилий поднялась, да и выглядела она хорошо. Удайся герцогиня совсем уж в мать, она была бы красавицей, правда, копия Алисы бесила бы не только графиню Савиньяк. – Не хочу лгать, моя истинная цель – твой Лионель, но сперва шадди и немного воспоминаний. Наша юность была яркой и счастливой. Не правда ли?

– Правда. – Спасибо тебе, Арно, за то, что ты пришел... Ты стал счастьем, а все остальное просто жизнью. – Я повстречала в Олларию нашу Одетту, она по-прежнему плачет по любому поводу, а я по-прежнему не терплю рыданий.

2

Лейтенант Тапферхазе щелкнул каблуками и вытянулся; ему было неуютно, тем более что начальство ругалось по делу. Начальство в лице капитана Фельсенбурга при виде покаянного рвения малость остыло и ухватило себя за ошейник – приступ злости явно не соответствовал обнаруженным вездесущим папашей Симоном прегрешениям.

– Ступайте, – хмуро распорядился Руппи. Бруно бы прибавил что-нибудь насчет науки впрдь, но Фельсенбург кусался, а не зудел.

Красный, как лучший из раков, подчиненный убрался отводить душеньку на провинившихся. Руппи проводил разогнавшегося Тапферхазе взглядом – настроение лучше не стало, но и не ухудшилось, и вообще подчиненных нужно школить!

– Зверствуешь? – хмыкнули за плечом.

– Так точно, – бодро подтвердил Руппи. Не будь он так зол, подкравшийся был бы «замечен» раньше. – Зверствую.

– Доложил бы подробности, что ли, – хмыкнул фок Хеллештерн. Он был генералом, но молодым, вряд ли старше фрошерских Савиньяков, а Руппи – капитаном, но Фельсенбургом. Это сблизало, хотя дистанцию держали оба. – По-человечески доложи и с расстановкой, а то я тоже злюсь.

Вдвоем они двинулись вдоль аккуратных рядов палаток. О причинах генеральской злости капитаны не спрашивают, и Руппи не спросил – Бруно тоже всю зверствовал, вернее – занудствовал, что было куда тошнее. Придирки высокого начальства заводят тех, кто пониже,

вплоть до выговаривающих своим битюгам обозников. И все же почему так и тянет кого-нибудь убить?

– Так бы кого-нибудь и пристрелил, – поделился сокровенным Хеллештерн. – Надеюсь, ты не сочтешь это советом или намеком. И вообще, я слушаю.

– Сержант Целлер отвечает за состояние ротных лошадей. – Докладывать так докладывать, авось полегчает! – Мы на марше, порядок особенно необходим, а полковой кузнец без можжевелевой не живет. На последней большой стоянке этот бездельник, либо выпив, либо торопясь это сделать, весьма небрежно подковал рейтарских лошадей. Не прошло и недели, как у пары болванов кони захромали, и что, мне теперь самому копыта у всей роты осматривать? За что, интересно, пройдоха Целлер получает свою доплату?

– Все? – участливо, в самом деле участливо, поинтересовался Хеллештерн. Командующий кавалерией, он любил повторять, что проиграть битву может не только генерал, но и коваль.

– Если бы! – фыркнул Руппи. – Вчера мои герои чудом не передрались с соседями-драгунами. У тех что-то пропало – не то зимние плащи, не то сумка с инструментом, обвинили моих, но у обормотов нашлось что ответить. Дескать, вы сами, неделю назад... Потом вспомнили какую-то муку и какую-то девку. Слово за слово... Назревала хорошая свалка, спасибо, сержант Вюнше, есть у нас такой здоровяк, раскидал самых горластых, а кое-кому и зубы надраил. В общем, утихомирил, обошлось без членовредительства.

– Молодец.

– Конечно, молодец, – поморщился Фельсенбург, – только за парнями из первого взвода грешок водится – сопрут и не чихнут. Пусть в этот раз они и ни при чем, но было такое раньше, было... И Вюнше, холера такая, все знает, но ничего не делает, вот чуть до оружия и не дошло.

– Разнос был справедлив, – постановил генерал. – Только уж больно ты разошелся.

– Сам вижу. Будь у меня другое настроение, сказал бы пару слов и забыл – лошадей перековали, драки не случилось... Но вот зол, и все тут!

– А может, ты у нас ясновидящий? – хмыкнул Хеллештерн. – С Торстеном, говорят, случалось.

– Ну уж нет! – запротестовал Руппи, невольно тронув перешедший в его собственность палаш. От болтовни про поединок в стиле первых варитов вяли уши, а понимать, что «львиным» клинком башку оттяпает любой приличный рубака, армия не желала. – И вообще не я один злюсь.

– Но ты злишься мутно, – фыркнул кавалерист. Они дошли до последней палатки, дальше начинались бурые с белыми снежными пятнами поля. – Глянь-ка! Кажется, разезд кого-то прихватил, это может оказаться любопытным.

«Это» оказалось более чем любопытным, хотя началось все предельно буднично. Высланные вперед разведчики обычным порядком остановили торговцев, двигавшихся с небольшим караваном навстречу армии, на юг...

– С вашего разрешения, – бодро докладывал ветеран-капрал, – мы выпросили, кто, откуда, куда и зачем. Полный порядок, негоцианты как негоцианты, только они с чего-то в голову вбили, что мы на встречу со столичной армией идем... Я, понятное дело, спросил, что за армия такая. Говорят, к Эзелхарду по главному тракту движется. Насколько большая, не знают, видали токмо авангард – стоит лагерем у Асбаха. Если не врут, тысяч пятнадцать, а то и все двадцать. Идут из самого Эйнрехта, пехота, кавалерия, еще и пушки везут.

– Торговцы с вами? – ровным голосом поинтересовался Хеллештерн.

– С вашего разрешения.

– Отлично. – Генеральская рука неспешно потянулась к кошельку: Георг, как и Рейфер, никогда не забывал наградить отличившихся. – Ждите здесь, с негоциантами наготове. Фельсенбург, со мной.

Шли не быстро – на них смотрели, а несколько минут ничего не решало – и молча. Только у самой палатки Бруно Хеллештерн в упор спросил:

– Понимаешь, что это значит?

Руппи угрюмо кивнул. Понимать было нечего – «вождь всех варитов» решил прибрать к рукам Южную Дриксен, и Эзелхард, город оружейников и ткачей, стал его первой целью.

3

– Мне казалось, я знаю про шадди все, но его высокопреосвященство Левий открыл для меня кое-что новое. – Арлетта поставила чашечку и вздохнула. – Я давно так ни о ком не сожалела.

Это – истинная правда, это – откровенность, и это никак не связано с Ли, а кому-то пора начинать настоящий разговор. Начавший проигрывает? Нет, если он – Рафиано.

– Кажется, эсператист в самом деле вел себя достойно, – согласилась Георгия. – Тем не менее смерть кардинала для нас не меньшая удача, чем его появление. Вторая религия Талигу не только не нужна, но и опасна.

– Талигу более всего опасна глупость. Агний зря пытался переложить ошибки Сильвестра на простонародье.

Не Агний и не Сильвестра, но на ошибки мужа жене лучше не указывать.

– Церковные дела не для меня. – Георгия неспешно поправила волосы. – В любом случае, после свидетельств Придда и Фарнэби Агний не может оставаться кардиналом Талига. Рудольфу уже приглянулся какой-то епископ, но это терпит. Давно хотела спросить, ты ведь любила мою маму?

– Нет, – вопрос странен и, вне всякого сомнения, хорошо продуман, поскольку подразумевает либо излияния, либо объяснения. Их не будет, пусть спрашивает дальше.

– Арлина, но почему? – Обидно? Наверняка, за свою кровь всегда обидно, но на откровенность вызвать важнее, что ж, будем откровенны. Слегка.

– Мне было хорошо в Рафиано, – Арлетта откинулась на спинку кресла, она не будет вглядываться в лицо, лица принцесс и королев считают открытой книгой лишь законченные дураки.

– Не хочешь отвечать?

– Отчего же? Сейчас это никого не убьет. Родители боялись меня отпускать, пусть и делали вид, что так и надо. Я как-то поняла, что их вынудили и что сделала это королева.

На самом деле отец сказал правду, хоть и почитался матерым дипломатом, а может быть, именно поэтому.

«Леттина, – этот ровный голос она помнит до сих пор, – мы должны тебя отдать королеве. Она не любит нас и не станет любить тебя. Будь осторожна и никогда никому и ни на кого не жалуйся».

Напутствие матери было четче – графиня Рафиано велела дочери сетовать на свои черные волосы и восхищаться светлыми, королевскими. О том, что Алиса не слишком умна, родители умолчали, это Арлетта как-то поняла сама.

– Но потом? – настаивала дочь светловолосой королевы. – Неужели тебе не понравилось в столице? Во дворце?

А неужели там могло нравиться? Хотя... для мух нет ничего прекрасней навозной кучи, только столь неизящная откровенность разговор не украсит.

– Мне не нравилась одинаковая одежда, – графиня улыбнулась, словно вспоминая глупенькую девочку. – Кроме того, мне не хватало брата. Как и Жозине Ариго.

– Но вы казались такими счастливыми, – огорчилась Георгия. – Я была младше вас, и я так хотела фрейлинское платье...

Они все – блондинки, брюнетки, рыжие – ходили в голубом с золотой вышивкой. В честь очей Алисы и ее кос. Этикет требовал от свитских дам и девиц носить родовые цвета ее величества, однако на дворцовых лестницах висело слишком много трофейных дриксенских знамен. Франциск Второй догадался издать особый указ о придворных туалетах, это было едва ли не единственное озарение, посетившее августейшего подкаблучника. У регентского совета хватило вкуса его не отменить, а дополнить, в целом вышло вполне прилично, но несчастные Манрики угодили между собственным родовым ужасом и цветами Ариго.

– Арлина, ау!

– Одета в самом деле была счастлива, – словно вынырнув из воспоминаний, произнесла Арлетта, – Ангелика, кажется, тоже.

– А Каролина?

– У нее было то, что она хотела, но никогда не получила бы в Борне.

– Прекрасный Гораций?

– Нет, рамка для возвышенных чувств. – Если признак старости – умиление детскими воспоминаниями, то Арлетта Савиньяк юна, как сама весна. – Поклонение несуществующей любви может завести далеко.

– Мать любила на самом деле, – Георгия упорно рвалась в лабиринты былого, хотя там спали чудовища. – Вас всех, своих рыцарей, но главное – Талиг... Ты не представляешь, как ее оскорбляли намеки на то, что она по указке Дриксен губит королевство.

– Но ведь она губила.

– А ты знаешь, что было бы, победи королева, а не дядя короля и его фавориты? То, что мы пожинаем сейчас, сеяла не мать, а те, кто ее сместил. Я тебя удивляю?

– Отнюдь нет. Когда плохо, многие начинают сперва думать, как могло быть хорошо, а потом в это верить. Это просто, ведь промахи, если они уже сделаны, очевидны, остается лишь хвалить то, что сделать не дали.

– После Мельникова луга хвалить победителя у Ор-Гаролис?

Вот и добрались, только куда? Редкая мать упустит возможность поговорить о сыне-победителе, но чудовищам законы не писаны.

– О да, – словно бы подхватила Арлетта. – Марге в своем Эйнрехте наверняка знает, как нужно было побеждать у Ор-Гаролис. Вот бы он взялся учить Бруно воевать!

– Арлина, – герцогиня слегка наклонилась к собеседнице. – Лионель бы справился с дриксами?

– Мы с ним говорили о другом.

– Ответ, достойный Рафиано. Ты хоть помнишь, сколько нам лет?

– Разумеется. Ты младше меня.

– Не настолько, чтобы это было важным. Я часто думаю о своем возрасте, о нашем... Я, ты, Рудольф, Гектор, Бертрам можем быть сколь угодно прозорливы и умны, но когда Карл сможет по-настоящему править, нам будет лет на двадцать больше, чем сейчас. Если будет.

– Бертрам точно доживет, – заверила Арлетта. – Он не для того встал, чтобы через какой-то десяток лет умереть.

– Он встал, когда счел нужным. Мой врач не верит в подобное исцеление, однако оно есть, и нам остается одно. Не верить в болезнь.

– Почему одно? – сощурилась Арлетта. Она почти не сомневалась, что будет дальше, но пусть Георгия скажет сама. Вернее, пусть скажет Урффрида. – Мы стали слишком придирчивы и видим ложь там, где следует искать чудо. В Эпинэ похоронен кардинал, его жизнь и смерть достойны святого, а исцеления на могилах святых бывали.

– Чудесная шутка!

– Это не шутка. Я, в отличие от тебя, знаю Бертрама. Если б он мог встать, когда сожгли Сэ, он бы встал.

– Возможно, он так и сделал. – Не спорит, зачем? Бертрам на юге, сейчас он не важен, а вечер не бесконечен. – До конца откровенны только дети, да и то, судя по тебе, не все. Моя старшая дочь не любит говорить о Бергмарке, и я понимаю почему. Брак устроил Рудольф, он, как и всегда, думал о Талиге. Из сыновей он растил опору трона и вырастил – никто из моих мальчиков не сможет стать большим, чем Жермон Ариго. Фрида могла бы, только моя мать слишком напугала троих сильных мужчин, и теперь мы можем быть только женами.

– Урфрида несчастна в замужестве? – Напуганный Диомид, напуганный Георг, напуганный Алваро... Это само по себе прекрасно, особенно последнее!

– Я бы не сказала, что дочь замужем, – голос герцогини чуть-чуть изменился, и Арлетта поняла: Георгия ехала ради этого. – Нет, брак состоялся, однако затем у маркграфа появилась фаворитка. Фриду это не слишком расстроило, Вольфганг-Иоганн прислушивался к советам жены, а как мужчина он ее никогда не привлекал. Супруги жили под одной крышей, встречались за столом и время от времени – в спальне. Любовница маркграфа знала свое место, как и вся Горная марка, но этой осенью многое изменилось.

– Вольфганг-Иоганн помнит свои обязательства.

– Кому, как не матери нового командора Бергмарк, это знать! Сомнений в лояльности маркграфа нет, однако положение моей дочери стало неприемлемым. Фаворитка беременна, а бергеры не меняли законов со времен Манлия. Если родится сын, он станет наследником, и в каком положении окажется Урфрида?

– Маркграф обязан отослать любовницу и найти ей мужа, а ребенку – отца, – твердо сказала Арлетта. – Подобное случалось не единожды, другое дело – будь маркграф в положении Хайнриха, которому в самом деле срочно нужен сын.

– Я бы ответила так же, если б Фрида меня спросила, но дочь уже решила. Она дает маркграфу свободу и возвращается в Ноймар. Маркграф принимает вину на себя и, разумеется, остается нашим союзником, даже более рьяным, чем прежде. В Агмштадте брак уже объявлен несостоявшимся, и я должна подготовить к этому Рудольфа, который, к несчастью, оскорблен отставкой Вольфганга. Надеюсь, ты понимаешь, что дело не в Лионеле, твой сын в отношении фок Варзов безупречен.

– Мои мальчики любят Вольфганга. Оба. Эмилю страшно не хотелось предъявлять приказ о своем назначении маршалом Запада. Хорошо, что обошлось без этого.

– Но полагаться на судьбу не стоит, и тем более не стоит доверять ей Талиг. Арлина, я надеюсь на твою скромность, потому что наш разговор Рудольфу не понравится. Нас ждет шестнадцать лет регентства, и вряд ли регент будет только один. Мы стареем, Алва бездетен, мои сыновья – торские генералы и не более того, а рядом с Карлом должны быть те, кто способен удержать в узде и север, и юг. Тебе вряд ли приятно это слышать, но Валмоны при пустой Олларии через несколько лет станут опасны, и не только они. Сейчас Придд лоялен, только спрут есть спрут, особенно если наберется сил.

Красноречивая пауза. Взволнованный взгляд. Что ж, ответим тоже взглядом и тоже взволнованным. Пусть продолжает.

– Я не находила себе покоя, – понизила голос герцогиня, – и я не видела выхода, пока не пришло письмо от Фриды. Сперва я разозлилась, потом поняла, что это спасение! Нужен союз севера и юга, и теперь он стал возможен. Урфрида – урожденная герцогиня Ноймаринен, двоюродная сестра короля и дочь регента, кроме того, она умна. Ее брак с вождем Юга даст Талигу двадцать лет мира и разумного монарха. Моему брату очень не повезло с воспитателями, но Фрида и Ли учтут ошибки Сильвестра. Да, Арлина, вот я и сказала главное. Урфрида теперь свободна, Лионель, к счастью, не женат. Ты можешь что-то возразить?

– Могу. Рокэ еще больше не женат, чем Ли или тот же Придд.

– Прости, не поняла.

– Наличие братьев делает женитьбу не столь неотложной. Я не говорила, что Эмиль помолвлен с Франческой Скварца?

– Нет, ты говорила Рудольфу, что видела Рокэ после его освобождения, но ты его не видела. Как и Эмиль с Валмонами.

– А вот этого не говорил уже Рудольф.

– Он предпочитает верить, в том числе и потому, что все-таки болен, хотя сердце у него лучше, чем у Вольфганга. К лету мой муж начнет догадываться, что Алва не вернется, однако в ваших словах не усомнится и тогда. Уехать в Сагранну и сгинуть, что может быть естественней?

А вот об этом она не подумала! О том, как просто сгинуть в Сагранне... Бертрам пишет о чем угодно, но не о Росио, а ведь Марсель к отцу заезжал. Один! И Ли... Сын не ждет.

– Думаешь, что врать уже мне? – Георгия смотрела, как победительница. Или как дура. – Право, не стоит.

Арлетта сощурилась. Она защищала Ли, она защищала Росио, и она защищала Талиг, а чтобы выпустить когти, хватило бы и чего-нибудь одного. С избытком.

– Ты забыла о дожах, Геора. О толпе бордонских дождей, которые не только видели Алву, но и подписали капитуляцию, но думала я о другом. – Пусть уйдет, уберется, разозлится, потеряет дар речи! Завтра он к ним обеим вернется, вместе со способностью мыслить, а сейчас – прочь!

– А кто из дождей прежде видел синеглазого кэналлийца, марикьяре, мориска... Так о чем ты думала?

– О прошлом. Мне вдруг захотелось узнать, поменял ли собрано Алваро чашечки, или просто не стал пить дурно сваренный шадди.

– Арлетта!.. Это выдумки Валмона, причем недостойные!

– Не Бертрама, мои. И пришло мне это в голову сегодня. Когда ты сказала, что ее величество любила нас, своих рыцарей и Талиг, не упомянув при этом короля. В юности, Геора, о многом не задумываешься, просто запоминаешь. Думать начинаешь потом, думать и сравнивать. Для безутешной вдовы, к тому же загубившей свое счастье собственными руками, ее величество была одета слишком продуманно. До похорон таких воротников никто не видел, и никто бы не посмел навязать королеве новшество. Вдовствующей королеве. Потерявшей с любовью душу женщине. Я слишком хорошо помню себя и Жозину. Есть мне с кем сравнить и, гм, в другую сторону... Кара в трауре была столь же безупречна и столь же хороша, как и твоя матушка. Ты уходишь?

– Да, Арлина. Я ухожу.

4

Фельдмаршал барабанил пальцами по незримым клавиатурам и сопел, а Руперт сидел на табурете у двери, как и положено, охраняя особу главнокомандующего. Главнокомандующий совещался, то есть стучал по столу и решал. Нынешнее сборище на памяти Фельсенбурга было не то десятым, не то одиннадцатым – генералов фельдмаршал собирал постоянно, а Руппи при сем присутствовал, изящно напоминая о застреленных и зарубленных мятежниках. Ну и о единстве Зильбершванфлоссе с Фельсенбургскими и Штарквиндами. Бруно полагал, что молодой родственник при этом еще и учится. Что-то в этом было, только нынешний совет отличался от предыдущих, как урок от панихиды.

Услышав про эйнрехтцев, фельдмаршал нахохлился и даже обошелся без своих омерзительных «неужели?» и «вот как?». Последнее слегка порадовало, должно же в происходящем быть хоть что-то хорошее! Разумеется, Фельсенбург никоим образом не желал нынешнему главе дома Зильбершванфлоссе поражения, а чтобы покончить с китовниками, пошел бы на сговор с самим Фридрихом. Если б рядом не оказалось кого-нибудь поприличней, вроде фро-

шеров или гаунау. Бруно был вполне терпим, а бесноватые опасны, и все же озадаченность на брюзгливой физиономии веселила. Вопреки всему.

– Я не ждал столкновений с большими силами китовников так рано, – наконец изрек фельдмаршал, переводя взгляд с брата Ореста на Хеллештерна и с Хеллештерна на сидящих рядом Рейфера с фок Шреклихом и фок Вирстенем. Прочих генералов выбитый из колеи полководец не пригласил. Будь его воля, Бруно бы обошелся и без Хеллештерна, но тот узнал новость из первых рук, а без старикана Шреклиха совет не совет; Вирстен же и вовсе был тенью фельдмаршала, на редкость занудливой и еще более на редкость работающей. Что до Рейфера... Руппи с некоторых пор подозревал, что полуседой генерал одалживает начальству свои мозги, после чего оно удивляет и подчиненных, и фрошеров. Еще б не удивляться, если старый бык начинает скакать через барьеры, будто мориск.

– Господин фельдмаршал, – Хеллештерн счел начальственный взгляд приглашением к разговору, – прошу меня простить, но я ничего не понимаю. Вместо того чтобы ускоренным маршем устремиться вперед и занять Эзелхард первыми, армия замедлила движение! Горники сейчас в дне пути, завтра, в крайнем случае послезавтра вечером они нас нагонят. Объединив силы, мы сможем не бояться никаких сюрпризов.

Пальцы Бруно отбарабанили еще несколько тактов. Одна и та же мелодия, никому не слышная и никогда не меняющаяся.

– Фок Хеллештерн, – лицо командующего было неподвижным, зато голос словно бы морщился, – когда мне требуется узнать чье-то мнение, я задаю соответствующий вопрос. Сегодня продолжим марш, как и намеревались, и встанем лагерем у трясин, где и дождемся фок Гетца. Фок Рейфер, а вот вас я выслушать намерен.

Рейфер поднялся и одернул мундир, значит, будет предлагать и спорить. Руппи не считал себя великим стратегом, он не считал себя даже тактиком, но этого сейчас и не требовалось. Ситуация была понятна до дрожи, единственное, что до поры до времени оставалось тайной, – численность прущей на Эзелхард армии. То, что при таком авангарде она сопоставима с армией Бруно, ясно, но обеспечит ли подход Горной необходимый перевес? Если да, можно попробовать отстоять город, а если нет?

Рейфер уже закончил с мундиром и теперь смотрел на стену, словно там проступала карта, впрочем, все карты он держал в голове.

– К Эзелхарду ведут две дороги – напомнил он. – Большой тракт, огибающий Эзеловы курганы с запада, по нему до города, если поторопить обозы, полтора дня пути, и так называемая Мокрая тропа, что идет по невысокой гряде, делящей трясины Райхерзумпф на две почти равные части. Мокрая тропа заметно уже и не столь надежна, как тракт, зато она много короче и выводит прямо к южным окраинам Эзелхарда. Возможно, есть смысл отправить конницу именно ею, в то время как остальная армия двинется по тракту.

– Я смогу выступить через час, – вмешался Хеллештерн. Он был прав, он все испортил.

– В том, чтобы отправить кавалерию прямо сейчас, – быстро произнес Рейфер, – есть определенный риск. Райхерзумпф известны не только утиной охотой, но и ночными туманами. Я бы предложил выступить за полтора часа до рассвета. Таким образом, мы выгадываем время...

«Возможно», «есть смысл», «я бы предложил»... Умница Рейфер делает все возможное, чтобы Бруно чувствовал себя полным хозяином, но как же эта мертвая зыбь не походит на споры у Олафа, где никто ничего не скрывал и никто ни на кого не злился. Бюнц верно говорил: сухопутчику нужно две башки – первая, чтобы воевать, и вторая – объезжать на кривом коте начальство.

Бруно развернул карту, на которой, вне всякого сомнения, были окрестности Эзелхарда, и насупился. Рейфер с бесстрастным лицом уселся на свое место, Хеллештерн принялся поправлять шейный платок, господ штабные так и не шелохнулись. Где-то маршировали

китовники с пушками, где-то готовились к ужину земляки Олафа, в том числе и оклеветавший Ледяного мерзавец, о котором Руппи почти забыл. Живи в Эзелхарде только он, фок Фельсенбург с радостью отдал бы городишко бесноватым. На время, чтобы не марать руки дважды.

В том, что подонки уничтожают подонков, есть некий высший смысл, если угодно – красота, но сперва нужно куда-то деть таких, как мастер Мартин. Старик убрался из Эйнрехта вовремя, только куда? Мог ведь и к родне невестки в Эзелхард... А хоть бы Файерманы укрылись в Штарквинде или вообще в Гаунау, сколько в известном своими оружейниками городке честных мастеров? Уж всяко больше, чем лжесвидетелей, так что китовников туда пускать нельзя, ну а с клеветником может потолковать и папаша Симон. В строжайшем соответствии с «Благословенным списком».

– Нет, господа! – Бруно закончил думать именно тогда, когда Руппи о фельдмаршале почти забыл. – Нет. Разделение армии и ночные переходы по болотам приличествуют фрошерам, причем самой дикой их части. Я на подобное пойти не могу, тем более что мы точно не знаем, ни где противник, ни сколько у него сил, да и сама срочность лично мне никоим образом не очевидна. Фок Хеллештерн, озаботьтесь отправить на разведку побольше людей. Мы пойдем как намечено и в любом случае успеем соединиться с Горной армией прежде, чем подойдут эйнрехтцы, с которыми самым разумным будет разминуться.

– Я не понимаю... – теперь поднялся Хеллештерн, а вот Рейфер продолжал сидеть. – Господин фельдмаршал, мы не можем продолжать движение, не имея надежного тыла и магазинов.

– Сядьте, Георг, – велел фельдмаршал, и Руппи понял: сейчас случится откровение. Бабушка говорила, что Бруно переходит на имена, будучи в восторге от собственной персоны и ожидая от других того же. Командующий пробарабанил еще пару тактов и возвестил:

– Мы заключили мир с фрошерами, чтобы иметь возможность покончить с Марге, но Марге мира не заключал, напротив. Эта армия идет, чтобы прибрать к рукам *мою* победу, однако граф Савиньяк не квелый фок Варзов. Он и китовники накрепко свяжут друг друга, а мы двинемся дальше, пользуясь уже магазинами Марге. Насколько я знаю этого господина, он должен убрать из столицы не только сильных соперников, но и самые горячие головы. Что ж, ветер Хербсте их остудит, а мы, дабы не выглядеть клятвопреступниками, уведомим талигойскую сторону о появлении возле ее границ не подчиняющейся мне армии. Брат Орест, вы согласитесь взять это на себя?

– Да, – подтвердил доселе молчавший монах. – Но я предпочел бы дождаться возвращения разведчиков. Талигойцы вправе знать, каковы противостоящие им силы.

– Несомненно.

– Господин фельдмаршал, – Рейфер встал рядом с так и не севшим Хеллештерном, – что будет через месяц с нашими гарнизонами? И что будет послезавтра с Эзелхардом?

– Если брат Орест успешно выполнит свою миссию, с нашими гарнизонами не произойдет ничего. Что до Эзелхарда, то дриксенская армия не скопище мародеров. Прошу раз и навсегда запомнить – судьба кесарии решается в Эйнрехте. Мы не вправе топтаться у каждого провинциального города.

Глава 2

Талиг. Акона Талиг. Вараста

400 год К.С. 16-й день Осенних Волн

1

В этом году только солнце вставало вовремя, остальные либо опаздывали, либо торопились. Фок Варзов свои намерения обогнал, однако Лионеля, хоть осенние дороги их с Грато и вымотали, преждевременная встреча устраивала – прояснить отношения лучше сразу. Сменить отсыревшую даже под кожаным плащом одежду было делом нескольких минут; ровно столько потребовалось и остановившемуся в том же особняке фок Варзов, чтобы узнать о возвращении Проэмперадора и надеть мундир, впрочем, Вольфганг мог стоять у окна уже при полном параде. Старый маршал в окошке... Бывает и такое!

Бывшего командующего Савиньяк встретил в дверях, старик мгновение промедлил и протянул руку.

– Я собирался ждать вас, – улыбнулся Лионель, – а вышло, что вы ждали меня.

– Писал в Акону я по указке лекаря, но ехал уже сам. – Для разбитого полководца фок Варзов выглядел сносно, хоть и похуже, чем в позапрошлый Фабианов день. – Графиня Арлетта советует называть ее сыновей на «ты», не уверен, что она права.

– С Эмилем и Арно иначе не выйдет, – Савиньяк пропустил гостя в кабинет и вошел следом, – что до меня, решать вам.

– А что делать со мной, решать тебе. Мне нужна ясность, Проэмперадор, от регента я ее не добился. Я сяду?

– Разумеется. – Ли отодвинул обтянутый атласом стул и уселся напротив гостя. – Я бы предпочел вести себя с вами, как с графом Валмоном.

Фок Варзов взглянул на свои руки и сцепил пальцы на животе, ему не хватало яблок или хотя бы грифелей.

– То есть, – уточнил он, – не как с Рудольфом?

– Разумеется, ведь в отсутствие герцога Алва герцог Ноймаринен является регентом, а Валмон – Проэмперадор. Как и я.

– Где Рокэ?! – подался вперед Вольфганг.

– Был в Сагранне, – пожать плечами, отвлечь, причем отнюдь не войной. – Сударь, самое сложное мы прояснили, а я успел разве что слезть с коня и выслушать адъютанта.

– Хочешь отдохнуть или заняться делами? Что ж, не стану тебе мешать.

– Мешать обедать? – слегка удивился Савиньяк. – Лекарь предписал вам голодание?

– Лизоб много чего напредписывал, и прежде всего отдых, только мне лучше не отдыхать. Во всех смыслах! Если бы ты считал мое присутствие в армии нежелательным, ты бы сумел вывернуться?

– Скорее всего. – Вольфганг рвется в хоть какой-нибудь бой. Рудольф не хочет настаивать и еще меньше хочет ошибиться, но будет рад, если старый соратник покажет себя молодцом. – Вы осведомлены о наших делах?

– Рудольф что мог рассказал, – выяснять отношения и дальше фок Варзов не стал, это было неплохим знаком. – С Хайнрихом у тебя мир, чтобы не сказать больше, с Бруно просто мир, а Кадана – не угроза. В Надоре Манрик замаливает грехи, в Гайифе режутся мориски, Бордон трясется и платит. Новый фельпский герцог, запамятовал имя, пробует торговаться с

Фомой, а Валмон – ты ведь знаешь, что он соизволил встать? – за ними приглядывает. Остается Оллария, и эту кость вытаскивать из горла тебе.

– Оллария ждет.

– Даже так?

– Именно так. – Нужно понять, почему фок Варзов напоминает, нет, не Катарину, что-то с ней связанное... – Вы говорили не только с герцогом, но и с моей матерью, должен я вам рассказать о зелени и погромах или это излишне?

– Причины столичного кошмара мне непонятны. Рудольф водил меня взглянуть на бесноватых, ощущения – словами не передашь... Разве что бергерской бранью, той, на которую они спрашивают разрешения у вышестоящего. Когда ты ждешь Алву?

– Действовать нужно уже сейчас. – Рудольф ждет Рокэ, или уже нет? Вольфганг, тот ждет, и будет ждать до последнего! – Буду честен, карантин скверну не удержит. Что бы это ни было, если не принять мер, за зиму оно расплзется. Сударь, я не могу допустить, чтобы сбесилась целая армия, пусть и не лучшая.

– Заль?

– Да. Господин заяц покинул Эпинэ и двинулся на северо-запад. По собственному почину, но сославшись на несуществующий приказ регента. Что им движет – привычная трусость или благоприобретенная наглость, Валмону – а сообщил об уходе кадельцев он – не ясно. В любом случае, разминуться с беженцами из Олларии Заль не может.

– А с Алвой?

Бронзовый петух бьет эмалевыми крыльями и очень кстати орет. Те, кто учит часы кукарекать, петь, вызванивать, вряд ли думают о скользких разговорах, но бой часов позволяет вспомнить о срочном деле, перевести разговор, оставить без ответа неудобный вопрос.

– Господин маршал, – еще одна улыбка, – обсуждение кадельского зайца повлияет на ваш аппетит?

– Если на него что и повлияет, так это совет вернуться к лекарям. Лионель, я допускаю... Допускаю, что Заль – изменник, свихнувшийся или находящийся в здравом уме, это вопрос второй. Но армия?! Генералы, полковники, капитаны...

– А также тененты и сержанты с капралами. Скверна не может овладеть всеми сразу. – И даже не сразу, что дает неплохой шанс. – Но есть еще привычка подчиняться, доверие к командующему, честолюбие, обиды, корысть и тому подобное. С кадельской армией нужно решать, а к подобного рода делам я приспособлен лучше многих.

– Особенно стариков?

Похоже, от разговоров о чужой старости не уйти до собственной! Разве что убрать тех, кто боится своих лет, хотя дело отнюдь не в годах.

– Я уже говорил герцогу Ноймаринен, скажу и вам. Хайнрих даст фору любой молодости, вот за Бруно после бунта в Эйнрехте не поручусь.

– А за меня после Мельникова луга?

Пуговица! Он крутит пуговицу, потому и вспоминается королева. Катарина так и не смогла избавиться от привычки что-то теревить, но сумела сделать ее оружием. Руки беспомощной, испуганной женщины, это так трогательно... Руки растерянного ветерана – жутко.

– Сударь, – медленно произнес Савиньяк, – я не мог поручиться за вас до Мельникова луга.

Катарина сожалела о своей слабости, потому что была сильна, и знала это, а Вольфгангу нужно нащупать ногой дно. Хотя бы раз, тогда он оттолкнется и поплывет. Может быть.

Лионель поднялся и отпер бюро.

– Бокал красного вина перед обедом чему-то очень способствует. Чему именно, лучше спросить Валмона.

– Пищеварению оно способствует! Рудольфу ты выкрутил руки, а мне врешь, как лекарь помирающему, – фок Варзов подался вперед, тяжело опершись о стол. – Конечно, армий мне больше не водить...

– Вы в этом уверены? – вежливо уточнил почти принявший решение Проэмперадор.

– Ты делаешь это лучше. И я хочу услышать от тебя, именно от тебя – ты бы выиграл на Мельниковом?

Такое признание дорогого стоит, но главное, Вольфганг, даже надломившись, не погас. Уж скорей наоборот – не слишком ли сильно старик горит? Торопиться с ответом не стоило, как и медлить. Проэмперадор просчитал до восьми и покачал головой.

– Возможно, я бы выиграл кампанию, но не сражение. Не *то* сражение.

– Ты бы пропустил появление Бруно? Запретил Ариго вступать в бой до подхода основных сил? Поставил бы на Болотный Маллэ? – Вопросы вылетали как пули. – Ты бы вообще принял бой?

– Я не стану отвечать. – Много Вольфгангу не выпить, но бокал тоже можно крутить в руках, главное, не раздавить стекло. – То, что сделано, легко ругать, а что не сделано – хвалить. Особенно когда сделанное обернулось неудачей или не слишком большой удачей. Я писал что-то в этом роде виконту Сэ, хоть и не думаю, что мое письмо пережило смерч. Вот в чем нет сомнений, так это в том, что через полсотни лет какой-нибудь дурак, выйдя в отставку в невеликих чинах, распишет, насколько глупы были и вы, и я, и Бруно. И как он, корнет или капитан, узрел истину, и истина заключается в том, что все якобы великие ничтожны, а по-настоящему велик лишь один. И это не Создатель, не Леворукий и тем более не Франциск...

– Я слышал про твоего корнета, – фок Варзов неожиданно улыбнулся. – От Рудольфа.

– Понси глуп, но хотя бы романтичен, – покачал головой Савиньяк, до сих пор не решивший, как распорядиться арестованным придурком. – Глупость, о которой говорю я, будет приносить. Все без разбора. Кому-то это наверняка понравится, а нас уже не будет. Разве что... тлен удастся исправить тленом.

– Никогда не понимал ваших с Рокэ шуток.

– Просто мы редко шутим до конца. Ваше здоровье, граф!

– Если оно мне понадобится?

– Не «если». «Когда».

– Ну так когда?!

– После обеда и далее.

– До возвращения Рокэ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.